

Люси Монро

Способен
на все

Нет счастья без любви

В любви нужна
смелость.

Люси Монро

Способен на все

Серия «Наемник», книга 3

OCR Roland; SpellCheck Афина Паллада

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161218

*Способен на все: АСТ, АСТ Москва, Хранитель; Москва; 2007
ISBN 978-5-17-046668-9, 978-5-9713-6268-5, 978-5-9762-4806-9*

Аннотация

Что делать женщине, которой грозит смертельная опасность? На кого рассчитывать, если полиция считает все ее страхи жалким бредом?

На помощь Клэр приходит мужчина, готовый защищать ее даже ценой собственной жизни. Но услуги бывшего «солдата удачи» могут обойтись дорого. И вопрос вовсе не в деньгах.

Доверить свою жизнь мужчине, позволить себе роскошь любить – согласитесь, на это нужна определенная смелость.

Что ж, Клэр Шарп никогда не считала себя трусихой. Она и убийце может противостоять в одиночку.

Но остаться наедине с Бреттом Адамсом – это намного труднее.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	27
Глава 3	45
Глава 4	65
Глава 5	87
Глава 6	106
Глава 7	124
Глава 8	145
Глава 9	168
Глава 10	185
Глава 11	204
Глава 12	222
Глава 13	242
Глава 14	258
Глава 15	271
Глава 16	292
Глава 17	310
Глава 18	330
Глава 19	350
Глава 20	368
Глава 21	385
Глава 22	406
Глава 23	424

Люси Монро

Способен на все

Глава 1

Правда ли то, что лишь смерть способна смыть клеймо бесчестья с подружки невесты, сбежавшей со свадебной церемонии? Если это так, то чести Клер Шарп угрожала смертельная опасность, и курок был уже на взводе. Силы Клер были на исходе – если она не уберется отсюда сию минуту, сию секунду, то эта попытка ее доконает. Джозетта поймет, должна понять...

Клер украдкой выскользнула из зала приемов роскошного отеля в пригороде Портленда. Там, в фойе, тоже были люди, но лишь служащие отеля и никого из гостей и участников торжества. Тут ее никто не заметит.

Клер облегченно вздохнула.

– Я могу вам чем-то помочь, мисс Шарп?

Клер чуть не задохнулась от неожиданности. Она не могла в это поверить. Только не здесь...

– Мисс Шарп?

Клер медленно обернулась и встретила взглядом с улыбочивым официантом в черном. В глазах его был вопрос.

Кто додумался до такой глупости – представить участни-

ков церемонии обслуживающему персоналу? Скорее всего это дело рук Вулфа. У него ловко получалось все организовывать, и он здорово помог лучшей подруге и бывшей соседке Клер по комнате Джозетте организовать праздник.

Бывшие контрактники, бесшабашные солдаты удачи – совершенно особое племя.

Клер вымученно улыбнулась официанту:

– Я... Нет, я просто... – И тут ее осенило. – Мне надо в дамскую комнату.

Официант кивнул в сторону пустого, на ее счастье, коридора.

– Вам туда, мисс Шарп.

Клер поспешила удалиться в указанном направлении настолько проворно, насколько ей позволяли высоченные шпильки – настоящее орудие пытки.

Не сочтут ли жених с невестой непροстительной грубостью с ее стороны, если она переоденется в джинсы с кроссовками и вернется на свое почетное место в этом, уже будничном наряде? Клер никогда еще не бывала на свадьбах, тем более не принимала участия в церемонии в официальном и столь ответственном качестве. Но что-то ей подсказывало, что вольность в виде джинсов с кроссовками категорически воспрещалась протоколом. Подруга невесты должна быть одета по протоколу, никаких тебе кроссовок и удобных штанов. Черт побери!

Клер чувствовала себя так, словно ее голую выставили на-

показ. Пышные юбки открытого, без бретелек, темно-синего шелкового платья не доходили до колен не четыре дюйма, спина была тоже почти голая, если не считать тонкой бархатной ленты шнуровки, заканчивающейся на середине спины бантом. Девчачьи глупости...

Джозетта уверяла ее, что платье выглядит вполне респектабельно, но Клер не привыкла разгуливать без бюстгальтера, и грудь у нее была вообще-то совсем не нулевого размера. У Клер было ощущение, что груди у нее подпрыгивают при каждом движении, а в качестве распорядительницы церемонии ей пришлось двигаться довольно много. У нее с самого начала было подозрение, что ничем хорошим эта затея с ее нарядом не кончится, но, когда Джозетта попросила ее надеть и платье, и эти туфли на смертоносной шпильке, Клер не посмела ей отказать.

Джозетта была ее лучшей подругой, и, если не считать тех пожилых обитателей пансионата для престарелых, где Клер работала, Джозетта была вообще ее единственной подругой. И с этим приходилось считаться.

Джозетта вышла замуж за любимого мужчину, который обожал ее до беспамятства. Нитро считал, что в Джозетте сошлось все, что он мечтал найти в женщине, и только этим можно было объяснить, почему Джозетта так прилепилась к этому хищнику. И Джозетта, и Нитро в свое время служили в войсках специального назначения, но, по мнению Клер, Нитро принадлежал к куда более опасному типу людей, чем

ее подруга. От него исходила молчаливая угроза, но то же можно сказать и о его ближайших друзьях, Вулфе и Хотвайере.

Вулф по крайней мере хоть и был родом из волчьего племени, но, как выяснилось, поддавался одомашниванию. Он женился на Лиз прошлой зимой, и сейчас они ожидали первенца. Клер часто гадала о том, как сошлось, что столь тонкая штучка с богатым воображением, автор умопомрачительной беллетристики для дам, так славно поладила с Вулфом, прагматиком, начисто лишенным воображения.

Хотвайер был еще не женат и ясно давал понять всем желающим, что такое положение вещей его вполне устраивает. И как бы сильно Клер ни влекло к нему, она не собиралась даже пытаться изменить его мнение по этому вопросу. Однако, наверное, что-то в ее словах или поступках было воспринято им как попытка внушить ему отличный от его собственного взгляд на возможность брака, потому что он посчитал необходимым ясно дать ей понять, как он относится к отношениям полов.

Может, все дело в том, как она на него смотрела – как влюбленная по уши девчонка-подросток. Она не могла не смотреть на него так, хоть ей и было очень стыдно за себя. Стыдно и странно. Вообще-то Клер была не из тех, кто влюбляется по уши, не из тех, кто творит себе кумиров из кинозвезд, поп-звезд и прочих эфемерных созданий.

Ну ладно, от правды не уйдешь. У Хотвайера было тело,

способное посрамить самого Давида Микеланджело. И еще у него был особый южный шарм, против которого, похоже, не могла устоять ни одна девушка. По крайней мере ни одна гостя на приеме, вне зависимости от возраста и социального статуса, не осталась к нему равнодушной. И еще он был неподражаемым мастером флирта, и этот его протяжный южный говор заставлял Клер млеть и таять. Фигурально выражаясь, она разомлела настолько, что могла бы растечься в лужу у его ног. Что, естественно, создавало для нее определенные неудобства. Однако она владела собой настолько, что никто из присутствующих, включая виновника ее дискомфорта, и не догадывался о ее состоянии.

Но самое плохое во всем этом состояло в том, что за обворожительным шармом скрывалась личность такая же агрессивная и опасная, как Нитро. Хотвайер принадлежал к типу мужчин, способных без усилий создать у женщины, оказавшейся под огнем его искрометного обаяния, стойкую иллюзию, что за ним она будет как за каменной стеной, что ее избранник способен изменить мир так, что ей, его пассии, будет лучше в нем житься. Для Клер такая комбинация обаятельной обходительности и сильной личности оказалась убийственной. Говоря о том, что она не способна сотворить себе кумира, Клер лукавила. К таким мужчинам, способным внушить женщине уверенность в собственной защищенности, да еще и деятельно меняющим мир к лучшему, она была далеко не равнодушна.

Итак, Хотвайер был убийственно обаятелен, и при виде его у Клер слюнки текли, к тому же он был прирожденным харизматическим лидером, к которому не хочешь, а тянешься. Заполучить его у Клер практически не было шансов. Клер исполнилось двадцать восемь, и она многое в жизни повидала, но, нисколько не лукавя, могла заявить, что до сих пор не вождедела ни к одному представителю мужского пола.

Она точно знала, что возбудить ее так, чтобы ей по-настоящему захотелось секса, – дело бесполезное, можно даже не пытаться.

Но, черт возьми, присутствие Хотвайера она чувала с расстояния десяти футов по вполне определенным рефлекторным реакциям организма – по особым бегущим по спине мурашкам и легкому ознобу. И те части ее тела, которые она если перед кем и обнажала, то лишь перед доктором, начинало пощипывать. Не приведи Господь!

И пребывание в платье, в котором она и без того чувствовала себя почти голой, еще больше усугубляло ситуацию.

Клер в нерешительности переминалась перед дверью туалетной комнаты. Хватит ли у нее духу выйти к машине и переодеться в свою обычную одежду? И, что более важно, расстроится ли Джозетта, если с двенадцатым ударом часов карета превратится в тыкву, а нарядная подружка невесты – в компьютерного червя без понятия о моде и стиле?

– Сладкая моя, ты, похоже, готовишься к побегу? – Знакомый южный акцент пробил ее, как удар молнии.

Клер стремительно обернулась, и сердце ее сбивчиво застучало.

– Я подумывала о том, чтобы переодеться, – призналась она. – Я не привыкла наряжаться, и мне не по себе.

Жаркий синий взгляд Хотвайера прошелся по ней, ощущал, словно похотливые руки, причем руки, весьма искушенные в ласках.

– Ты меня сильно разочаруешь, Клер. Ты сейчас такая красивая.

Клер не могла удержаться от смеха:

– Скажешь тоже!

Даже сегодня, когда над ней хорошенько поработали парикмахер и специалист по макияжу, в эксклюзивном платье, купленном для нее Джозеттой, у Клер при взгляде в зеркало голова кругом не пошла. Она не заблуждалась на свой счет. Клер знала, что красивой ее нельзя назвать даже с натяжкой. Пожалуй, сегодня она выглядела неплохо, но ведь неплохо может выглядеть любая женщина. Но назвать ее красивой... До красавицы ей было далеко. Впрочем, она к этому и не стремилась. Зачем стремиться к недостижимому?

В отличие от матери, которая, несмотря на внутренний надлом, была очень красивой внешне, Клер обладала вполне заурядной внешностью. Обычное лицо, обычная фигура, может, местами с излишне выразительными формами. Волосы цвета вареной моркови, и никакого чувства стиля Она и близко не могла сравнить себя с женщинами, что так и ви-

лись вокруг Хотвайера.

Но она не переживала из-за внешности. Честно. Красота, по крайней мере для женщины, часто оборачивается не благословением, а проклятием. Взять, к примеру, ее мать или некоторых голливудских актрис. Часто у них такая жизнь, что у средней руки семейного психолога волосы встали бы дыбом от ужаса.

Глядя Клер в глаза с каким-то загадочным выражением, Хотвайер поправил медальон у нее на цепочке.

Эта вещь передавалась в их семье по женской линии уже пять поколений. Медальон – то единственное, что сохранилось у Клер с тех добрых времен, когда еще был жив отец. Она чуть было не лишилась этой вещицы, когда дом, где они жили вместе с Джозеттой, был атакован, но Хотвайер смог вернуть Клер дорогой ее сердцу медальон.

– Почему ты засмеялась? – спросил он таким голосом, от которого у нее мурашки по спине побежали.

– Да так, просто.

Он провел по цепочке пальцем, задержавшись на медальоне, но Клер чувствовала себя так, словно он водил по ее голому телу. И эти прикосновения рождали особое чувственное электричество.

– Брось, давай, скажи мне, над чем ты смеялась.

– Просто мне стало смешно, – сдавленно пролепетала Клер. Куда только делось ее обычное самообладание!

– Я не сказал ничего смешного.

Она попыталась изобразить безразличие, пожав плечами, но дело кончилось тем, что грудь ее скользнула по его предплечью. И ее «прости» слишком походило на чувственный стон.

Он, казалось, ни в малейшей степени не был смущен ее близостью. Оставался убийственно непринужденным, напряженность любой природы, будь то сексуальная или какая еще, не обезобразила его черты. Хотвайер смотрел на нее спокойно, без улыбки. Ему и в голову не могло прийти, что улыбка помогает скрыть внутренний дискомфорт. Он не нуждался в средствах вспоможения. Он был великолепен в своей самодостаточности. Прекрасен, как отдыхающий лев. Он был само средоточие силы и мощи и в сознании собственной силы и мощи, спокойной уверенности в себе.

– Я не привык к тому, чтобы женщины отмахивались от моих комплиментов, – нахмурившись, сказал он.

Клер не могла с достаточной достоверностью определить по его глазам, на самом ли деле она его рассердила, или он просто ее дразнит.

– Мне искренне жаль. Хотвайер покачал головой.

– Извинением тут не поможешь. Ты задела мое достоинство. У нас на юге к этому относятся серьезно.

Клер засмеялась, она все еще не могла понять по его лицу, что у него на уме. Или это его близость так губительно сказывалась на ее интеллекте?

– А что ты ожидал от меня услышать?

– Ничего.

Он молчал и просто стоял рядом, но при этом, казалось, заполнял собой больше пространства, чем это было физически возможно даже при его шести футах и несколькими дюймами роста.

Рука его покоилась на ее шее, и большой палец словно невзначай поглаживал ямку, в которой все быстрее и отчетливее бился пульс. Клер начала было сомневаться в том, что «отдыхающий лев» – это про него. Расслабленности в его позе больше не наблюдалось. Клер почувствовала, что он весь сгруппировался, словно хищник перед решающим прыжком. Аналогия со сценой охоты подкреплялась еще и тем, что Клер, как та несчастная антилопа в саванне, уже сознавала свою обреченность. Говоря о физических реакциях, Клер словно разучилась двигаться. Сейчас она едва ли могла хоть пальцем шевельнуть.

Медальон, согретый теплом его руки, жег кожу.

– Спасибо, – выпалила она. Хотвайер приподнял бровь.

– За комплимент?

Клер покачала головой и поняла, что, возможно, совершила ошибку. Голубые глаза хищника прищурились.

– Тогда за что?

– За то, что ты нашел мой медальон и вернул его мне. Я знаю, что это всего лишь медальон, но он для меня много значит. – Это был ее талисман, напоминание о том, что она не должна повторять судьбу матери, что у нее в роду бы-

ли женщины, которыми можно и нужно гордиться. Бабушка Фанни, например.

– Джози сказала, что он принадлежал твоей матери.

– Он принадлежал Норен, а до нее – моей бабушке.

– Должно быть, ты сильно ее любила.

– Да, я любила ее. Она умерла, когда мне было восемь, и я ее никогда не забуду. Она была замечательная женщина. – Не то что ее дочь.

– Кто такая Норен?

– Моя мать.

– Она умерла?

– Да.

– Сочувствую.

– Спасибо. – Клер не любила говорить об этой стороне своей жизни. Воспоминания были слишком болезненными, а боль делает человека уязвимым. Клер давно догадалась об этой взаимосвязи и вела себя как боксер – не подставляйся и останешься цел. Теперь, как ей казалось, она мастерски научилась защищаться. – Джозетта сказала, что ты закончил установку системы охраны в доме.

– Верно.

Клер попыталась увеличить расстояние между ними, отступила на шаг, но он сделал шаг вперед вместе с ней, продолжая как бы невзначай ласкать ее шею. Она с трудом удерживала нить разговора.

– Не понимаю, зачем ей охранная сигнализация в доме,

где она больше не собирается жить?

– Ты живешь там, а женщина, которая живет одна, нуждается в надежной охране.

Знал бы он, в каких местах ей приходилось жить, тогда бы он понял, что замок на двери в доме, расположенном в приличном районе, – это та роскошь, о которой в иные времена она могла только мечтать.

– Джозетта тоже жила одна, пока я к ней не переехала.

– Она – солдат и умеет дать отпор непрошеным гостям.

– Я тоже не так уж беспомощна.

– Медовая моя, если у тех террористов, что мы захватили, есть мстительные друзья, перед ними ты будешь совершенно беспомощной. И даже хуже.

– Что может быть хуже беспомощности?

– Смерть.

– Ах, ты про это. – Клер пыталась дышать медленно и глубоко, чтобы сохранять связь с реальностью и не терять головы, но вот беда: испытанная техника ритмичного и глубокого дыхания для восстановления контроля над собой в данном случае не работала. Вместе с вожделенным кислородом она вдыхала и его, Хотвайера, запах, и этот запах сводил к нулю все ее усилия по восстановлению самоконтроля. Клер готова была застонать от наслаждения – так на нее этот запах действовал. Что ее так влекло к этому парню? Мощное мужское начало? Да, тут не обошлось без сферы подсознательного, если даже запах его будоражил ее доселе спящие

женские сексуальные инстинкты. – Не вижу причин, по которым они стали бы нападать на меня.

– Джози была членом команды, и в том числе благодаря ей эти парни оказались на скамье подсудимых. Такие люди ничего не забывают и ничего не прощают.

– Но я – не Джозетта.

– Но она же не повесила на двери своего жилища объявление о том, что выходит замуж и отправляется в свадебное путешествие. А ты живешь в ее доме.

Клер в глубине души считала преувеличенными опасения Хотвайера, но предпочла не говорить ему об этом. Она знала, что Джозетте пришлось согласиться на установку системы охраны, поскольку она не могла допустить, чтобы с Клер случилась беда из-за того, что она осталась жить в доме Джозетты. Клер знала и о том, что идея установить охранную систему в доме Джозетты принадлежала Нитро и Хотвайеру, как знала и то, что сама Джозетта приняла их предложение без особого энтузиазма.

Но Клер и об этом не стала говорить Хотвайеру.

– Я уверена, что любая придуманная вами система безопасности будет работать превосходно.

– Еще не придумана такая сигнализация, которую невозможно вывести из строя, даже такая, какую Вулф и Нитро установили у себя. – Хотвайер пустился в объяснения подробностей и хитроумных технических находок. Клер смогла перевести дух. – Да, и еще я купил тебе по баллончику со

слезоточивым газом в каждую комнату.

– В каждую комнату?!

– Мне нравится основательность. Во всех смыслах. Тело ее восприняло послание в том смысле, который, как ей казалось, он вовсе не собирался в него вкладывать. Или собирался? В любом случае Клер признавала, что Хотвайеру свойственна основательность, что он не обойдет вниманием ни одной детали, будь то система охранной сигнализации или нечто более животрепещущее. Клер в настоящий момент ближе было последнее, и то, что она при этом себе представляла, не имело ни малейшего отношения к безжизненной системе электронных плат и электрических датчиков. Но фантазия – это всего лишь фантазия, и если не путать фантазию с реальностью и четко мысленно их разграничивать, фантазировать даже полезно для здоровья, а иногда и ума.

– Понимаю.

– Оружие личной безопасности не поможет тебе, если оно будет находиться в спальне, когда на тебя нападут на кухне.

Если она и чувствовала себя в опасности, то эта опасность исходила не от гипотетических мстительных друзей захваченных террористов, а от вполне конкретного и даже осязаемого мужчины – того самого, что находился в непосредственной близости от нее. И опасность эта была не отдаленной во времени, а реальной. Иначе говоря, Клер уже была в опасности. В этом самом месте и в это самое время. Но если

бы он вздумал ее атаковать, то не встретил бы никакого сопротивления с ее стороны. Напротив, она готова была сдать-ся на милость атакующего. И такое отношение к потенциальной угрозе никак не назовешь взвешенным и взрослым. Но Клер была не властна над собой! Она была во власти наваждения.

В чем, собственно, цена вопроса? Ведь речь идет всего лишь о возможности секса, разве нет? Секс – вот ключевое слово. Пожалуй, если найти, за что зацепиться, то можно и стряхнуть это досадное наваждение. Секс не стоил того, чтобы из-за него терять голову, – личный опыт убедил ее в этом. Секс способен принести одно лишь разочарование и легкое чувство неловкости. Тогда почему рядом с этим мужчиной она чувствовала себя так, словно ее качало на волнах щемящей сладкой истомы, как в песнях Элвиса Пресли?

– Да, но при чем тут баллончики со слезоточивым газом!

– Лучшего ничего не придумать. Поскольку ты не умеешь пользоваться огнестрельным оружием.

– Ты так говоришь, словно не уметь стрелять – преступление.

– Ну... – он замолчал, подыскивая нужное слово, – ты просто другая.

– Неполноценная, ты хочешь сказать? Я могу понять этот ваш солдатский взгляд на нас, гражданских.

– Что поделаешь, я – бывший солдат.

– Нуда, сейчас ты спец по безопасности.

– И это тоже.

Ей захотелось спросить его, чем еще он занимается, помимо систем безопасности, но внезапно поняла, что говорить ей трудно.

Лев, опасный хищник, смотрел на нее, и выражение его потемневших до синевы глаз было таким, словно он никак не мог решить, с какой стороны лучше подступить к бившейся в конвульсиях добыче, чтобы процесс пожирания доставил ему наибольшее удовольствие.

– Я знаю, что ты пытаешься увести меня от темы, но тебе это все равно не удастся. Я – южанин, а мы, южане, весьма щепетильны в вопросах чести. Ты нанесла урон моему мужскому достоинству и должна возместить мне ущерб.

– Должна?

– Обязана.

Как так случилось, что губы его оказались в миллиметрах от ее губ?

– Что... – Она попыталась откашляться. – Что ты имеешь в виду?

– Я думаю, поцелуй был бы достаточной компенсацией.

– Что?! – Если в сексе и есть что-то хорошее, то это поцелуй. По крайней мере Клер так считала до сих пор. Впрочем, можно придумать множество других занятий – чтение, например, – которые дадут фору любым поцелуям. Так почему перспектива слиться с Хотвайером устами так ее возбуждала?

– Поцелуй, Клер. Ты ведь знаешь, что такое поцелуй? Это когда мужчина и женщина...

Она прикрыла его рот, не давая излиться таким искушающим словам.

– Я знаю, что это такое, негодник, но только зачем тебе мой поцелуй? – Вот она – ее фантазия.

И, как она совсем недавно себе напоминала, фантазировать полезно для здоровья и ума, а вот жить в плену фантазий – совсем не полезно.

Хотвайер лизнул ее ладонь, и Клер отдернула руку.

Он улыбнулся своей дьявольской улыбкой, от которой у нее все внутри подпрыгнуло.

– Потому что ты оскорбила меня, и я требую сатисфакции.

– Ты сумасшедший. Нитро и Вулф все время тебя оскорбляют. Я не видела, чтобы ты с ними целовался.

Он улыбнулся, и глаза его наполнились чувственным обещанием. Колени Клер задрожали.

– Мои друзья – одно, красивые женщины – другое.

– Я к ним тоже не принадлежу, – саркастически заметила Клер.

– Вот опять. Моя мама пришла бы в ужас, если бы узнала, что женщины окончательно перестали мне верить. Моя мама считала, что честность всегда была одной из моих главных добродетелей. Какой удар для нее и для меня!

Нет, она не поддастся на эту уловку.

– Ты не требуешь, чтобы Джозетта тебя целовала, когда

она тебя обижает.

– Я хоть и обидчив, но не похож на сумасшедшего. За Джозетту заступится Нитро, а с ним я предпочел бы не спорить. Он страшен в гневе.

– Неправда, ты никого и ничего не боишься, – насмешливо сказала Клер. – Мне Джозетта рассказывала.

И вновь глаза его словно приоткрыли щелку в его душу, и, заглянув в нее, Клер воочию увидела солдата. Солдата, для которого долг превыше всего. Превыше страха и усталости. Перед ней был человек, прошедший годы в далеких странах, где он спасал совершенно чужих ему людей, рискуя своей жизнью. Но ремесло солдата состоит прежде всего в умении убивать. Этот человек убивал – убивал по приказу, и он был готов убивать и дальше, если этого потребует долг.

Щелка приоткрылась на мгновение и также неожиданно захлопнулась. Солдат исчез, и вновь Клер видела перед собой неотразимо обаятельного южанина с голубыми глазами, полными сексуального обещания.

– Я требую сатисфакции, Клер. Ты меня поцелуешь?

– Конечно.

Клер поднялась на цыпочки, собираясь чмокнуть его в щеку.

Но он успел повернуть голову ровно настолько, чтобы губы ее прижались не к его щеке, а к губам. Она не раскрывала губ, но и не отстранилась немедленно, как намеревалась изначально. Она так и осталась стоять, касаясь его губ губами,

и тело ее звенело как струна от приятного волнения. Первую секунду поцелуй был почти по-братски нежным, но уже в следующее мгновение от братской нежности не осталось и следа. Хотвайер прижал Клер к своей твердой мужской груди и впился губами в ее губы.

Он овладел ее ртом так, как передовой десантный отряд овладевает высотой – быстро, стремительно, напористо, – словом, со знанием дела.

Этот мужчина умел целоваться также хорошо, как воевать. Он мял ее губы, доводя Клер до головокружения. Пальцы его массировали ее скулы, словно побуждая поскорее сдаться окончательно. Кажется, он иного и не ждал. Ничего более ошеломляющего в жизни, чем поцелуй Хотвайера, Клер до сих пор не испытывала. Она застонала и вцепилась пальцами в его белую шелковую рубашку.

Хотвайер прорычал нечто, что она не смогла разобрать, и тогда его ладони скользнули вниз, по ее обнаженным плечам, по обнаженной спине. Пальцы коснулись ее голой кожи под шнуровкой, и Хотвайер стал развязывать бант.

Господи, что делать, если он его совсем развяжет?! Она читала, что женщины иногда теряют голову от мужских ласк, но всегда думала, что «терять голову» – просто заезженный штамп, литературная метафора. Теперь ей представился случай убедиться в том, что если голова и осталась на месте, то свое назначение – мыслить и оценивать ситуацию – она утратила полностью. Кожа Клер горела под его пальцами. Ей

казалось, что пальцы его оставляют клейменные следы на ее спине – только тот огонь, что прожигал насквозь, не вызывал боли, один только жар.

Ей было так хорошо, что она решила, что сходит с ума.

Не думая о том, что делает, Клер приоткрыла рот, и Хотвайер с военной смекалкой воспользовался выпавшей возможностью. Язык его проник между разжатыми зубами и, как змей, обвился вокруг ее языка. Удовольствие пронзило тело Клер, и она подалась вперед.

Руки Хотвайера гладили ее спину, ягодицы, пальцы касались ног ниже подола платья, затем поднялись вверх, под платье. Клер едва не подпрыгнула, когда он прикоснулся к чувствительной коже бедер. Он обхватил ее бедра с внутренней стороны своими пальцами, подушечки больших пальцев вминались в нижнюю часть ягодиц. И вдруг резко приподнял ее, еще крепче вжимая в себя.

Клер волнообразно подалась ему навстречу самым естественным образом, но отпрянула в шоке, когда лобком уперлась в нечто очень твердое.

Но Хотвайер и не думал останавливаться. Крепко удерживая ее за бедра, он приподнял ее вверх и опустил вниз, давая ей прочувствовать величину эрекции, и издал низкий, очень мужской стон удовольствия. И тут ее начало трясти сильнее, чем при землетрясении в десять баллов по шкале Рихтера.

– Перестань соблазнять подругу невесты, то есть мою подругу. Ведь невеста – это я. Пришла пора бросать букет. –

Голос Джозетты звучал невнятно и приглушенно, как сквозь вату, и потому смысл сказанного не сразу дошел до Клер. Но когда она поняла, на чем поймала ее Джозетта, возвращение к реальности было стремительным и потому болезненным.

Как она до такого дошла?

Хотвайер дернулся, словно его прошибло током, и прервал поцелуй, едва не отшвырнув от себя Клер. Она оступилась на непривычно высоких каблуках и упала бы, если бы он вовремя ее не поддержал. Выражение лица у него было несчастное, и он отпустил ее, едва она снова обрела равновесие.

Молчание было заряжено электричеством, как воздух перед грозой.

– Даю вам пять минут и затем бросаю букет, – сказала Джозетта, окинув их оценивающим взглядом с оттенком приятного изумления. Затем развернулась и пошла в зал.

Пять минут требовалось Клер только на то, чтобы отдышаться. Как после всего случившегося она вернется в зал?

Прошло еще несколько секунд заряженного электричеством молчания, после чего Хотвайер сказал:

– Извини. Я перегнул палку.

– Мне понравилось, – честно призналась Клер. Еще как понравилось! Только целоваться – это одно, а «играть повзрослому» – другое. Ей не хотелось, чтобы он думал, будто она приветствует такое к себе отношение.

– Не сомневаюсь, – сказал он весьма самодовольно. – Еще

никто не жаловался на недостаток у меня техники, но я все равно перегнул палку.

– Как скажешь.

– Послушай, я не готов к прочным отношениям, а ты не из тех женщин, которых снимают на одну ночь, и даже не из тех, с которыми можно заводить короткую интрижку.

– Конечно, нет. – Она так брезгливо поморщилась при этом, что и он скривился, как от боли.

На самом деле она считала, что Хотвайер тоже не годился на роль партнера на одну ночь. Но только по каким-то причинам он хотел, чтобы она думала, будто он ни одну женщину всерьез не принимает. С первого дня их встречи он пытался донести до ее сознания эту мысль, но она почему-то ему не верила. Хотвайер был слишком цельным человеком, чтобы походить на гончего пса. Очевидно, он просто не хотел иметь прочных отношений конкретно с ней, и в этом было все дело.

Кроме того, перед ней сейчас стояли иные задачи, нежели найти себе мужчину для прочных отношений. Ей предстояло экстерном сдать экзамены за следующий семестр и скинуть эту головную боль. В ее жизни не было места для мужчины, даже для такого, от поцелуя с которым у нее все внутри сводило.

– Ладно, мы по разные стороны баррикад, – сказал он. – Так что никаких больше «взрослых».

– По мне, это больше похоже на украденный поцелуй. Так

сказать, добыча мародера.

– Я не рыскаю в поисках добычи. – Похоже, он и в самом деле обиделся.

– Правда? Тогда то, что я ощутила, – обман чувств? – насмешливо сказала она.

– Я не призрак.

– Это точно, – с улыбкой сказала Клер, все еще чувствуя покалывание в тех местах, которых касались ладони Хотвайера.

Глава 2

– Клер, – крикнула Джозетта из другой комнаты, – это намек.

– Удачи, – сказал Хотвайер.

– А ты не пойдешь посмотреть?

– Нет.

– Брак – это не заразно, знаешь ли. Ты не можешь подхватить эту болезнь, находясь в одной комнате с Джозеттой и Нитро.

Он слабо улыбнулся.

– Это хорошо, потому что я много времени проводил в одном с ними помещении.

– Ты на самом деле так дорожишь своей свободой?

– Я просто еще не готов остепениться.

Клер пожала плечами. Она тоже не считала, что брак – гарантия пожизненного счастья, но холостяцкий статус для Хотвайера стал чем-то вроде религии.

– Еще раз спасибо за то, что вернул мой медальон.

– Подумаешь, великое дело.

Вулф рассказал Клер, что Хотвайер потратил несколько лишних драгоценных минут на то, чтобы обшарить офисные помещения террористов, которых они накрыли месяц назад, рисковал жизнью для того, чтобы вернуть Клер ее медальон. Хотвайер и вправду был слеплен из геройского теста... одна-

ко она не была принцессой, да и в сказки не верила.

– Для меня – великое дело, – сказала она, машинально поднеся пальцы к слегка припухшим губам.

Хотвайер смотрел вслед уходящей Клер, но когда она поднесла пальцы к губам, словно не хотела отпустить от себя поцелуй, он едва не бросился за ней следом. Он не испытывал такого сильного возбуждения с тех пор, как... Черт, он вообще не помнил, когда так заводился.

Клер не делала ничего, чтобы его соблазнить, и при этом не проходило и минуты в ее обществе, когда бы у него не чесались руки раздеть ее догола.

И, словно этого неуправляемого желания было мало, чтобы его неодолимо влекло к ней, она еще и нравилась ему как человек. Находиться с ней рядом было просто приятно. Он как-то сказал Нитро, что у них с Клер нет ничего общего. И в определенном смысле так оно и было. Клер исповедовала вегетарианство и пацифизм. Не самый лучший исходный материал для союза с бывшим солдатом удачи.

Но при всей своей приверженности к вегетарианству и неприятии насилия как такового она отличалась сообразительностью и была уверенно на ты с компьютером, как и он сам. Она разделяла его страсть ко всем новинкам в компьютерной технологии. Такой женщины он еще не встречал.

Клер не имела привычки одеваться так, чтобы подчеркнуть свои достоинства. Он также ни разу не замечал, чтобы она пользовалась декоративной косметикой, вплоть до сего-

дняшнего дня, но от того, что она не пользовалась женскими уловками, она не становилась в его глазах менее женственной. В ее обществе он неизменно испытывал более мощный выброс мужских гормонов, чем в обществе целого выводка южных красоток, протеже матери.

Но что-то в Клер удерживало его от того, чтобы идти на поводу у этих гормональных всплесков. И с готовностью сделанное ею только что признание в том, что она действительно не та, с которой можно затеять интрижку на одну ночь, лишь отчасти служило оправданием его сдержанности. Хотвайер подозревал, что, даже если бы она согласилась на его условия, секс с ней стал бы для него чем-то большим, чем головокружительное физическое наслаждение. Что существенно бы усложнило его жизнь.

При всей своей неискушенности в женских трюках Клер Шарп была роскошной женщиной. И при этом она в корне отличалась от тех Каролинских красавиц, в которых души не чаяла его мать. Любая женщина из тех, с кем он общался дома, согласилась бы принять все то, что он предпочел бы ей дать, с любезной улыбкой и тем особым отношением, которое подразумевало, что она делает ему одолжение, позволяя ему ее одаривать.

Клер была не такой. Совсем не такой. Она сказала, что отказывается принимать подачки, но он не считал, что помощь другу можно считать подачкой.

Черт возьми, Джози пришлось изрядно потрудиться, что-

бы уговорить Клер не отказываться от ноутбука, который он купил ей тогда, когда стало понятно, что ее компьютер ей не вернут. Ребята из ФБР конфисковали его как улику месяц назад. Действия федеральщиков Хотвайера не удивили, и именно поэтому он решил позаботиться о том, чтобы ее медальон тоже не оказался в числе вещественных доказательств. А это подразумевало, что он, Хотвайер, должен обыскать «зону захвата» до того, как там начнут хозяйничать приятели из ФБР. В тот момент Хотвайер не думал о том, что рискует карьерой, если не жизнью. В тот момент он думал о Клер.

Клер была его другом. А он не так уж много людей на земле причислял к этой категории и потому раздражался из-за того, что Клер отказывалась считать себя его другом. В этом вопросе их позиции не совпадали. Вообще Клер порой была для него загадкой. И его, Хотвайера, отношение к Клер тоже не было вполне однозначным. Казалось бы, не хочешь принимать мою дружбу – и черт с тобой, но нет, он готов был дружить с ней в одностороннем порядке. Что было, согласитесь, странно для разумного взрослого человека. Впрочем, то, что она озвучивала, не всегда согласовывалось с теми сигналами, что воспринимала его интуиция. В поведении Клер вообще было много загадочного, и она не уставала его удивлять.

Ее общество становилось все более опасным как для его либидо, так и для душевного спокойствия.

– А эта кнопка переключает внешний свет в режим постоянной работы. – Хотвайер нажал на маленькую кнопку, и весь задний двор залил яркий свет.

Он привез Клер домой, чтобы показать ей, как работает система.

– Отлично, – воскликнула Клер, хотя что-то в ее интонациях подсказывало Хотвайеру, что она над ним потешается. – Я просто поражена, как вам так быстро удалось все это смонтировать.

Хотвайер пожал плечами:

– Ничего особенного. Обычная работа. Клер склонила голову к плечу и прищурилась.

– Не совсем так. Ваша новая компания специализируется на обеспечении безопасности на уровне совсем иного масштаба.

– Но принцип и здесь, и там один и тот же.

– Не буду спорить насчет принципов, но ты же не станешь сравнивать охрану правительственного объекта с установкой внешнего освещения в отдельно взятом частном доме? Для вашей фирмы заниматься такими мелкими заказами означает просто губить репутацию.

– У тебя какие-то странные романтические представления о нашей работе. Я бы сказал, что и в службе в диверсионном отряде романтики было мало, но сейчас – это просто рутинная работа. Бизнес, и ничего, кроме бизнеса. Никаких опасных приключений.

– Это точно. Джозетта говорила, что вашим последним клиентом стал политический деятель мирового масштаба, в течение последнего года неоднократно получавший письма с угрозами отправить его на тот свет. Он почему-то именно вас выбрал для того, чтобы вы обеспечили ему безопасность – как на техническом уровне, так и наличном. И после этого ты станешь утверждать, что у тебя совсем не опасная работа? Что максимум, что вам может грозить, – это удар током из-за неправильно собранной схемы?

– Организация охраны одного политика – это пустяк по сравнению со спасением жизни сотен заложников в зоне боевых действий.

– Согласна. Но тогда и постановка под охрану дома Джозетты не идет ни в какое сравнение с охраной того политика.

– Охрана дома Джозетты не менее важна. – Для Хотвайера безопасность Клер была превыше всего.

– Спасибо. – Она улыбнулась, и он заметил, что на ее розовых губах уже не было блеска, как раньше.

Неужели это он съел помаду с губ Клер, когда целовал ее перед дверью дамской комнаты? Зачем он только подумал об этом? Он и так постоянно пребывал в состоянии сексуального возбуждения. Он все еще чувствовал вкус ее губ, и желание еще раз поцеловать ее росло с каждым вдохом. Какая неудачная мысль – приехать к ней домой, где они будут одни. После Елены он ни разу так не реагировал на женщин, но и с Еленой он лучше контролировал свои физические желания.

Карие глаза Клер излучали тепло.

– Вы отлично поработали. Мне действительно понравилось, что вы организовали отдаленный доступ к системе с моего ноутбука.

– Я подумал, что тебе должно это понравиться.

– Ты так хорошо меня знаешь? – И это ее по определенной причине настораживало.

Искушение прикоснуться к ней становилось невыносимым, и Хотвайер торопливо отступил.

– Если у тебя нет вопросов, я поеду назад в отель.

– Вопросов нет, но если ты подождешь минут пять, не больше... – Она соблазнительно улыбнулась. – Я была бы тебе очень благодарна, если бы ты подбросил меня на станцию. Это по дороге, иначе я бы не просила.

Он нахмурил брови.

– Зачем тебе электричка?

– Потому что на ней удобнее – не придется добираться на двух автобусах. Я через минуту уже буду готова – только переоденусь. Ладно?

Хотвайер даже не сомневался в том, что она успеет переодеться меньше чем за пять минут. У Клер не было привычки прихорашиваться, но его либидо возмутилось против того, чтобы она поменяла свое удивительно женственное и суперсексуальное платье на джинсы и футболку. Хотя он ничего не имел против того, чтобы она вытащила шпильки из своих шелковистых рыжих волос. Прическа была элегантной, но

стиль – не ее. Ему нравилась ее необузданная копна рыжих кудряшек.

– Я подожду, конечно. Но зачем ехать на станцию? Я подвезу тебя туда, куда нужно. – Не станет он высаживать ее среди ночи на каком-то полустанке.

– В этом нет необходимости. От станции «Макс» до Бельмонт-Мэнора всего ничего.

– Зачем тебе ехать в этот приют?

– Бельмонт-Мэнор – не приют, это жилой комплекс для лиц, нуждающихся в уходе. – Клер поморщилась. – Извини, я не собиралась преподнести тебе урок политкорректности, но наше руководство весьма принципиально относится к тому, как мы называем место нашей работы.

– Без проблем, но ты мне так и не сказала, зачем тебе ехать в жилой комплекс для лиц, нуждающихся в уходе, сегодня ночью.

– Я должна работать.

– Джози ничего об этом не говорила. – И это его удивило, как и то, что Джози не отправила Клер домой пораньше, чтобы та успела вздремнуть перед работой.

– Я ей ничего не говорила.

– Почему?

– Она бы настояла на том, чтобы я взяла выходной.

– Учитывая обстоятельства, это было бы весьма разумно.

– Возможно, но я не могу позволить себе брать сразу два неоплачиваемых выходных подряд. Если бы я рассказала об

этом Джозетте, она стала бы предлагать мне деньги, и мы бы поссорились. Я не хотела ругаться с ней накануне ее свадьбы.

– Но ты даже не поспала.

Клер усмехнулась, хотя тени под глазами выдавали ее усталость.

– Ну... нет вообще-то. Но потребность организма в отдыхе не стоит переоценивать.

– Черта с два! Ты должна о себе заботиться.

– Да брось. Только не говори мне, что ты ни разу не отправлялся на задание после бессонной ночи.

– Я – другое дело. – Он специально тренировал тело, чтобы оно могло эффективно функционировать в экстремальных условиях.

Клер была слеплена из иного теста – нежная, хрупкая. Даже если она сама этого не понимала.

– Ты прав. Ты – другое дело. Твои задания сопряжены с опасностью, и недостаток сна может замедлить реакцию, а от быстроты реакции зависит твоя жизнь. Что до меня, так я просто устану сильнее, и глаза будут больше слипаться. Я даже уколы не делаю. Таким образом, от моей сонливости никто не пострадает.

– Как ты по утрам добираться домой?

– На общественном транспорте. Как еще? – Она сказала это так, словно у него несколько извилин сразу вышли из строя.

– Я заберу тебя с работы.

– В этом нет необходимости.

Хотвайер сделал вид, что ее не слышит. Он придет, чтобы забрать ее, и Клер, будучи существом разумным, примет его помощь.

– Как насчет ужина? Она явно растерялась.

– Что насчет ужина?

– Ты не ела.

– Я ела на приеме.

– Это было давно. Клер закатила глаза.

– Я в полном порядке. А теперь, если ты уже высказался по поводу моих привычек есть и спать, я пойду переоденусь. Эти туфли меня убивают.

Он скользнул взглядом по ее ногам и сексуальным шпилькам, которые, по ее словам, убивали ее.

– Моя мама всегда говорила, что красота требует жертв.

– Не сомневаюсь, что твоя мама досконально знает предмет.

Хотвайер поднял глаза и посмотрел на Клер.

На ее губах играла усмешка, а в глазах был веселый огонек, и ему в десять раз сильнее, чем раньше, захотелось ее поцеловать.

– Ты намекаешь на то, что я унаследовал приятную внешность от матери?

– Это так? Хотвайер усмехнулся.

– То есть ты признаешь, что я – интересный мужчина?

– Не кокетничай. К тому же невежливо отвечать вопросом

на вопрос.

– Это тебе мама говорила?

– Нет, моя мама мудрые советы давала редко. – И по выражению ее лица Хотвайер понял, что эту тему Клер развивать не собирается.

– Итак, ты считаешь меня красавчиком?

– Я этого не говорила.

– Но намекнула прозрачно, и потому отвечаю на твой вопрос: да, моя мать – очень красивая женщина. Но ты сегодня тоже выглядишь очень прилично.

– Из чего следует, что обычно я выгляжу неприлично. За-марашкой, так сказать. – Клер вздохнула. – Я знаю, но я просто не могу заставить себя трепетно относиться к одежде, косметике и прочим девчачьим штучкам.

– Я не сказал, что ты выглядишь замарашкой. – Но на самом деле она действительно не умела одеваться, и уж точно она одевалась не так, как должна одеваться женщина, с которой он хотел бы переспать. – Кроме того, мама также любит говорить, что красота не снаружи, она внутри.

– Но многие люди в глубину предпочитают не заглядывать.

– Ты не из их числа. Клер пожала плечами.

– Да.

– Я тоже.

– Приятно это слышать. – Но в интонации ее голоса сквозило сомнение.

Если он сейчас начнет с ней спорить, то все закончится страстными поцелуями, как на свадьбе, а этого он не мог допустить.

– Иди переоденься. Клер браво отдала честь.

– Есть, сэр. Уже иду, сэр. – Она развернулась и строевым шагом отправилась в ванную, при этом ее сексуальная попка очень аппетитно покачивалась.

Хотвайер помотал головой и пошел на кухню, чтобы приготовить для нее пару сэндвичей. Поест в машине по дороге на работу. Если выспаться ей не удастся, то поесть она должна, чтобы силы были.

Клер переделась по-солдатски быстро. Он еще не успел собрать ей ужин, как она появилась в дверях кухни, объявив, что готова к отъезду.

Она натянула линялые джинсы, которые обтягивали ее округлости словно вторая кожа. Кровь у него тут же отхлынула в опасную зону. Укороченный топ, что она надела под рубашку, обтягивал роскошную грудь, и по тому, как он на ней сидел, Хотвайер заключил, что Клер в бюстгальтере. Он должен был бы почувствовать облегчение, ибо грудь ее, пребывавшая на приеме в свободном состоянии, причиняла ему постоянное беспокойство. Но сейчас почему-то он не мог думать ни о чем другом, кроме как о том, чтобы стянуть с нее одежду и накрыть ладонями ее теперь уже скромно прикрытую, но, как он был уверен, все такую же нежную и податливую плоть.

Должно быть, мысли его каким-то образом отразились на его лице, ибо она приоткрыла губы, втянув воздух, и отступила на шаг, увеличив дистанцию.

– Я не собираюсь на тебя бросаться, хотя и очень хочется.

Клер распустила волосы, как он того и ожидал, и тугие шелковистые пружинки нимбом окружили ее лицо. Хотвай-еру страшно хотелось запустить пальцы в эту кудрявую массу.

Клер покачала головой.

– Ты что, перепил шампанского на приеме? Тогда, возможно, тебе не стоит садиться за руль.

– Я выпил всего один бокал, и это было давно. Если я и не вполне адекватен, то дело не в алкоголе, а в избытке мужских гормонов.

– У тебя что, давно не было секса? – спросила она тем же тоном, каким могла бы поинтересоваться, сколько гигабайт памяти на его компьютере.

И не важно, каким прозаичным тоном был задан этот вопрос, те самые терзавшие его гормоны вдруг резко активизировались, сильно поколебав его самообладание.

– Моя сексуальная жизнь тебя не касается.

Клер покраснела. Она выглядела сильно смущенной.

– Нет... Конечно, нет. У меня дурацкая привычка говорить все, что приходит в голову. Прости. Забудь о том, что я сказала.

Хотелось бы ему забыть ее вопрос, но секса у него не было

с тех пор, как он последний раз фантазировал на тему Клер, представляя, как он раздвигает ее ноги и вонзается во влажную и жаркую плоть.

– Хм... Ты готова ехать? – спросил Хотвайер через несколько секунд напряженного молчания.

Он вел себя как необузданный сукин сын. Она не виновата в том, что он ее хочет. И не она была виновата в том, что он не мог с ней быть. Судя по тому, как она реагировала на его поцелуй, ему не составило бы труда уложить ее в постель. И лишь его дурацкий кодекс чести не позволял действовать на поводу у спонтанных побуждений.

Клер была ему другом, и он не хотел, чтобы одноразовый секс, каким бы качественным он ни был, разрушил эту дружбу.

Хотвайер привел в порядок свое лицо, придав ему более любезное выражение.

– Конечно. Я готов. – Он взял небольшой пакет, в который положил приготовленный ужин, и протянул Клер. – На, возьми. Поешь в машине.

– Что это?

– Твой ужин. Сандвич, пара морковок, ничего выдающегося, – добавил он, увидев ее смущение.

– Ты приготовил ужин? Для меня?

– Может, мне далеко до Вулфа, но я в состоянии приготовить сандвич.

Клер покачала головой, словно хотела прочистить мозги,

и взяла пакет из рук Хотвайера.

– Спасибо. Я... Ты такой чуткий. В ответ он лишь пожал плечами.

Клер больше ничего не сказала, лишь взяла рюкзак на вы-
ходе.

Хотвайер вел машину, а Клер ела сэндвич. Съев полови-
ну, она заговорила:

– Ты не положил туда мясо.

– Я же для тебя его приготовил.

– Да, но я и представить не могла, что ты помнишь о том,
что я не ем мяса.

– Вообще-то у меня еще нет склероза. Мне всего лишь
тридцать четыре, Клер. Память у меня все еще отличная.

– Нуда, конечно, но... – Клер так и не закончила предло-
жения.

– Почему ты не ешь мясо? – Ему давно хотелось полу-
чить ответ на этот вопрос – с тех самых пор, как он узнал о
том, что Клер – вегетарианка. – Вегетарианство – часть твоей
пацифистской системы ценностей? – Хотвайер помнил, что
Ганди тоже был вегетарианцем.

– Я не пацифистка.

– Нет, ты – пацифистка.

– Прости меня, но я не пацифистка, и мне ли этого не
знать, как ты считаешь?

– Ну, ты сама сказала, что ты пацифистка.

– Когда?

– Ты отказалась брать в руки оружие, и я видел, как ты реагируешь на разговоры о военных операциях.

– Я не хочу брать в руки оружие, потому что я не знаю, как с ним обращаться. Ружье в моих руках – вещь весьма опасная, как для меня самой, так и для окружающих.

Хотвайер был с этим согласен, но он никогда не слышал, чтобы гражданские так рассуждали. Ну... да, в прессе последнее время можно встретить много риторики об ограничении прав на использование огнестрельного оружия, но в абсолютном большинстве люди думают, что они достаточно сообразительны, чтобы не навредить себе оружием, не важно, насколько оно грозное.

– Похвальная предусмотрительность.

– Да нет, просто логика. Ты не замечал, что люди, не имеющие отношения к военным организациям, немного нервничают, когда заходит речь об убийстве?

Язвительность Клер вызвала у него смех.

– Я-то замечал, но ты ясно дала понять, что у тебя проблемы с проявлением насилия. – Может, она считает свои убеждения оскорбительными для него? Хотвайер не чувствовал себя оскорбленным. Он просто не понимал убеждений Клер.

– У большинства людей есть проблемы с проявлением насилия.

– Ты знаешь, что я имею в виду.

– Тот факт, что я считаю, что конфликты следует в первую очередь решать ненасильственными мерами, еще не делает

из меня пацифистку.

– Не хочется тебя расстраивать, но именно этот факт и делает тебя пацифисткой.

– Это не так. Пацифист – это тот, кто считает, что ненасильственные действия являются единственно приемлемыми в случае конфликта. Я с этим не согласна. Я просто считаю, что в первую очередь следует прибегать к ненасильственным мерам.

– Иногда просто нет выбора.

– Я уверена, что так оно и есть. В теории.

– Плевать на теорию. Я убедился в этом на практике. Не раз убеждался. Все те шестнадцать лет, что я был солдатом.

– Я не хотела тебя обидеть.

– Кто сказал, что ты меня обидела?

– Хм. Никто. Возможно, мне лучше просто молча доесть ужин.

– Но мне все же хочется узнать, почему ты не ешь мясо.

– Ты будешь надо мной смеяться.

– Нет, не буду.

Она посмотрела на него так, что сразу стало понятно – она ему не поверила.

– Не буду. Клер вздохнула:

– Ладно, но ты все равно будешь смеяться. Хотя, может быть, ты поймешь, как далека я от настоящего пацифизма. У меня слишком живое воображение. Когда я ем гамбургер, я воочию вижу несчастную корову с трагическими карими

глазами, которую ведут на бойню.

– Такая картина любого от мяса отвратит. Так почему бы тебе не подумать о чем-то другом?

– Не могу. Ты когда-нибудь видел мультик «Побег из курятника»?

– Да, у меня есть пара племянников, которые считают своим долгом держать меня в курсе всех новинок анимационного кино.

– Вот-вот, даже куриные палочки заставляют меня вспоминать о курице Джинжер. Она такая трогательная.

– И ты и помыслить не можешь, чтобы ее съесть.

– Нет.

– Это всего лишь мультик. Джинжер не существует в природе.

Клер засмеялась.

– Я в курсе, но я ничего не могу поделать с тем, что творится в моем сознании, когда я ем.

Отчасти Хотвайер мог это понять. Он тоже ничего не мог поделать с образами, которые рождало его воображение помимо его воли. Что делать, если он и сейчас представлял Клер обнаженной, лежащей в его постели?

Глава 3

Клер отключила сигнальный огонек вызова, поступившего из комнаты Лестера, прежде чем отправиться к нему. В этот предутренний час коридоры интерната были пусты, почти все жители Бельмонт-Мэнора спали. Возможно, бодрствовал сейчас один лишь Лестер.

Клер застала его в пижаме и халате, он сидел в кресле и листал толстую тетрадь, похожую на те, в которые Клер записывала лекции.

– Вам что-нибудь нужно, Лестер?

Лестер поднял взгляд. Глаза у него, поразительно живые и выразительные, казались чужими на морщинистом лице согбенного годами старика.

– Просто захотелось немного пообщаться. Вчера вас не было.

Если верить ее коллегам по работе, Лестер никогда не вызывал ни няnek, ни медсестер в те ночи, когда Клер не было на дежурстве. Может, потому, что они не готовы были с тем же снисходительным терпением выслушивать путаные истории старика. Клер много приходилось слушать такого вот невнятного бормотания при общении с матерью, и сбивчивые рассказы слабоумного старика раздражали ее куда меньше, чем пьяная абракадабра мамыши.

Клер с трудом подавила зевоту.

– Мил лучшая подруга сегодня вышла замуж. Вернее сказать, уже вчера. – Клер улыбнулась воспоминанию Джозетта и Нитро составляли идеальную пару, и ее подруга заслуживала счастья, она была такой славной. И Клер действительно считала, что из Нитро может получиться надежный супруг. – Я взяла отгул, чтобы помочь ей в подготовке свадьбы.

Лестер нахмурился.

– Я никогда не был женат.

– Я знаю.

– Из наемного убийцы какой муж?

– Уверена, что вы знаете, о чем говорите, – шутливо согласилась Клер.

Лестер взглянул на раскрытую тетрадь, лежавшую у него на коленях, и закрыл ее.

– Я убил слишком мною людей. Не мог заставить себя жениться и после того, как вышел в отставку. Что, если бы я говорил во сне? Тогда и мою жену мне пришлось бы убить.

Клер не знала, есть ли хоть доля правды в том, о чем он говорил, или все – сплошная фантазия. Однако иногда у нее по спине пробегал холодок – для чистой фантазии в рассказах Лестера было слишком много реалистичных подробностей. И сейчас на нее словно снова дохнуло смертельным холодом.

– Я не думаю, что вы стали бы убивать собственную жену, Лестер.

Взгляд его стал таким холодным, что Клер поежилась.

– Вы не можете идти на поводу у эмоций, если называе-

тесь профессионалом. А я был профессионалом. Я был лучшим. – В голосе его звучала гордость. – Я бы сделал все, что должен был сделать, но я не хотел создавать таких ситуаций. Поэтому я и не женился.

– Вам было одиноко? – спросила Клер, вообразив себе вереницу лет, которые ей предстояло прожить.

Возможно, ради того чтобы иметь семью, стоило смириться с неизбежностью секса, но жизнь полна превратностей, и от этих превратностей могли бы пострадать ее дети. Едва ли в том мире, в котором они жили, имело смысл заводить детей.

– Я никогда не страдал от одиночества. В жизни много всего интересного. Есть что посмотреть, есть чем заняться. Это начинаешь понимать, когда видишь столько смертей.

– Понимаю.

– Мне нравится, что сейчас рядом со мной вы и Куини. Она такая заводная. – Лестер улыбнулся. Взгляд его потеплел градусов на двадцать. – Если бы я знал, что встречу ее здесь, я бы гораздо раньше сюда переселился.

– Она явно отвечает вам взаимностью. Куини считает вас королем среди мужчин. – Приятная в общении, бодрая и энергичная, озорная, как игристое вино, Куини, еще одна обитательница интерната, с первого дня пребывания в Бельмонт-Мэноре недвусмысленно демонстрировала свое особое отношение к Лестеру. Не зря говорят, что противоположности притягиваются.

– Она молодчина. Я рассказал ей о том, чем занимался в жизни, но она не отвернулась от меня, а наоборот. Словно я стал ей даже больше интересен. Она даже прочла мой дневник. Да, женщины – существа загадочные.

Клер засмеялась.

– Да, думаю, вам так должно казаться.

– Джей-Эф-Кей¹ не так надежно защищен, как ему кажется, – сказал Лестер, снова соскользнув в свое прошлое.

– Уверена, что вы знаете, о чем говорите.

– Я пытался сказать об этом Марву в агентстве, но он ответил, что безопасность президента не его дело. Никто в правительстве, кроме людей из агентства, не знает о моем существовании. Они не станут меня слушать.

– Кто такой Марв? – спросила Клер просто из любопытства.

– Ты знаешь, кто он такой. Это мой связной в агентстве. Мы вместе воевали. Снайпер из него так себе, но зато он смыслит в логистике.

– Вы говорите о Второй мировой?

– Да. Ты в порядке, Мелба? Что-то ты странные вопросы мне задаешь.

Этот раз был не первым, когда Лестер называл Клер Мелбой, но все, что Клер успела узнать об этой женщине, – это то, что она работала вместе с Лестером и была засекречена, как и он. И еще, что это было давно. Лестер все больше терял

¹ Имеется в виду президент Кеннеди

рассудок, но Клер по-прежнему нравилось находиться в его обществе. Ей было все равно – есть ли смысл в том, что он говорит, или нет. Лестер был интересным собеседником, и он знал куда больше Клер обо всем на свете.

Клер, как бы ей того ни хотелось, не могла сегодня остаться у Лестера надолго. В понедельник в интернат должна была приехать группа политиков. Очевидно, что они приезжали с проверкой и по результатам визита должны были подготовить доклады о том, в каких условиях живут престарелые в штате Орегон.

На Клер и других сотрудниках из числа младшего медицинского персонала лежала забота о том, чтобы все в доме блестело чистотой и обстановка производила впечатление бодрое и радостное. Конечно, здесь всегда было чисто, но сейчас предстояло сделать нечто вроде генеральной уборки, которую хозяйки, как правило, устраивают весной.

Хотвайер вошел в кабинет и привычно быстрым взглядом окинул оборудование. Мигал индикатор, указывая на то, что сигнализация у Клер отключена. Хотвайер выругался, адреналин бросился в кровь, и тут же отвратительное ощущение беспомощности охватило его. Что мог он сделать для Клер отсюда, из своего дома в Монтане?

Ничего. Как неприятно это осознавать. Совсем ничего.

К счастью, индикатор мигал желтым, что означало, что она сама отключила сигнализацию... Или все же это сделал кто-то другой?

Хотвайер схватил телефон и набрал номер Клер.

Она взяла трубку после третьего звонка, слегка запыхавшись.

– Алло? – Это короткое слово, произнесенное с придыханием, заставило его представить Клер, мятущуюся посреди огромной кровати, застеленной шелком. И вполне предсказуемая реакция организма не заставила себя ждать и не добавила Хотвайеру ощущения комфорта. Он поморщился.

– Это Хотвайер.

– А... Привет.

– У тебя все в порядке?

– Конечно, а что, есть повод считать иначе? – Голос ее звучал запальчиво и виновато, словно она была подростком, которого застукали вылезавшим из окна детской после одиннадцати.

– У тебя отключена сигнализация.

– Ты оставил в полицейском участке распоряжение звонить тебе, если она отключится? – Голос Клер дрожал от возмущения. – Тебе не кажется, что это уже слишком? Мне не нужна нянька. Я серьезно. Что ты о себе думаешь? Только не говори, что это идея Джозетты. Впрочем, в любом случае тебе с этим уже ничего не поделать.

Хотвайер уже и раньше замечал, что Клер начинала говорить быстро и гневно, когда была озабочена чем-то, злилась или чувствовала себя виноватой. Интересно, что именно из перечисленного заставляет ее тараторить сейчас? По ее голо-

су можно было подумать, что она злится, но кое-какие нотки указывали на смущение.

– Расскажи мне про сигнализацию, Клер. В трубке раздался тяжкий вздох.

– Семестр закончится через десять дней.

– И что?

– Ну, мне пора сдавать работу по программированию. Программа головоломная, и мне крепко пришлось над ней попотеть.

– И какое это имеет отношение к отключению сигнализации?

– Я забыла набрать на компьютере код отдаленного доступа, чтобы отключить ее, когда пришла домой.

– Внутри тоже есть клавишная панель.

– Я не думала о сигнализации. Я же сказала тебе, я пыталась разобраться в своей программе и совсем не думала о сигнализации. – Теперь в ее голосе явственно ощущалась досада. – Конечно, когда она отключилась, я о ней вспомнила.

– Полиция приехала?

– Ты же знаешь, что приехала. На самом деле он об этом не знал.

– Хорошо.

– Ничего хорошего. Это было ужасно. Я чуть не заработала нервный тик, пытаюсь объяснить полицейским, что произошло. Что, если бы они решили, что это я вломилась в чужой дом? Ведь дом мне не принадлежит.

– Маловероятно, что они бы так решили Клер что-то презрительно буркнула.

– Я чуть не умерла от страха и унижения. Соседи выскочили поглазеть. Один даже решил зайти, чтобы убедиться, что со мной ничего не случилось.

– Сколько времени работала сигнализация до того, как ты это заметила? – спросил Хотвайер.

– Не знаю. – Клер говорила, как капризная девчонка. Он никогда не слышал, чтобы она так разговаривала. И этот ее тон его возбуждал. Черт, все в ней его возбуждало!

– Я удивлен, что сосед решил тебя проведать.

– Он бывший военный. Служил в морской пехоте, кажется. Все вы одинаково... дотошные.

Хотвайер засмеялся.

Она издала звук, похожий на звук, что издает чайник, закипевший на плите, и Хотвайер прикусил губу.

– От этой сигнализации только одна головная боль. – Что-то в ее тоне насторожило Хотвайера, и он запустил со своего компьютера программу диагностирования системы.

– Не было никаких странных телефонных звонков или чего-то в этом роде? – спросил он, просто чтобы занять время, пока компьютер сделает свою работу.

– Кроме твоего? Нет, не было.

– Нет ничего странного в том, что один друг звонит другому, чтобы проверить, как у него дела.

– Я думала, что ты друг Джозетты.

– А разве я не могу и тебе тоже быть другом?

– Ну можешь.

– Это хорошо. – В этот момент компьютер известил, что проверка системы завершена. Хотвайер уставился на экран монитора, пытаясь понять, как такое могло произойти, – Зачем ты блокировала сигнализацию, Клер?

На всю страну скорее всего найдется лишь горстка людей, способных заблокировать систему, не зная кода. А код блокировки он ей не сообщил намеренно. И, судя по тому, что выдала ему программа проверки системы, она сделала это быстрее, чем он, Хотвайер, что, при всем своем уважении к Клер, он считал для нее невозможным.

– Откуда ты знаешь, что я ее заблокировала?

– Я запустил диагностику.

– А, понятно. Ты хочешь сказать, что ты подвесил **МОЮ** систему на свой компьютер?

– Да.

– Тогда как ты узнал, что она включилась?

– Видишь ли, я не оставлял копам инструкций, чтобы они мне звонили, но теперь, наверное, так и поступлю.

– Не смей. Мне и так было страшно неловко.

– Какая тебе польза от сигнализации, если она отключена?

– Я не хочу принимать у себя полицейских через день только потому, что я случайно ее включила. Мне просто не нравится так жить, Хотвайер.

– Тогда не включай ее по ошибке. На другом конце линии

молчали.

– Ну перестань, моя сладкая. Я знаю, что иногда тебе трудно сосредоточиться на том, что происходит во внешнем мире, но ты можешь натренировать себя не забывать о сигнализации.

– Почему ты называешь меня «сладкая»? Я тебе не кусок сахара.

– На вкус ты слаще сахара.

– Ладно, забыли.

– Поверь мне, твой язык куда приятнее, чем мятная жвачка. Я бы с радостью предпочел держать во рту его, а не кусок резины.

– Ты со мной заигрываешь?

– Готов поспорить, что ты покраснела.

Клер делала вид, что ей наплевать, но Хотвайер знал, что ее тянуло к нему куда сильнее, чем она согласилась бы признать.

Клер вздохнула, и его бросило в дрожь от этого тихого вдоха.

– Возможно.

– Ты кажешься удивительно неискушенной в этих играх для женщины двадцати восьми лет.

– Неискушенной меня точно назвать нельзя. – Весьма циничное заявление. – И откуда ты знаешь, сколько мне лет? Ты успел порыться в моих персональных данных?

– Нет. Я поступил старомодно. Я спросил у Джози.

– Вот как?

– Тебе не удастся сбить меня с темы.

– Я не пытаюсь сбить тебя с темы.

Нет, это она не нарочно. Просто у нее привычка перескакивать с темы на тему.

– Я снова включу систему, и на этот раз я хочу, чтобы она работала.

– Если сигнализация снова включится, я перережу провода.

– Ты этого не сделаешь.

– Попробуй меня остановить.

– Ты не уполномочена демонтировать сигнализацию.

– Мы не в армии. Мне не требуется ничьих разрешений. Это я тут живу. Если я не хочу, чтобы сигнализация мешала мне жить, то мне ни к чему ее терпеть.

– Тогда съезжай. Ты живешь у Джози на правах нанятого и не имеешь права блокировать средства, которые Джози установила для охраны своей собственности. И сигнализация, и дом, который она охраняет, принадлежат ей, а не тебе. – Жестокие слова, но Клер сама вынудила его их произнести.

Отсюда, за много сотен миль от нее, он не мог силой заставить Клер держать сигнализацию включенной, а все аргументы, касающиеся необходимости обезопасить ее жизнь, как выяснилось, не работали. Клер отказывалась серьезно воспринимать его озабоченность, но от этого он не стал меньше

беспокоиться о ее безопасности. И он не собирался отказываться от своего намерения ее защитить лишь потому, что помнить о сигнализации ей неудобно.

– Ты прав, – сказала Клер примирительным тоном. – Я не хозяйка. И дом не мой. Я больше не стану блокировать систему. Если это так необходимо...

Джози его уьет. Он обидел Клер.

– Клер, послушай...

– Спасибо, что позвонил узнать, как там с... домом Джози. Как я уже говорила, все прекрасно.

– Сладкая моя...

– Я постараюсь не причинять тебе впредь неудобства. До свидания.

Абонент отключился. Хотвайер смачно выругался. Хорошо, что мама его не слышала. В армии сержант не наводил на него такого ужаса, как эти пять с кепкой футов безукоризненных манер коренной южанки.

Он не хотел обидеть Клер, и он не звонил, чтобы проверить, как там этот чертов дом. У него свело скулы от злости. Как бы там ни было, он перезапустил систему сигнализации. Хотвайер проверил электронную почту и голосовые сообщения, но дрожащий от обиды голос Клер все не шел у него из головы. Наконец он сдался и вновь набрал ее номер.

Она не взяла трубку, и он, проверив расписание Клер, убедился, что у нее сегодня занятия, а потом дежурство. Он оставил сообщение о том, что переустановил систему, но где

взять слова, чтобы возместить ущерб, который он нанес ее чувствам? И стоит ли вообще пытаться найти такие слова?

Давясь слезами, Клер отперла входную дверь.

Лестер умер. Она не могла в это поверить. Он жил в Бельмонт-Мэноре практически все те три года, что Клер там работала. За это время умирали и другие. И это естественно, если учесть, что средний возраст обитателей интерната равнялся семидесяти пяти годам. Но Лестер был не таким, как все. Лестер был особенным. Она любила его как члена семьи. И для Клер, у которой семьи практически и не было никогда, это что-то да значило.

Ночью накануне они проговорили больше двух часов, и все это время он сохранял здравый рассудок. Он многое поведал ей о своей жизни наемного убийцы и сумел убедить ее в том, что то, о чем он ей рассказывал, было правдой. Он заговорил о своей прошлой жизни только год назад, когда у него начались помутнения рассудка, так что иногда трудно было понять, где правда, а где плод больного воображения. Но если только Лестер постоянно не бредил одним и тем же, то та, темная сторона его жизни, действительно существовала.

Клер сказала ему, что удивлена тем, что он так долго прожил, принимая во внимание особенности его профессии, но он ответил, что все дело в том, что он был глубоко засекреченным агентом. Те, с кем он работал, и в правительстве, и частные клиенты, знали лишь его кличку – Арван. Арван –

кельтский бог смерти. Вполне подходящее имя для того, кто делает такую работу.

Только для Клер действительно не имело значения, кем Лестер был в прошлом. В ее жизни он занимал важное место, и теперь, когда его не стало, Клер испытывала боль. Он был очень близок к тому, чтобы в ее сердце занять место отца, человека, которого она могла бы уважать, и, как ни сентиментально все это звучит, так оно и было.

Клер закрыла дверь, и из глаз потекли слезы. Она смахнула соленую влагу с лица и с некоторым опозданием вспомнила про сигнализацию. Прoceдив слово, которое она редко употребляла, Клер бросилась к замаскированной кнопочной панели и набрала код. Хорошо, сигнальная система еще не успела сработать.

Клер решила переехать. Хорошо, что Хотвайер подтолкнул ее к этому, – необходимость постоянно помнить о том, что надо отключать сигнализацию при входе в дом, действовала ей на нервы. Она будет скучать по дому Джози, но и этот дом, и все другие места, где ей приходилось жить, принадлежали не ей. В ее жизни не было постоянного места, одни только временные обиталища.

Где только не приходилось ей останавливаться за свои двадцать восемь лет! Иногда в местах просто жутких, иногда в менее жутких, но все они имели нечто общее – временные остановки на жизненном пути. И этот дом не был исключением.

Есть Клер не хотелось, садиться за учебу она не могла физически. Она чувствовала изнеможение, и эмоциональное, и физическое. Смерть Лестера и две недели работы без выходных вымотали ее окончательно. Клер побрела в спальню, но по дороге включила сигнализацию. Пусть Хотвайер будет счастлив.

Клер снился сон. Она спала на переднем сиденье «бьюика», служившего им с матерью домом несколько месяцев. Клер было тогда двенадцать лет. Она отчасти сознавала, что видит сон, потому что сейчас была взрослой женщиной, жила в доме, а не в машине. Но в то же время все происходящее было на удивление реальным. Она даже ощущала затхлый запах вечно мокрых ковриков.

Она слышала тихое дыхание с заднего сиденья машины – там спала мать. И еще она слышала завывание сирены. Звук все приближался. Это копы. Они арестуют мать и ее тоже заберут в тюрьму. Или отдадут в колонию для малолетних. Разве так уж незаконно жить в кем-то брошенной машине? Клер не хотелось в тюрьму.

Клер начала плакать, страх царапал ее изнутри, словно разъяренная кошка. Что-то полетело через сиденье и упало ей на лицо. Мамина подушка? Зачем она ее бросила? Клер попыталась оттолкнуть подушку, но не тут-то было.

Она отчаянно боролась, страх душил ее.

Клер проснулась как от толчка. Она не могла дышать. Что-то давило на лицо, и звук сирены был настоящим.

Это сработала сигнализация.

Кто-то вломился в дом. Кто-то, кто сейчас душил ее подушкой.

Клер открыла рот, чтобы завизжать, но подушка заглушила крик.

Клер забила ногами, но не могла найти опору.

Этот кто-то что-то говорил. Считал. Она начала отчаянно шарить руками вокруг себя и правой рукой нащупала нечто твердое. И тут она вспомнила.

Хотвайер заставил ее держать у изголовья кровати баллон со слезоточивым газом. Слабея от нехватки кислорода, Клер попыталась как можно крепче сжать баллон. Вот он у нее в руке. На ощупь Клер отыскала защитное кольцо. Она боялась, что не сможет оторвать его из-за нехватки сил. Но нет, инстинкт самосохранения сработал. Затем она направила носик повыше уровня подушки и нажала на кнопку. Продолжая удерживать кнопку, Клер стала водить баллоном туда и обратно.

Послышались грязные ругательства. И вдруг Клер почувствовала, что на подушку никто больше не давит. Она оттолкнула подушку и, глотая воздух, внезапно испытала прилив сил, нырнула под душителя. Ей даже хватило сил на то, чтобы свалить его с кровати. Она перекатилась на другую сторону кровати и упала на пол.

Зазвонил телефон, но Клер не могла пошевелиться, чтобы взять трубку. Ей страшно не хватало воздуха, которым

она никак не могла надышаться. Она встала на колени и сделала один судорожный вдох, потом другой. Легкие требовали еще кислорода, но наполнять их было некогда – надо было выбираться из спальни.

Душителю успел подняться и снова неуклюже набросился на Клер. Она снова приподняла баллон и снова нажала на кнопку, но на этот раз Клер целилась в глаза преступника, которые видела в прорези темной лыжной маски. Завизжав, он попятился. Клер бросилась к двери, но тело ее не слушалось.

Сирена выла не переставая. Клер успела добежать до коридора и бросилась к входной двери, но на середине гостиной кто-то схватил ее сзади за волосы. Клер плашмя упала на спину.

Она увидела подошву ботинка перед лицом и попыталась откатиться в сторону. Увы, далеко откатиться ей не удалось. Затылок ее взорвался болью, и наступила мгла.

Голова Клер гудела так, словно кто-то отработывал на ней удары битой. Клер застонала.

– Мисс Шарп, вы меня слышите?

– Да, – выдавила Клер из себя хриплым шепотом.

– Вы можете открыть глаза?

– Сейчас попробую... – Она попыталась приподнять веки и очень удивилась, когда они поддались. – Слишком ярко. – И она снова закрыла глаза.

– Пожалуйста, мисс Шарп. Мне нужно, чтобы вы открыли

глаза и держали их открытыми.

– Больно...

– Сожалею. – Голос был добрый.

Она попробует сделать то, о чем ее просят.

Клер снова открыла глаза, замигала от яркого света, но попыталась приноровиться к нему и не закрывать глаза. Свет блеснул ей в левый глаз, затем в правый. Клер отвернулась от света.

– Нет...

– Я не буду больше этого делать.

– Хорошо. Спасибо вам... – Она оказалась неспособной закончить мысль.

Врач ощупал ее голову, затем шею, задавая вопросы. Клер послушно на них отвечала, но закричала от боли, как только врач прикоснулся к затылку.

– У вас там большая шишка. Клер тут же все вспомнила.

– Он пнул меня ногой.

Врач проворчал что-то и спросил:

– Вы помните, что с вами случилось?

– Да.

– Хорошо.

– В самом деле? – Она не видела ничего хорошего в своих жутких воспоминаниях.

– Сотрясение мозга обычно сопровождается частичной потерей памяти – ретроградной амнезией или неспособностью вспомнить то, что непосредственно предшествовало

потере сознания.

– Значит, у меня нет сотрясения? – спросила Клер.

– Я не уверен, но то, что вы можете вспомнить случившееся с вами. – хороший знак. Если сотрясение и есть, то оно не очень серьезное.

– Кто это сделал? – Еще один голос.

Клер повернула голову, и из глаз полились слезы от страшной боли, вызванной поворотом головы.

Голос принадлежал полицейскому в форме.

От старых привычек трудно избавиться, и эта синяя форма до сих пор заставляла Клер внутренне сжиматься.

– Не знаю, – выдавила она. – Он был в маске.

– Я бы хотел закончить осмотр до того, как вы станете ее допрашивать, – вмешался врач.

Полицейский кивнул.

Клер огляделась, вращая глазами. Головой вертеть она больше не решалась. Она находилась в палате «Скорой помощи». Сколько времени она провела без сознания? Она не помнила, как покидала дом.

– Как я...

– Как вы сюда попали?

– Да, – выдохнула Клер.

– Сосед пришел проверить, что с вами, когда включилась сирена. Он увидел, что вы лежите на полу, – шторы были раздвинуты. Он позвонил 911.

– Я знаю этого соседа. Он был морским пехотинцем.

– Да, этот пожилой джентльмен бывший военный, – сказал полицейский.

– И это не так плохо, думаю.

Полицейский рассмеялся, только Клер не поняла над чем.

К доктору присоединилась медсестра, и они как можно осторожнее, чтобы не причинять лишней боли, осмотрели ее – проверили рефлексy, задали много вопросов.

В конце концов врач отправил медсестру за болеутоляющим.

– Я бы хотел, чтобы вы сделали томограмму, но, судя по этому первичному исследованию, вы родились в рубашке. Похоже, у вас только сотрясение средней тяжести. Все могло быть куда хуже. Клер заморгала.

– Да. Я думаю, он хотел меня убить.

– Почему вы так думаете? – спросил полицейский, и начался допрос.

Глава 4

Фокусировать взгляд было трудно, ей страшно хотелось спать, уже не говоря о том, что общение с представителями властей всегда вызывало в ней неприятное напряжение. Ни с чем хорошим общение с полицейскими у нее не ассоциировалось. Одни только болезненные воспоминания, крепко сдобренные страхом. Начиная с самой первой встречи с представителями власти. Полицейский пришел к ним в дом, чтобы объявить им с матерью, что отец мертв. И потом стычки с полицейскими всегда были сопряжены с ее страхом.

Со времен последней стычки Клер с полицией прошли годы, но старые привычки долго не хотят отпускать. Самые странные и неразумные привычки тоже. Клер пыталась отвечать на вопросы копа как можно лучше, а когда уже больше не смогла говорить, доктор выставил полицейского из палаты.

– Я могу сейчас поехать домой? – спросила Клер у врача.

– Мне все же хотелось бы, чтобы вы сделали томограмму.

Клер поежилась, представив, сколько может стоить такое исследование.

– Нет.

– Вам это необходимо.

– Вы сами сказали, что сотрясение не такое серьезное.

Клер с трудом подбирала слова. Допрос полицейского исчер-

пал ее интеллектуальные возможности. Она страшно устала, и голова продолжала болеть.

– Я бы хотел подтвердить диагноз тестом.

– Это ни к чему... – Клер перевела дух. – Я хочу уехать домой.

– Вы одна живете?

– Да.

– Я знаю, что вам это не понравится, но в вашем случае с такими симптомами я бы оставил вас на ночь под наблюдением врачей, а не стал бы отправлять домой.

– Нет.

– У Клер не было медицинской страховки. Ни за что она не останется на ночь в больнице. Счет из амбулатории и счет за вызов «скорой» и так сильно ударит по ее кошельку.

– Вы неоправданно рискуете своим здоровьем.

– Риск не велик. – И он оправдан, даже если врач этого не понимает.

– Я бы не стал этого утверждать, – сказал доктор.

– Я не останусь.

Врач коротко кивнул, давая понять, что он придерживается иного мнения, но не видит смысла в продолжении спора.

– Вам нужно кому-нибудь позвонить. Вы не можете ехать домой одна, и вам придется подписать бумагу о том, что вы отказались от лечения.

– Я подпишу. – Но звонить ей было некому.

Когда Клер сказала об этом врачу, он снова стал уговари-

вать ее остаться.

Клер открыла было рот, чтобы сказать, что она все равно не останется, но говорить ей не пришлось – врача вызвали к другому больному. Клер вздохнула с облегчением. Если ей удастся одеться до его возвращения, то у нее будет больше оснований настаивать на выписке.

Она резко перекинула ноги на пол и, опираясь на металлическую спинку кровати, села. Она посидела немного, пережидая, когда перестанет кружиться голова, а потом медленно встала. Шаркая ногами, Клер поплелась к шкафу, где, как она надеялась, была ее одежда.

Она принялась рыться в шкафу, стараясь не двигать головой. В третьем ящике снизу она увидела то, что искала. О, ужас – ее привезли сюда в пижаме!

Топ на бретельках и короткие панталоны – трудно назвать этот наряд подходящим для выхода на улицу. И уж точно в нем нельзя ездить общественным транспортом. Может, стоит надеть поверх пижамы больничную рубашку и вызвать такси? Все равно денег придется отдать меньше, чем за ночь в больнице.

Кажется, у нее ушла целая вечность на то, чтобы натянуть на себя панталоны и топ. Клер решила надеть больничную рубашку задом наперед. Тогда завязки сойдут за застежку халата. И в этот момент с металлическим звоном штора отдернулась.

– Почему ты не в кровати?

Клер подняла глаза и решила, что у нее галлюцинации. Перед ней стоял Хотвайер.

– Я одеваюсь. – Она замолчала, глубоко вдохнула и выдохнула. – Чтобы поехать домой.

– Ты что, мозги потеряла?

– По моим ощущениям их у меня просто выбили.

– Клер, черт тебя побери, тут не до шуток!

Она никогда не слышала, чтобы Хотвайер ругался. Слышать ругань из его уст было странно. У нее возникло ощущение, что он и впрямь разозлился не на шутку. Он не ограничился одним словом, а выдал длинный замысловатый пассаж, который составил бы честь портовому грузчику.

Последнее слово из четырех букв он опустил.

– Ты собиралась вернуться в дом, где на тебя напали?

– Я не могу позволить себе провести ночь в больнице.

– А умереть ты можешь себе позволить?

Клер не ответила. Что на это ответишь? Он все равно не поймет ход ее мыслей. Многие люди воспринимают собственную безопасность как нечто само собой разумеющееся, полагая, что имеют на нее полное право. Клер знала, что эту роскошь не все могут себе позволить.

На глаза вдруг накатались слезы, и Клер разозлилась на себя за это. Она никогда не плакала, черт побери! Слезы – удел слабых, а она слабой не была. Не то, что ее родители.

Она доказывала это себе раз за разом. И она будет доказывать себе это до тех пор, пока не поверит в это.

Хотвайер что-то пробормотал сквозь зубы и осторожно помог ей надеть рубашку и крепко завязал тесемки.

Закончив, он подхватил ее на руки.

– Все будет хорошо, сладкая.

Вернулся врач. Он окинул взглядом Хотвайера, который держал Клер на руках, как ребенка. Даже в том ужасном состоянии, в котором она находилась, Хотвайер не мог воспринимать ее ни как абстрактную пострадавшую, ни тем более как угодившего в беду ребенка. Он ощущал Клер – и ощущал на все сто процентов как женщину, и не просто женщину, а женщину желанную.

Врач криво усмехнулся:

– Я так понимаю, она едет домой с вами?

– Почему бы ей не остаться на ночь здесь, в больнице?

– Она отказалась. Она также отказалась от томографии, которую я ей рекомендовал.

Очевидно, доктор почувствовал, что нашел в Хотвайере союзника. Хотвайер посмотрел на Клер:

– Может, пройдешь исследование?

– У меня нет страховки.

Хотвайер сжал зубы, но не стал набрасываться на Клер.

– Я забираю ее домой. Клер улыбнулась облегченно.

– Спасибо.

– Разумеется, после томографии, – мрачно добавил Хотвайер.

Теперь пришло время улыбнуться врачу.

Клер уже засыпала, когда они с Хотвайером добрались до отеля, где он поселился. Клер лишь что-то недовольно пробормотала, когда он, подхватив ее на руки, понес к лифту.

Он занес ее в номер, и Клер завозилась у него на руках.

– Ты уверен, что не наживешь себе неприятности из-за того, что у тебя в номере будет ночевать еще один человек?

– Это не проблема. Клер вздохнула.

– Я удивлена, что тебе никто ничего не сказал, когда ты нес меня через холл. Клерк за стойкой очень пристально на нас смотрел.

– Думаю, он видел кое-что и почуднее.

– Чуднее, чем постоялец в больничной рубашке?

– Конечно. Это ведь центр Портленда, столица, можно сказать. Я живу здесь меньше недели, а уже повидал с десятков сплошь пропирсингованных панков, компанию готических вампиров и женщину лет шестидесяти, не меньше, в атласных обтягивающих розовых брюках и черной кожаной куртке с заклепками.

Клер доверчиво уткнулась ему в плечо.

– Как скажешь...

Хотвайер уложил Клер на кровать и укрыл ее одеялом.

– Я принесу тебе что-нибудь попить.

Когда он вернулся со стаканом сока, взятого из мини-бара, Клер с трудом открыла глаза.

– У меня совсем нет одежды.

– Я поеду к тебе и привезу что-нибудь.

– Спасибо... – Клер вздохнула. – И еще мой рюкзак.

– Хорошо, я все заберу.

Клер брезгливо прикоснулась к больничной рубашке.

– Мне это не нравится.

Хотвайеру тоже не нравился ее наряд. Он был бы не прочь помочь ей снять эту пижаму. Пусть лучше она останется совсем без одежды. Только это не поспособствовало бы сохранению его устойчивого самоконтроля... Единственное, что спасало их обоих, – это очевидная физическая слабость Клер.

подавив вздох и приказав себе не смотреть на нее, Хотвайер помог Клер развязать тесемки и снять рубашку.

Клер перекадилась на бок и, глядя на него, слабо улыбнулась.

– Мне больно, Хотвайер.

– Сочувствую.

Она уже приняла обезболивающее в больнице, а до очередной дозы было еще далеко.

– Попытайся уснуть.

– Ладно. – Клер закрыла глаза, но лицо ее оставалось напряженным от боли.

Хотвайер присел на край кровати и откинул краешек одеяла так, чтобы можно было взять в руки ее ступню. Он хорошенько помассировал ступни, нажимая на определенные точки, о которых узнал несколько лет назад от одного китайского врача.

– Приятно, – сказала Клер, не открывая глаз.

– Хорошо. – Хотвайер продолжил массаж и в конечном итоге почувствовал, как Клер расслабилась – к ней пришел долгожданный сон.

Хотвайер с трудом заставил себя встать и отойти от нее. Он должен бы успеть привезти ее одежду до того, как она проснется.

Когда Хотвайер вернулся в номер, Клер все еще спала. Рыжая копна кудряшек разметалась по подушке, обрамляя бледное, изможденное болью лицо. У Хотвайера были подобные травмы, и он знал, как это больно. И в этом состоянии Клер еще собиралась вернуться домой и жить там одна! Упрямство, граничащее с безумием.

Хотвайер покачал головой.

Она еще в машине призналась, что не намерена переезжать в Бельмонт-Мэнор. Весьма ехидно она заметила, что интернат – это место ее работы и персонал не нанимался ее обслуживать.

Хотвайер скривил губы. Клер была слишком упряма. Но она ни разу не возразила, когда он заявил, что намерен ей помогать. Что это значило? Что она готова на него положиться? Или то, что просто не хочет с ним спорить, понимая всю бессмысленность этого занятия?

Следующие двадцать четыре часа стали адом для них обоих. Ей хотелось одного – уснуть и спрятаться от невыносимой головной боли. Однако ему приходилось время от вре-

мени ее будить, чтобы проверить ее реакции и поить соком с водой. Клер ворчала – ей хотелось только спать, Хотвайер мучился от того, что вынужденно доставлял ей неудобства, пусть для ее же блага.

В конечном итоге он позволил ей провалиться в глубокий сон. Теперь Хотвайер точно знал, что опасность миновала.

Он принял душ, натянул шорты и залез в постель, чтобы и самому поспать.

На рассвете он резко проснулся. Женское теплое тело казалось его груди, щека Клер была у самого сердца.

Как она сюда попала? Судя по тому, как крепко она спала, она находилась здесь уже немало времени. Почему он не проснулся? Еще никто не смог подобраться к нему спящему незамеченным с тех пор, как во время первого года службы Нитро сыграл с ним одну коронную шутку ночью – тот самый трюк, который испытали на себе все те, кто служил в армии. Хотвайеру хватило одного раза, чтобы выработать у себя привычку спать вполглаза. Так что оставалось загадкой, как это он не проснулся, когда Клер прилегла рядом. Еще большее недоумение вызывал тот факт, что он не проснулся и тогда, когда она улеглась на него, словно теплое, мягкое и очень приятное на ощупь одеяло.

Одна рука его лежала у нее поперек спины, другая – на шелковисто-гладком бедре. Утренняя эрекция приняла болезненные формы. Это плохо.

Осторожно, стараясь не разбудить Клер, Хотвайер стал

выбираться из объятий, пока под влиянием либидо не наде-
делал того, что могло бы создать неловкость для них обоих.
Однако в ту секунду, когда он стал из-под нее выскальзывать,
Клер проснулась, резко приподнялась, нечаянно ударив его
коленкой в пах.

– А! Клер!

– Хотвайер? – Она уставилась на него с таким видом, слов-
но впервые в жизни увидела мужчину. – Что ты тут делаешь?

Клер ошарашено открыла рот и широко распахнула глаза,
но, заметив, во что уперлась ее коленка, быстро вытянула
ногу.

Коленка ее больше не угрожала его мужественности, но
зато теперь нога ее лежала у него на бедре. Мозг посылал
импульсы все туда же.

– Господи, как больно! – попытавшись приподняться,
простонала Клер, схватившись за голову.

Хотвайер не смог выдержать этот полный боли взгляд.

– Ложись.

Она покачала головой.

– Господи, какая я глупая!

– Клер?

– Я не могу лечь. Почему я здесь оказалась?

– Ты на мне спала. Это ничего.

– Правда? – спросила она изумленно. – Это невозможно.

– Честное слово.

– Но я никогда раньше ни на ком не спала. – У нее тревож-

но забегали глаза. – Должно быть, все дело в этих болеутоляющих лекарствах. Вообще-то я не привыкла принимать лекарства. – Клер прикусила губу. – Мне надо перелечь. Но если я пошевельнусь, мне снова будет очень больно.

Хотвайер осторожно переложил Клер на ее половину кровати.

– Так лучше?

– Да, спасибо, – несколько натянуто поблагодарила она его и, закусив губу, мучительно поморщилась.

– Что опять?

– Мне надо в ванную. Очень надо.

Хотвайер ничего не сказал, просто взял ее на руки и понес. Долгие годы тренировок не прошли даром: он двигался быстро и уверенно, но плавно, без толчков. Клер держала ноги плотно сжатыми – видно, ей и в самом деле было невтерпеж.

Хотвайер опустил ее на пол возле унитаза.

– Дальше сама справишься? Она покраснела как рак.

– Конечно.

Он оставил дверь открытой, но сам отошел, чтобы ее не смущать. Он все еще не вполне пришел в себя после пробуждения. Никак не мог свыкнуться с тем фактом, что не заметил, как она чуть ли не всю ночь на нем проспала.

Клер вышла из ванной в белом махровом халате, надетом поверх хлопчатобумажной майки и трусов. Двигалась она очень медленно, дюйм за дюймом. Хотвайер быстро подо-

шел к ней и, взяв на руки, понес к кровати.

– Ты очень сильный, – сказала Клер без кокетства, и Хотвайер воспринял ее слова как простую констатацию факта, а не приглашение к флирту.

Маленькая ладонь ее покоилась у него на груди, посылая совершенно неподходящие к случаю сигналы его либидо, несмотря на то что умом Хотвайер понимал, что этот жест тоже не являлся приглашением к флирту.

– Спасибо, что обо мне заботаешься.

– Всегда к твоим услугам. – И, каким бы испорченным негодяем ни ощущал он себя при этом, ему и в самом деле было чертовски приятно держать Клер на руках, даже если она позволяла ему это делать только потому, что была слаба и травмирована.

Но когда он собрался опустить ее на кровать, она крепко вцепилась ему в шею.

– Я не хочу опять ложиться.

– Тебе нужен покой.

– Я целую вечность провалялась в постели.

– Всего часов тридцать, не больше.

– Но для меня это уже целая вечность. Столько времени валяться в постели нельзя.

Хотвайер улыбнулся. Пусть себе поворчит. Клер надула губы, выражение у нее было капризное и сексуальное одновременно.

– Я проголодалась.

– Попробуем решить эту проблему. – Хотвайер отнес Клер на диван в гостиной. – Можно заказать ленч в номер.

Клер прислонилась к подлокотнику дивана. Она старалась держаться прямо, но бледность выдавала ее страдания.

– Хорошо.

Хотвайер взял со столика меню и пробежал его глазами в поисках чего-нибудь вегетарианского.

– Что ты предпочитаешь?

– Я не слишком разборчива в еде.

– Конечно, если не считать того, что ты не ешь мяса, – усмехнувшись, сказал Хотвайер.

– Это не потому, что я привередничаю.

– Тогда почему?

– Из чувства самосохранения.

Принимая во внимание то, что она рассказала ему о причинах отказа от мяса, он вынужден был с ней согласиться.

Хотвайер позвонил и сделал заказ для них обоих, после чего сел в кресло рядом с Клер.

– Почему бы нам не поболтать о том, что случилось в воскресенье утром?

Клер облегченно вздохнула, когда служащий отеля постучал в дверь. Допрос Хотвайера произвел на нее неизгладимое впечатление, однако она чувствовала полнейшее изнеможение. А она еще думала, что офицер полиции вытащил из нее все, что мог. Хотвайер его превзошел – после получасового дознания у Клер создалось впечатление, что Хотвай-

ер знает о произошедшем с ней лучше, чем она сама.

Хотвайер отпустил официанта и подвез к Клер тележку с ленчем. Он не потрудился даже одеться, хотя перед тем, как открыть официанту, все же натянул джинсы. Тело у него было необыкновенное – сплошные мускулы, обтянутые золотистой кожей. Клер прямо в жар бросало при виде его обнаженного торса. К счастью, запах еды вовремя завладел ее чувствами, и она с наслаждением потянула носом воздух.

– Пахнет вкусно.

– Здесь отлично кормят. В животе у нее заурчало.

– Мне, похоже, все равно, что есть.

– Да, за последние тридцать часов ты почти не ела. Клер провела эти тридцать часов по большей части во сне, но и когда она просыпалась, воспринимала происходящее словно в тумане.

– Помню, ты кормил меня сухими тостами.

– Мне не хотелось, чтобы тебя тошнило или чтобы живот пучило. Не хватало еще твоей бедной голове пережить рвоту.

Клер с улыбкой сняла серебряную крышку со своего блюда. Хотвайер заказал ей овощное рагу с рисом, и выглядело оно очень аппетитно.

Клер вдыхала аромат китайских пряностей, и от этого запаха у нее слюнки потекли.

– Я оставлю тебя на минутку, – сказал Хотвайер. Клер кивнула.

Он удалился в спальню и вскоре вернулся в тенниске, обтянувшей его скульптурную грудь.

– Тебе холодно? – поинтересовалась Клер. Она была разочарована тем, что Хотвайер лишил ее удовольствия созерцать его красивое тело.

– Мама хорошенько бы меня отругала, если б узнала, что я позволил себе сесть за стол с дамой неодетым.

– По твоим словам выходит, что твоя мама – прямо железная леди.

– Железный кулак в лайковой перчатке южной мягкости.

– Ты любишь ее.

Судя по тону Хотвайера, он испытывал к матери глубокое почтение.

– Каждый человек любит свою мать, разве не так?

– Не знаю.

Клер не была уверена в том, что ее чувства к матери можно назвать любовью. Что она чувствовала, когда Норен умерла?

Жалость, гнев, смущение, разочарование – все было, но вот любовь? Клер не припоминала, чтобы испытывала к матери особую симпатию, по крайней мере с тех пор, как умер отец и они с родительницей фактически поменялись ролями. Норен, казалось, сделала все, чтобы превратить жизнь дочери в жалкое существование, и посему Клер едва ли могла испытывать к ней чувство глубокой привязанности.

Хотвайер опустился в кресло и снял крышку со своего

блюда. Клер была потрясена, обнаружив, что себе он заказал то же, что и ей.

Он ответил улыбкой на ее вопрошающий взгляд.

– Мне пришло в голову, что тебе неприятно наблюдать за тем, как другие едят мясо. Не хотелось портить тебе аппетит.

– Выходит, из-за меня тебе придется есть то, что ты не любишь?

– В настоящий момент овощное рагу – именно то, чего мне хочется.

– Какой ты милый, Хотвайер. – Клер не желала напрашиваться на ответную любезность и потому быстро добавила: – Но обо мне не беспокойся. Правда. Мне действительно все равно, что ты ешь.

Хотвайер нахмурился.

– Не привыкла, чтобы другие щадили твои чувства? Получалось, что он считал ее чем-то обделенной.

– Джозетта всегда была очень внимательна ко мне. И Лестер, и Куини тоже.

Да, и в ее жизни присутствовали друзья. Пусть их было немного, но они были.

Хотвайер только покачал головой и сменил тему. Допрос продолжался до тех пор, пока у Хотвайера не возникло ощущение, что он досконально знает обо всем, что произошло с Клер.

Они доедали ленч молча. Хотвайер все это время оставался задумчив. Когда с едой было покончено, он выкатил те-

лежку в коридор.

Клер устроилась в уголке дивана, поджав под себя ноги.

– Есть догадки? – спросила она, когда Хотвайер подсел рядом.

Он нахмурился. Клер пыталась прочесть по его глазам, о чем он думает, но не смогла.

– Никаких догадок. По правде говоря, я озадачен.

– Ты говорил, что думаешь, будто кто-то из террористов захотел свести счеты с Джозеттой.

– Да. Мы очень старались сделать так, чтобы в официальном отчете не упоминалось ее имя, но с учетом обстоятельств оставить ее в тени оказалось нелегко.

– Кто такие «мы»?

– Я и мои друзья из ФБР.

– О! Как, должно быть, приятно иметь такие могущественные связи.

– Бывает, что и приятно.

– Итак, тот, кто увидел ее там, мог рассказать другим? Кто-то направился по ее душу, но принял меня за нее, поскольку в тот момент в доме находилась только одна женщина. – Клер вздохнула. – Я не могу найти иного объяснения произошедшему, потому что ни у кого не было повода убивать меня.

– Мы не знаем, входило ли в планы нападавшего тебя убивать.

Клер презрительно фыркнула.

– Конечно, не входило. Именно поэтому он накрыл мне лицо подушкой. Он душил меня, понимаешь? Душить, по-твоему, не значит убивать?

– Возможно, он хотел лишь, чтобы ты отключилась на время, потеряла ориентацию...

– Но с какой целью? Хотвайер угрюмо поджал губы.

– Возможно, он хотел тебя изнасиловать или похитить. Возможно, он лишь хотел связать тебя, чтобы ты не мешала ему грабить дом. И чтобы ты не могла вызвать полицию.

– Но ведь уже сработала сигнализация!

– Согласен, с ограблением я промахнулся, но первые два сценария вполне укладываются в схему.

– Ты всерьез считаешь, что насильник остался бы в доме, чтобы сделать свое черное дело, когда всюду воеет сирена?

– Преступники сплошь и рядом плюют на сирены, потому что часто и все прочие не обращают внимания на сработавшую сигнализацию. К тому же далеко не все сигнальные системы имеют прямой выход на пульт местного полицейского управления. Да и те, что имеют выход, не панацея, если принять во внимание время реагирования на сигнал.

– Аварийная система, что установлена в доме Джозетты, устроена так, что при включении автоматически раздается звонок по номеру 911.

Клер никогда не забудет того стыда, что испытала, когда ей пришлось объяснять двум офицерам полиции, прибывшим по сигналу тревоги, что забыла ввести код и обратила

внимание на рев сирены лишь спустя несколько минут после того, как она включилась.

– Да.

– Но офицер в приемной «Скорой помощи» сказал, что по 911 позвонил мой сосед.

– И мне он сказал то же самое. Я проверил все, пока ты спала. Оказалось, что всему виной простая человеческая ошибка. Оператор на 911 «подвесил» звонок, а потом по ошибке положил трубку.

– И тем обеспечил комфортные условия для того, кто вломился в дом и пытался меня задушить.

– Послушай, в мире нет идеальных систем сигнализации, как нет идеальных людей. Наш мир далек от совершенства.

Клер вздохнула:

– Это понятно, но не слишком обнадеживает. Ведь если бы не тот баллон со слезоточивым газом, что ты оставил в спальне, я бы уже была в ином мире.

– Если бы на тебя напал профессионал, то баллончик с газом тебе бы не помог.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Какого цвета глаза у нападавшего?

– Было темно, но мне показалось, что глаза у него светлые – серые или серо-голубые.

– Ну вот. Профессионал не забыл бы надеть очки инфракрасного видения. Во-первых, в них он бы лучше ориентировался, во-вторых, в них его было бы труднее узнать, и, в-

третьих, с ними газ был бы ему не страшен.

– Значит, ты думаешь, что тот, кто на меня нападал, в этом деле новичок?

– Да, пожалуй.

– Только потому, что на нем не было инфракрасных очков?

– Есть кое-что еще.

– Что?

– Например, он вломился в дом как новичок.

– Как это?

– Он разбил стекло, вместо того чтобы открыть замок.

– Какое стекло? Я ничего не слышала.

– Ты могла и не услышать. Он разбил стекло на двери, ведущей из гаража на задний двор. А дальше открыть замок не составляло труда – ключ висел на гвозде рядом с дверью.

Клер почувствовала, что краснеет.

– Я просто боялась потерять ключ.

– И ты на самом деле не верила, что тебе грозит опасность.

– Ну, вообще-то не верила. Даже теперь, когда на меня уже раз напали и чуть не задушили, у меня по-прежнему не укладывается в голове, что такое могло случиться со мной.

– Не было обнаружено никаких следов взлома и со стороны двери, ведущей из гаража на кухню.

Клер прикусила губу. Она чувствовала себя дурой.

– Мы с Джозеттой никогда не запирали эту дверь.

– Если бы я об этом знал, то настоял бы на том, чтобы

заменить застекленную входную дверь на стальную. Вообще-то я собирался это сделать, но у нас с Вулфом было слишком мало времени.

– Прости. Я чувствую себя настоящей тупицей. Я могла бы с тем же успехом повесить на окно объявление «добро пожаловать всем, кто пожелает».

Хотвайер покачал головой.

– Не извиняйся. Настоящий преступник нашел бы способ проникнуть в дом, если бы сильно этого захотел. Ты никого не приглашала. Ты меня слышишь?

Горячность его тона удивила Клер.

– Да, я тебя слышу. Я не преступница, я просто растяпа. Идиотка.

– Никакая ты не идиотка. Твое единственное преступление, если его можно таким назвать, состоит в том, что ты слишком доверчива и беспечна в вопросах безопасности.

Вот уж – попал пальцем в небо. Она рано научилась оценивать степень собственной безопасности. И дом Джозетты в этом смысле был самым надежным и безопасным из всех ее прибежищ с тех пор, как умер отец.

– И еще я не мстительна, и поэтому мне трудно представить, что кто-то наточил такой зуб на Джозетту, что попытался убить меня, приняв меня за нее.

– Мы не можем быть с точностью уверены в том, что покушались именно на Джозетту.

– Но это – единственное разумное объяснение тому, что

произошло, – возразила Клер.

– Тем не менее, когда расследуешь преступление, всегда полезно помнить о том, что из того факта, что у цыпленка есть крылья, еще не следует вывод, что он может летать.

– Иначе говоря, действительность может быть обманчивой.

– Да.

– Странно. Хотвайер, ты ведь бывший солдат-контрактник, откуда ты столько знаешь о расследовании преступлений?

Глава 5

Он развалился в кресле, вытянув перед собой ноги.

– Это у меня такое хобби. В перерывах между миссиями я выполнял для правительства кое-какие поручения. Как частное лицо.

– Но как...

– Я проходил практику в оперативном отделе. Именно там я научился ремеслу шпиона. Знаешь, что в этом деле главное? Долг. Люди на втором месте. Миссия – всего важнее.

Он сказал это с горечью, и Клер невольно задумалась, что за история стоит за этими словами. Но сейчас ей трудно было сосредоточиться на чем-то абстрактном, тем более что-либо анализировать. Она сильно устала, и, хотя ее и не тянуло в сон так сильно, как раньше, головная боль становилась невыносимой.

– Вернемся к твоему душителю.

– В каком смысле?

– Ты сказала, что он продолжал давить тебе на лицо подушкой, несмотря на сирену.

– Да. Он считал вслух.

– Он считал, сколько времени работает сигнализация и сколько времени ты находишься без воздуха? Это скорее говорит о его профессионализме.

– Ты же сказал, что он – любитель?

– Если честно, то мне трудно его классифицировать.

– А разве так уж важно точно знать, «в деле» он или нет?

– Клер употребила выражение, услышанное от Лестера.

– Если говорить о той группе террористов, что мы обезвредили, то все они были хорошо натренированы. Но про того, кто напал на тебя, такого не скажешь.

– Тот, кто напал на меня, мог быть только одним из террористов. Все остальные версии просто бессмысленны. Никто не хотел убивать меня.

– Ты в этом уверена?

Зачем он вообще задал этот вопрос? Клер, если и считала себя несколько наивной, то в свое оправдание могла лишь сказать, что большая часть людей не живет с постоянной мыслью о том, что на них могут напасть в любую минуту.

– Абсолютно уверена.

– Тогда, пожалуй, будем исходить из предположения, что покушались на Джозетту. У нас все равно нет иных версий. По крайней мере на настоящий момент.

И не будет. С ее стороны – точно.

– Из чего следует вывод, что Джозетта в опасности.

– Едва ли. Если все те, кто вздумает на нее напасть, так же плохо натренированы, как и наш нападавший, то ей практически ничего не угрожает. А Нитро я уже успел предупредить.

– Отлично. Представляю, как им теперь хорошо.

– Если верить Нитро, то они сейчас словно в раю.

Клер не могла представить, чтобы Нитро мог произнести что-то столь романтическое. Возможно, Хотвайер просто передал сказанное Нитро своими словами. Но смысл сказанного от этого не менялся. Клер это не удивляло. Нитро и Джозетте повезло найти нечто такое, что Клер считала исключительной редкостью, – честную, взаимную и бескорыстную любовь. Эти двое могли целиком друг на друга положиться.

Хотвайер сделал многозначительную паузу перед тем, как сказать:

– Нитро и Джозетта хотят, чтобы я остался с тобой до их возвращения.

– Я...

– Если ты начнешь говорить, что в этом нет необходимости, я начну раздражаться.

– Я не собиралась так говорить. В этом на самом деле есть необходимость. Даже я это понимаю. Я не хочу превратиться в труп, но не знаю, насколько тебе это будет удобно.

– Что ты имеешь в виду?

– Как насчет твоей работы?

– У меня «отдаленная работа», и я и так уже несколько дней как работаю, не выезжая из номера.

– Теперь понятно, почему тебе удалось так быстро добраться до больницы. Но почему ты здесь? У тебя тут какое-то задание?

– Только за тобой приглядывать.

– Ты приехал из-за меня?

– Да.

– Но почему? Я знаю, что Джозетта просила тебя за мной приглядывать, но я думала, что она просила тебя просто звонить мне время от времени, а не приглядывать в буквальном смысле.

Хотвайер пожал плечами.

– Уже тогда, когда в первый раз сработала сигнализация, я пожалел, что так далеко от тебя нахожусь. Живя в Монтане, я мало что могу для тебя сделать. Поэтому я решил, что надо перебраться поближе.

Этот мужчина серьезно относится к обещаниям, данным друзьям. Даже слишком серьезно.

– Так почему ты не остановился в доме Джозетты? Хотвайер недовольно покачал головой.

– Теперь я понимаю, что мне так и следовало сделать. Если бы я был в доме, ничего бы не произошло.

Клер удивленно округлила глаза.

– Ты сам-то веришь в то, что сказал? Ты ни в чем не виноват. Разве твое присутствие могло что-то изменить?

– А ты считаешь, в этом можно сомневаться?

Клер улыбнулась, несмотря на усиливавшуюся головную боль.

– Узнаю прежнего самоуверенного Хотвайера.

– Прежнего и самоуверенного?

– Нуда. Только не говори, что тебя не тешит тот факт, что женщины от тебя без ума.

– Я предпочитаю рассматривать этот факт как просто хорошо обоснованный.

– Если петух важничает, то у него есть на, то причина Ты это хочешь сказать? – Клер засмеялась и тут же застонала от боли. – Я все равно не понимаю, почему ты не поселился в доме. Неужели ты думал, что я буду возражать?

Хотвайер покачал головой. Выражение его лица стало таким, каким было у мужчин, еще не испорченных цивилизацией. В нем даже появилось что-то хищное.

– Я поселился в отеле потому, что знал: если я останусь у тебя, то буду спать в твоей постели не потому, что выгоню оттуда тебя.

Клер не нашлась что сказать и лишь облизнула вдруг пересохшие губы.

– Плохо дело.

Он лишь пристально посмотрел на нее, предоставив ей сделать собственные выводы. Конечно, это было бы неправильно, несмотря на всю сладость того поцелуя, украденного на свадьбе. Если бы все кончилось лишь ни к чему не обязывающим сексом. Секс не сблизил бы их, а, наоборот, разрушил бы то, чем она действительно дорожила, – их дружбу.

Так всегда бывает.

Она не знала, что он планирует делать теперь, когда за то, чтобы пожить вместе, проголосовали оба.

Хотвайер видел, как Клер борется с зевотой. Она не захотела лечь в постель после ленча, а осталась на диване

посмотреть телевизор. Вообще-то она порывалась заняться подготовкой к экзаменам, но Хотвайеру удалось уговорить ее отдохнуть. Уговорить ее не составило труда, особенно после того, как Хотвайер сообщил Клер, что созвонился с деканатом университета и попросил перенести для нее сдачу экзамена на неделю.

Сдача экзаменов в середине учебного года имеет ряд преимуществ, и одно из них – сроки не сильно поджимают, и без труда можно успеть сдать все до выпускной церемонии. И это хорошо, потому что, если бы сроки действительно поджимали, никакие увещевания и никакая логика не помогли бы ему в случае с Клер.

В отличие от Джозетты, которая с готовностью пошла на то, чтобы продлить срок получения высшего образования, Клер во что бы то ни стало намеревалась закончить университет сейчас. Возможно, материальная сторона вопроса сыграла существенную роль, но Хотвайер подозревал, что дело не только в этом. Он очень хотел бы узнать в чем. И сейчас, когда он вынужден был жить в опасном соседстве с Клер, ему предоставлялся шанс удовлетворить свое любопытство.

Хотвайер встал и потянулся. Он работал над проектом системы безопасности для крупной компании, производящей компьютеры, параллельно наблюдая за той борьбой, что вела Клер с усталостью. Клер проигрывала.

Хотвайер подошел к ней.

– Я думаю, тебе пора лечь в постель.

– Но еще день на дворе.

Хотвайер наклонился и поднял ее, отметив с некоторой тревогой, что она даже не стала возражать.

– Если ты хочешь накопить силы для нормальной подготовки к экзаменам, то надо отдыхать, – сказал он и понес ее в спальню.

Клер поморщилась от боли, когда Хотвайер опустил ее на кровать.

– Я принесу твои лекарства. Ты ничего не принимала с самого утра.

– Нет, спасибо. Мне ничего не нужно, – сказала Клер, но по глазам ее он увидел, что она сильно страдает от боли.

– Ни к чему изображать из себя героиню. Тебе прописали обезболивающие, и ты должна их принимать.

– Я никого из себя не изображаю. – Клер скривила губы.
– Никаких лекарств.

– Почему?

– Не люблю лекарства. Никакие.

– Это же не наркотики, моя сладкая Никто не заставляет тебя ширяться героином.

– Я сказала – нет.

– Но ты в них нуждаешься.

– Нет.

Хотвайер заскрежетал зубами от раздражения.

– Ты просто чертовски упряма.

– Может, ты сделаешь мне массаж пяток, как вчера вече-

ром? – спросила она, словно предлагала компромисс. – Мне это помогло.

Хотвайер покачал головой. Он не знал, делает ли он это назло ей или собственным побуждениям.

– Я знаю, что ты фанатка здорового питания и все такое, но, поверь, несколько таблеток обезболивающего не принесут тебе вреда.

– Нет.

– Ты другие слова знаешь?

– Прости, я не хочу казаться тебе упрямой занудой, но я действительно не хочу принимать таблетки. Я и так их много проглотила. Не хочешь массировать мне ступни – не надо. Со мной все будет в порядке. Правда.

– Ты не умеешь лгать, Клер. – Хотвайер наклонился и осторожно убрал прядь с ее виска. – Я сделаю тебе точечный массаж, но обещай мне: если это не поможет, ты выпьешь лекарство.

Она ничего не сказала. Молчание – знак согласия, решил Хотвайер.

Придется ему хорошенько потрудиться. Он откинул одеяло и взял ее ступню в ладони. Он работал очень тщательно, стараясь вспомнить все то, чему его учили. Она закрыла глаза и расслабила лицевые мышцы. Хотвайер понял, что эффект есть.

Он продолжил массаж, разминая ее икры, комбинируя технику растирания и акупунктуры, чтобы облегчить боль и

расслабить мышцы. Добравшись до ее колен, Хотвайер, решив, что не доверяет себе и выше подниматься боится, дабы не потерять самоконтроль, переключился на массаж кистей. Кожа у Клер была нежная и мягкая, и он, облегчая ей боль, и себе доставлял удовольствие.

Но, несмотря на благородные побуждения, заставлявшие его прикасаться к Клер, тело его отреагировало инстинктивно. И когда пальцы его стали разминать верхнюю часть ее предплечий и поднялись к плечам, одеяло соскользнуло, и он увидел, что соски ее стали твердыми, как камешки. Вернее, как его член.

Он не сдержался и застонал.

Ресницы ее взмыли вверх.

– С тобой все в порядке? Если ты устал, то больше не надо.

Она на самом деле так наивна или притворяется? Может, из-за головной боли она перестала соображать?

– Я не устал.

– Хорошо...

Глаза у нее снова закрылись, и Хотвайер продолжил массаж, вновь и вновь скользя взглядом по этим маленьким твердым соскам.

Ему захотелось увидеть их не под рубашкой. Интересно, какие они у нее: розовые или коричневые? Но какого бы цвета в обычном состоянии они у нее ни были, в том, что они сейчас красные от возбуждения, сомнений не было.

Хотвайер добрался до шеи, несильно нажал на активные

точки на затылке и парные точки на макушке и между глазами. Не в силах остановиться, он прикасался к ее вискам, к ее горлу, провел по ключицам и наконец замер, положив ладони на грудь.

Клер застонала, тихо и очень сексуально. И снова открыла глаза. На сей раз только слепой не заметил бы по ее взгляду, как она возбуждена.

– Хотвайер?

– Есть еще одно натуральное болеутоляющее средство, даже еще более действенное, чем точечный массаж.

Клер облизнула губы.

– Какое?

– Удовольствие. Долгий, продленный оргазм вызывает приток в кровь гормонов, которые снимают боль.

– Я...

Он провел пальцами по напряженным соскам.

– Если ты не позволяешь мне дать тебе лекарство, моя сладкая, то позволь мне подарить тебе наслаждение.

– Что-то в твоих доводах не так, но я не могу понять, что именно, – сказала она, задыхаясь.

– Не напрягай голову, а то еще сильнее заболит. На губах ее появилась улыбка.

– Боже упаси.

– Ты позволишь мне подарить тебе наслаждение, Клер?

– Попробуй.

– Это вызов?

– Нет, просто я не слишком отзывчива.

– Твое тело говорит об обратном. Клер сдвинула брови.

– Да, это действительно странно. Может, это как-то связано с сотрясением?

Хотвайер покачал головой. Что за чепуху она городит?

– Итак, я получил разрешение на более интимные прикосновения?

– Да.

Она резко задержала дыхание, когда Хотвайер зажал между пальцами ее соски и так же быстро отпустил их.

– Ладно, но здесь есть несколько правил.

– Правил?

– Номер один. Ты остаешься расслабленной. Все время.

– Это невозможно. Сейчас я уж точно не смогу расслабиться.

– Я просто хочу расставить все точки над *i*, пока не начался процесс. Можно? Могу я снять покрывало? – спросил он, взявшись за край одеяла.

– Если ты уверен, что тебе этого хочется. – Клер говорила так, словно и в самом деле не понимает, зачем ему все это.

– Ты знаешь, я не могу...

– Я знаю. – Что она себе вообразила? Неужели она принимает его за эгоистичного подростка, который потребует от нее заняться с ним сексом в обмен на то, что он поможет ей почувствовать себя лучше? – Я не жду этого от тебя, и я не позволил бы тебе это сделать, даже если бы ты мне са-

ма предложила. Я достаточно взрослый и сообразительный, чтобы это понимать. Так как? Идет?

– Идет.

Он медленно стал стягивать одеяло, словно дразнил себя, открывая взгляду ее женственные изгибы, очень и очень постепенно. Когда одеяло лежало у нее в ногах и все ее тело было открыто его возбужденному взгляду, Хотвайер опустил руки. Он просто смотрел на нее – и все. У нее была прекрасная женственная фигура. Полная грудь, тонкая талия и неширокие бедра, не настолько, правда, узкие, чтобы ее можно было принять за мальчика. Он знал, что ягодички у нее имеют форму сердечка, но он готов был многое отдать, чтобы исследовать этот вопрос более детально.

Но он не станет этого делать. Ему и так приходилось нелегко. Он не знал, как ему удастся не позволять себе к ней прикасаться после того, как он подарит ей разрядку, но деваться некуда – как-нибудь справится.

Ему приходилось принимать и не такие вызовы... когда-то в прошлом, даже если он и не помнил, что такое с ним случилось.

– Что-то не так? – спросила Клер.

– Нет, просто ты такая красивая, что мне трудно дышать.

– Тебе нравится мое тело? Она это серьезно?

– А что тут может не нравиться? Ты просто воплощенная греза озабоченного подростка.

Клер брезгливо поморщилась.

– Я не хочу играть ведущую роль в чьих-то сексуальных фантазиях.

– Даже в моих?

У нее расширились глаза, и в них появился интерес.

– У тебя были фантазии с моим участием?

Вместо ответа он снова начал массировать ей ступни. Если они начнут беседовать о его фантазиях, то у него появится желание их осуществить наяву, а он и так был возбужден до болезненного состояния.

Клер замурлыкала, как кошечка, когда он принялся растирать подъем стопы. У Хотвайера кружилась голова от удовольствия. Он боялся попасть в зависимость от этих звуков.

Он поднимался вверх по икрам. На этот раз он не собирался останавливаться, дойдя до колен. Массажисты как-то умудряются постоянно этим заниматься, не твердея, как камень, но... Хотвайер не был профессиональным массажистом. И он был так тверд, что мог бы, наверное, пенисом просверлить скальную породу.

Ну что же, он ничего не имел против.

Сексуальный дискомфорт сполна искупался тем результатом, что имел его массаж. Клер расслабилась и снова закрыла глаза. Grimаса боли исчезла, и теперь лицо ее сияло от блаженства. И Хотвайер страшно гордился собой и не видел в отличие от Клер в этом ничего достойного порицания.

Он делал это для нее, и ему это страшно нравилось.

Он старательно избегал прикасаться к откровенно эроген-

ным зонам, добиваясь того, чтобы тело ее стало совершенно расслабленным и послушным. Так что, когда он снова принялся ласкать ее грудь через рубашку, Клер даже не застонала. Он массировал ее грудь с той же осторожностью, как и все остальное тело.

Когда Хотвайер концентрическими кругами начал приближаться к ее соскам, он добился того, что они отвердели, в то время как все остальное тело ее оставалось расслабленным и податливым. Но как только он принялся играть с ними всерьез, Клер застонала и прогнулась дугой.

Хотвайер осторожно надавил на верхнюю часть груди.

– Расслабься, детка. Представь, что ты вся без костей, что ты течешь, как жидкость.

– Ладно, – со вздохом сказала Клер, снова опускаясь на кровать.

Он играл с ней, то и дело соскальзывая ладонью вниз, по ее животу, и вскоре запах ее возбуждения уже бил в ноздри. Каждый раз, когда она начинала напрягаться, Хотвайер прекращал массировать ее и находил менее эрогенную зону, добиваясь того, чтобы Клер снова расслабилась. Его самого уже трясло от возбуждения, когда он позволил себе просунуть руку за резинку ее трусиков.

Он едва не кончил, прикоснувшись к влажным шелковистым завиткам у нее на лобке. Клер вскрикнула, когда палец его протиснулся между влажными набухшими губами. Хотвайер замер и попросил ее расслабиться.

– Я не могу. Это слишком.

– Ты можешь. Поверь мне, Клер. То, что ты получишь, стоит того.

– Я попытаюсь, – задыхаясь, ответила она.

– Дыши медленнее, моя сладкая.

Она набрала воздух и медленно выдохнула. Хотвайер снова начал ее трогать. Она была такой славной на ощупь: такой шелковистой, влажной и горячей.

Он проник в нее чуть глубже, совсем чуть-чуть.

– У тебя там так туго.

Она пробормотала что-то, чего он не разобрал, и Хотвайер улыбнулся, несмотря на боль от слишком долго сдерживаемого возбуждения.

Он сделал круговое движение по влажной плоти снизу вверх, прикоснувшись к клитору. Маленькая почка набухла и отвердела.

Он прикасался к нему, повторяя Клер, какая она красивая, как ему приятно ее ласкать, но останавливался всякий раз, когда чувствовал ее напряжение. Он снова и снова подводил ее к краю, пока дыхание Клер не стало совсем сбивчивым. Он не хотел доводить ее до разрядки, пока она не будет к этому совершенно готова, пока не наступит такой миг, когда он подует на нее, и она выплеснется через край.

Когда такой момент был достигнут и Клер дошла до высшей точки наслаждения, оргазм ее длился столько, сколько большинство мужчин тратят на предварительные ласки. И

ничего красивее Хотвайер в своей жизни не видел. Клер выгибалась дугой, тихо вскрикивала и наконец застонала от изнеможения.

Когда она опустилась на кровать в полном забытьи, он вытащил руку из ее трусиков и накрыл лоно Клер рукой поверх белья, ожидая, пока дыхание ее не выровняется. Она уснула, так до конца и не придя в себя.

Хотвайер укрыл ее одеялом, а сам отправился в душ. Надо снять напряжение. Эрекция вот уже битый час терзала его, грозя сломать молнию на джинсах.

Клер проснулась от равномерного ухающего звука. Нет, это был не тот неприятный звук, который слышишь, когда сосед сверху или сбоку бьет молотком. Скорее, он напоминал магнитофонную запись стука человеческого сердца – такие дают послушать младенцам, чтобы они быстрее уснули. Она прочла об этом в Интернете и прослушала запись, сопровождавшую эту статью. Теперь она понимала, почему эти звуки так успокаивающе действовали на младенцев. Этот звук был приятным и дарил ощущение комфорта и благополучия. Дарил ощущение безопасности.

Клер слышала, как бьется сердце Хотвайера. Она снова лежала на нем, как тогда. Почему она снова на нем? Она что, перекатилась во сне и оказалась сверху? Клер не помнила, чтобы он обнимал ее или прижимал к себе, но она ведь и представить не могла, чтобы он мог ласкать ее так, как ласкал до того, как она уснула. И при этом он даже не ждал воз-

награждения за свои труды. Обычно мужчины не настолько благородны.

Но он был исключением.

Хотвайер спросил ее, позволит ли она ему подарить ей наслаждение, чтобы унять ее боль? Она согласилась, но при этом совершенно не была готова к тому, что он имел в виду под наслаждением. Она никогда ничего подобного не испытывала, что, впрочем, неудивительно. Клер готова была биться об заклад, что такое испытывали очень немногие женщины, да и не читала она никогда о таком. А читала Клер много.

И, надо сказать, его метод сработал. Боль стала значительно меньше.

Но все это никак не объясняло тот факт, что она снова оказалась на Хотвайере. Насколько Клер себя помнила, она всегда спала чутко. Поэтому не могла понять, как перекатилась на Хотвайера и даже не проснулась.

Она не просто спала очень крепко. Она проспала без просыпу часов десять, не меньше!

Клер не верила своим глазам. Часы показывали пять утра. И, если не считать почти незаметной боли в затылке, чувствовала она себя просто великолепно. Готовой ко всему на свете. Если секс делает такое с человеком, то целомудрие – это всего лишь пустое слово. В этом случае целомудрие – не ее выбор. А что, если и настоящий секс с Хотвайером был бы так же хорош?

Мысль интересная, но углубляться в нее Клер в настоящий момент не хотела.

Хотвайер оставался противником любых к чему-либо обязывающих отношений. У него была фобия.

Довериться в интимном плане тому, кто не способен на прочные отношения, – просто глупость.

– Ты проснулась, Клер?

– Да.

– Я так и подумал.

– Откуда ты узнал? – Она даже не шелохнулась.

– Ритм дыхания изменился, и степень напряженности тоже.

– Вот как...

– Ты снова лежишь на мне.

– Я заметила.

– Это начинает входить в привычку.

– Прости.

– За что? Я разве сказал, что мне это не нравится?

– Наверное, это неудобно – спать с женщиной, которая лежит на тебе мертвым грузом.

– Не сказал бы, что чувствую себя сейчас вполне комфортно...

Клер попыталась отодвинуться, но он крепко держал ее в объятиях.

– Хотвайер...

– Неудобно не значит неприятно. На самом деле времена-

ми чувство дискомфорта я нахожу особенно приятным.

Клер сделала еще одну попытку шевельнуться и почувствовала бедром незнакомую твердость. Она замерла, шокированная тем, как сильно бился в нем пульс, и его размерами. Эти размеры были ей вполне очевидны, так как между ее бедром и его эрекцией ничего не стояло.

– Ты голый, – в ужасе прошептала она.

Глава 6

– Я всегда сплю голым.

– Раньше на тебе были шорты.

– Я отдавал дань твоей скромности.

Клер приподнялась, упираясь ладонями Хотвайеру в грудь, и попыталась заглянуть ему в глаза. Однако в сумраке она едва могла разглядеть силуэт, хотя ощущениям недостаток освещенности несколько не мешал.

Она старательно избегала любых движений, которые могли бы потревожить его эрекцию.

– Ты больше не считаешь меня скромной, потому что я позволила тебе вчера меня трогать?

Вполне логичный вывод, но ей он не нравился.

– Моя нагота тебя оскорбляет? – ответил Хотвайер вопросом на вопрос.

Оскорбляла ли ее нагота Хотвайера? Она ее возбуждала! Интриговала. И даже немного пугала, потому что заставляла ее испытывать то, что Клер не хотела испытывать. Но не оскорбляла – это точно.

– Нет.

Она почувствовала, что Хотвайер улыбнулся, хотя и не могла разглядеть его улыбки.

– То, что ты позволила мне прикасаться к тебе, не имеет никакого отношения к вопросам скромности, но зато имеет

прямое отношение к вопросу о доверии. Я польщен тем, что ты доверила мне свое тело.

Если вернуться к ее недавним размышлениям, то этот вывод не нравился ей в той же мере, что и первый – о скромности. Она доверяла Хотвайеру. Но до определенной степени. Как он отметил, она действительно доверила ему помочь ей избавиться от боли и верила, что он не станет подталкивать ее к тому, чтобы она дала ему то, чего не могла дать. И еще она верила, что он не причинит ей зла. И не позволит сделать это другим.

– Ты настоящий герой – душой и телом, – задумчиво протянула она, словно поворачивая эту мысль под разными углами. – Только безмозглая дура не увидит, что тебе можно доверять на определенном уровне.

Клер почувствовала, как Хотвайер сжался в комок.

– Я не герой, Клер. Я солдат удачи. Я человек, который должен выполнить свою миссию. И она для него – главное.

– Ты бывший солдат удачи, как ты сам любишь отмечать. И не говори мне, что тебе нет дела до людей, которым ты помогаешь. Я верю, что с тобой я в безопасности. – Почему она испытывала потребность говорить ему это? Она не привыкла настолько доверять людям и не была уверена в том, что поступает вполне разумно, вот так доверившись ему, каким бы он ни был героем.

– Поскольку моя настоящая миссия и состоит в том, чтобы обеспечить тебе безопасность, в этом ты вполне можешь

на меня положиться. Но не романтизируй меня, Клер. Я не благородный рыцарь в белых одеждах.

Клер засмеялась над его словами.

– Уж к кому-кому, но ко мне это применимо в последнюю очередь. Поверь мне. Но я не понимаю, почему ты так упрямо стоишь на своем. Я думаю, с учетом того, чем ты занимаешься, тебе было бы приятно, если бы люди воспринимали тебя как благородного рыцаря. Рыцаря в белых одеждах.

– Это старая история, и сейчас я не хотел бы в нее вдаваться. А может, и никогда.

– Ладно.

– Вот так? – с тревожным вздохом спросил он. – Никаких допросов?

– Ты же сказал, что не хочешь об этом говорить. Я уважаю твое желание. И в моем прошлом есть многое, о чем бы я предпочла забыть. Есть вещи, которые нельзя изменить, но они делают нас теми, кто мы есть. Я благодарна тебе за то, что ты считаешь своим долгом меня защищать. Пусть все будет как есть.

– Спасибо.

– За что?

– За то, что не шевелишься, – сухо поправил ее Хотвайер.
– Я не хочу получить коленом в пах еще раз.

Клер изящно подхватила тему – она была понятливой:

– Прости. Я, надеюсь, не причинила тебе непоправимого вреда?

– Я выжил.

– Сомневаюсь.

– Умоляю тебя, я не настолько хрупок.

– Мужские гениталии – самое ранимое место.

– Ты прочла об этом в Интернете?

– Джозетта мне об этом сказала. Вернее, не мне одной, нам всем – во время урока самообороны, что нам преподавали по программе защиты свидетелей.

– Чему еще она тебя учила? – спросил Хотвайер с явным интересом в голосе.

– Некоторым приемам. Например, как использовать размер противника против него самого. И всякое такое.

– Она сама в этом сильна. Я видел, как она отдубасила мужчину вдвое крупнее себя.

Неподдельное восхищение, адресованное подруге, возбудило в Клер неприятное чувство. Клер сделала все, чтобы не дать этому неприятному чувству развиваться. У нее не было ни поводов, ни прав на ревность.

– У Джозетты многое хорошо получается, – сказала Клер с почти искренней улыбкой.

– Да. Нитро – удачливый засранец. Клер рассмеялась.

– Ты всем свои друзьям даешь такие милые прозвища?

– Еще бы. Знала бы ты, какое прозвище я придумал для тебя.

– И какое же? – заинтересованно спросила Клер.

– Терабайт. Столько информации ты закачиваешь в мозги

из всего, что читаешь в Интернете и в прочих местах.

– Что, и Джозетта меня так зовет?

– Конечно. Все думают, что оно тебе подходит.

– Надо же, – сказала Клер, не зная, гордиться ей или досадовать. Не так плохо, когда тебя считают ходячим компьютером, верно? Это ведь лучше, чем быть непроходимой тупицей, наивной или развратной. – А она знает, что ты называешь Нитро удачливым засранцем? – шутливо спросила Клер.

– Нет, потому что я обычно так его не называю. Ты собираешься ей рассказать?

– Нет, но если мне когда-нибудь суждено встретиться с твоей мамой, берегись, – поддразнила его Клер. – Уверена, что слово «засранец», по ее мнению, не должно произноситься в женском обществе.

Хотвайер театрально застонал, и Клер улыбнулась.

– Как странно. Мы с тобой мило болтаем в темноте. А между тем я ведь все еще лежу на тебе. – Клер захихикала, а ведь она никогда не хихикала. Она сама себе удивилась. – Может, мне все же лучше передвинуться?

– Несомненно. Мы тут с тобой определенно играем с огнем. – И тот жар, что исходил от его кожи, свидетельствовал о том, что Хотвайер не шутит.

– Итак, я должна передвинуться.

– Но мне так нравится, а тебе разве нет? – Он провел ладонями по ее спине, и у Клер перехватило дыхание. Ладони его лежали у нее на бедрах, как раз там, где заканчивались

трусики, и от них исходило весьма волнующее тепло.

– Да, мне тоже так нравится.

– Кроме того, я никогда до сих пор не уклонялся от драки, когда судьба бросала мне вызов.

Да, у нее тоже сложилось о нем такое впечатление.

– Это я вижу.

– Видишь?

– Ну, на самом деле не очень ясно. Тут довольно темно, знаешь ли.

– Вероятно, оно к лучшему. Если бы я мог тебя видеть, то не в силах был бы контролировать основной инстинкт.

Если честно, то Клер этого не слишком хотела. В смысле, чтобы он держал свои побуждения под контролем. Что ей действительно хотелось, так это чтобы Хотвайер положил свои ладони ей на ягодицы. И это глупо. Действительно глупо. Одно дело – позволить парню доставить тебе удовольствие, совсем другое – предложить ему себя со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Хотела бы она, чтобы секс и в самом деле был тем бездумным занятием, каким считали его основоположники сексуальной революции, жившие несколько десятилетий назад. Но секс был чем-то совсем иным, не тем, что они проповедовали. Во всяком случае, для нее. Даже когда секс оборачивался полным разочарованием, а именно такой был итог всего ее предыдущего сексуального опыта, – Клер все равно испытывала эмоциональную связь с теми, с кем состояла в

близких отношениях. И сейчас Клер была бы куда счастливее, если бы этой эмоциональной вовлеченности не было.

– Как тебя зовут? – спросила она, чтобы отвлечься от тех ощущений, что рождало тепло его ладоней.

– Что?

– Я хочу знать твое имя.

– Насколько я помню, Хотвайер. Клер уставилась на него в темноте.

– Я имею в виду твое настоящее имя, дубина.

– Дубина?

– Ага. Еще одно дружеское прозвище.

Он долго молчал, и Клер решила, что ответа не дождется. Когда она уже потеряла надежду, Хотвайер со вздохом произнес:

– Дома меня звали Бретт.

– Мне нравится.

– Почему?

– Потому что это имя тебе подходит.

– Я о другом: почему ты захотела об этом узнать?

– Мы друзья.

– Джози тоже мне друг, но она зовет меня Хотвайер.

– Не хочешь ли ты сказать, что она не знает твоего настоящего имени?

– Нет.

– Тебя беспокоит, что я знаю?

– Нет.

Отчего-то Клер стало хорошо на душе.

– Я рада. – Она почувствовала, что Хотвайер потерял о ее бедро, что означало – как ни меняй тему, опасности их позы это не умаляет. – Я думаю, мне лучше перебраться на диван.

– Мы уже это обсуждали.

Клер помнила. Когда Хотвайер пришел помочь Джозетте и Нитро выполнить их последнюю миссию, Клер предложила Бретту занять ее кровать, но он наотрез отказался. И все же, с учетом ее размера, Клер была куда больше приспособлена к тому, чтобы спать на диване, чем Бретт. Но тогда он постелил на твердый пол матрас и спал на нем.

Диван в номере был даже меньше того, что находился в доме Джозетты.

– У тебя будут ноги свисать. Только до половины поместятся. Ты ведь не низенький.

– Я спал в местах похуже. – Он и тогда так же ответил.

– Но дело в том, что я-то на диване помещаюсь.

– Нет, дело в том, что это у тебя сотрясение, и будь я неладен, если позволю тебе уйти с этой кровати.

– Ты мне не начальник. И нечего надо мной командовать.

– Я вполне мог бы тобой покомандовать, потому что ты не в том состоянии, чтобы мне противостоять.

– Я могу просто передвинуться на другую сторону.

– Не работает. Кончится все тем, что мы опять окажемся в той же позе, и тогда я даже не знаю, смогу ли с собой справиться.

– И это тебя огорчает, верно?

– Я не мазохист.

Клер тоже не получала извращенного удовольствия от страданий. Если Норен и научила чему-то свою дочь, так это тому, что на мужчин нельзя полагаться. Ни на кого, каким бы надежным он ей ни казался. Но как-то так получилось, что она, Клер, оказалась в одной постели с мужчиной, на которого вполне полагалась. Которому доверила собственную безопасность. Разумеется, отец тоже приложил немало усилий к тому, чтобы Клер усвоила урок. Так почему же с Бреттом она чувствовала себя такой защищенной? Такой безмятежной?

Должно быть, мозги еще не оправились от сотрясения. Поскольку физическая безопасность еще не означает полную безопасность, а он обещал лишь охранять ее жизнь.

– Клер?

– Что?

– Я думаю, тебе надо подвинуться, чтобы я мог отсюда выбраться. – Напряженный голос Бретта говорил сам за себя, и Клер догадывалась, что дело не в том, что она придавила его своей тяжестью.

– Прости. Ты прав, Бретт. Он вздохнул:

– Я бы предпочел называться Хотвайером.

– А мне больше нравится Бретт.

– Только в семье меня зовут Бреттом.

– Ты не хочешь, чтобы я звала тебя по имени? Хотвайер

вздыхнул. Он знал, что вот-вот сдастся. Увы, он ничего не мог с собой поделать. Но, черт возьми, она обиделась, а он физически страдал, когда женщины обижались. А Клер он просто не мог обидеть.

– Ладно, валяй. Я просто привык к тому, что меня зовут Хотвайером. Это все.

– Спасибо.

– Да не за что.

– Есть за что.

– Отлично. Всегда пожалуйста. – Но она была права. Ей было за что его благодарить.

Только одна женщина за пределами его семьи звала его Бреттом с тех пор, как в восемнадцать лет он ушел служить в армию. И эта женщина была Елена. Он сам попросил ее звать его так. Он хотел слышать, как это имя срывается с ее губ, когда она кончает под ним.

У него еще даже не было настоящего секса с Клер, а он уже чувствовал, что она ему ближе, чем он того хочет. Да к черту все, не стоит об этом!

Не в силах больше ждать ни секунды, пока она с него скатится, Хотвайер приподнял Клер и осторожно передвинул, чтобы ей не было больно.

Он встал с кровати и направился в гостиную. Вряд ли ему снова удастся уснуть. Так что где теперь лежать, значения не имеет.

– Бретт.

Он остановился у двери.

– Что?

– Я хочу встать и принять душ. Я чувствую себя намного лучше.

– Как твоя голова?

– Почти совсем не болит.

– Хорошо.

– Только не думай, что я прошу у тебя разрешения. Я бы все равно это сделала. Просто не хочу, чтобы у тебя создалось впечатление, что ты можешь мной командовать, даже если ты больше и сильнее.

– Я даже не сомневаюсь. Ты женщина решительная, Клер Шарп.

Она вошла в гостиную полчаса спустя. Волосы у нее были еще влажными и темно-рыжими кольцами обрамляли лицо. Она оделась, но лишняя одежда не умалила ее женственной красоты. И в этом явно была его, Хотвайера, вина. Когда он собирал ее вещи, он не мог заставить себя уложить в сумку безразмерные футболки, что она так часто носила. В выдвижном ящике комода он отыскал несколько маек, прихватил двое джинсов и немного белья.

Клер надела бледно-желтый топ на бретельках, который соблазнительно обтягивал ее пышную грудь. Хотвайер даже видел темные ободки сосков. Орган его немедленно ожил при этом зрелище и за пару секунд пришел в полную боевую готовность. Он провел столько времени с Клер, что почти к

этому привык. Почти...

– Ты выглядишь так, что я готов тебя съесть, – протянул Хотвайер первое, что пришло ему в голову.

И, видит Бог, так оно и было.

– Спасибо. Обычно я ношу этот топ под другой футболкой, но ты ее не принес. Я... заметила, что бюстгалтеров тоже нет.

– Я собирался быстро. – Отговорка была так себе, но правда состояла в том, что он оставил ее бюстгалтеры там, в доме Джози, действительно не нарочно. – Прости, что забыл.

Клер улыбнулась и слегка пожалала плечами.

– Да ладно. Я ничего не имею против того, чтобы одеваться вот так, когда я рядом с тобой... Я хочу сказать, что пока я сижу в номере отеля и никуда не выхожу, это не имеет значения.

Хотвайер был готов взорваться от желания, таким оно было острым и жарким – и все подогрела ее оговорка. И пусть Клер не имела в виду ничего такого, в том состоянии, в котором он сейчас находился, иначе как приглашение к действию воспринять ее слова он не мог. И только путем героических волевых усилий он удержался в кресле.

– Но я была бы тебе очень благодарна, если бы ты смог отвезти меня домой за остальными вещами.

Все его умственные усилия были по-прежнему направлены на подавление основных инстинктов, так что он осмыслил то, что сказала Клер, не раньше чем через пару секунд.

– Чтобы забрать бюстгальтер?

– Именно. Существуют причины, по которым женщины с моим размером груди носят бюстгальтеры; уверяю тебя, это делается не для того, чтобы грудь задорно торчала.

– Неужели неудобно ходить без него?

– Да. И еще я хочу взять кое-какие книги. Тот учебник, по которому мне надо готовиться к первому экзамену. Он лежит на обеденном столе.

– Нет проблем. Давай позавтракаем, и можно ехать.

– Завтрак в номер?

– Еще рано. Они не работают. Я думаю, мы могли бы захватить в блинную по дороге.

Клер опустила глаза и неодобрительно поджала губы. Она явно не принадлежала к той категории женщин, что любят разгуливать полуголыми, как и к тем, кому нравится, когда груди подскакивают при ходьбе.

Жаль, конечно.

– Ты можешь надеть одну из моих рубашек. Тебе она будет велика, но по крайней мере прикроешься.

Глаза Клер радостно заблестели.

– Отлично. Спасибо.

Даже с учетом того, что они заглянули в блинную по дороге, к дому Джозетты они подъехали ранним утром. Клер открыла дверь ключом.

– Ты же оставил сигнализацию в рабочем состоянии, когда заезжал забирать мою одежду?

Хотвайер распахнул дверь и пропустил вперед Клер.

– У меня не было выбора. Полиции пришлось отрезать провод, потому что никто не знал код дезактивации, а тебя спрашивать было бесполезно. Я не хотел оставлять тебя одну надолго, поэтому возиться с сигнализацией не стал.

Клер слышала, что он говорит, но не способна была отреагировать на его слова. Она не могла понять, что происходит. И гостиная, и столовая были в ужасном беспорядке. Все ящики выдвинуты, все перевернуто вверх дном, и даже подушки с дивана были сброшены на пол.

– Это полиция так тут похозяйничала? Хотвайер выругался.

– Нет. Кто-то шарился в доме уже после того, как я заезжал сюда за одеждой.

Клер бросилась в спальню. Сердце ее готово было выпрыгнуть из груди. Что, если ее медальон снова пропал?

– Клер, куда ты помчалась?

Клер, не обращая внимания на Бретта, распахнула дверь в спальню. Там царил еще больший беспорядок, чем в гостиной и столовой. Постельное белье было разбросано по всей комнате, одежда выброшена из комода на пол. Даже матрас с кровати и тот скинули, и он валялся на полу перевернутым с торчавшими наружу пружинами, а покосившийся каркас кровати сиротливо лежал в углу.

Клер окинула весь этот ужас быстрым взглядом и решительно направилась к комоду. В нем, в нижнем ящике, хра-

нился медальон.

Она порылась внутри, но вскоре поняла, что цепочка и медальон исчезли.

– Нет, только не это, – простонала Клер. Бретт опустил ей руки на плечи.

– Не пропало твое сокровище. Я положил его во внутренний кармашек чемодана, когда собирал твои вещи. Странно, что ты не заметила.

Клер стремительно обернулась к Бретту:

– Откуда ты знал?

– Я не знал, что твой дом снова будет взломан. Клер замахала рукой.

– Я не это имела в виду. Как ты догадался взять мой медальон?

– Клер, для меня не тайна, что ты им дорожишь. Я просто подумал, что ты захочешь иметь его при себе, пока живешь в отеле.

– Потому что ты все равно не собирался меня сюда возвращать?

– Ну, если честно – нет. Во всяком случае, не сразу. Но сейчас это уже не важно.

– Не важно?

– Да. Представь, что ты возвращаешься сюда с работы и... Что, если взломщик был бы все еще в доме?

Клер никогда даже не рассматривала такую возможность.

– Сейчас день. Такое обычно случается ночью. Прости.

– Не волнуйся насчет этого. Я обыщу все вокруг дома. А теперь я хочу, чтобы ты заперлась здесь и ничего не трогала, пока я не разрешу тебе открыть дверь.

– Можно мне с тобой?

Бретт просто пристально на нее посмотрел, и, какой бы упрямой она ни была, сейчас было понятно – он ее переупрямит.

– Ну пожалуйста! Я буду паинькой. Бретт криво усмехнулся в ответ:

– Паинькой – не надо. А то скучно будет.

Сердце Клер билось так сильно, что стук его перебивал даже то послание, что она прочла в ярко-синих глазах Бретта. Она закрыла за ним дверь. Этот парень был просто богом флирта. Он велел ей ничего не трогать, и потому Клер просто стояла посреди комнаты, обхватив себя руками, и... куда уж тут до флирта, она была так потрясена и напугана, что ее всю трясло.

Бретт вернулся через несколько минут. Клер открыла ему дверь трясущимися руками. Она чувствовала страшную слабость.

– Что-нибудь обнаружил?

– Кто бы это ни был, он попал в дом тем же путем, что тот взломщик, который пытался задушить тебя подушкой. Однако он уже ушел.

– То есть?

– Отпечатки ног возле гаражной двери принадлежат муж-

чине.

– Понятно. Значит, и тот, кто на меня нападал, не был женщиной? – Клер и так была уверена, что на нее напал мужчина.

– Да, и отпечатки подошв такие же, как и те, что были обнаружены после первого взлома.

– Ну, это уже хорошо.

Бретт озадаченно посмотрел на Клер.

– Лучше иметь одного врага, чем двух, верно? – Клер растерянно огляделась. – Зачем он это сделал?

– Он что-то искал. Но работал явно не профессионал. И снова они вернулись на круги своя.

– С чего ты взял? – спросила Клер, почувствовав, как ни странно, искреннее любопытство.

– Он слишком много лишних усилий потратил на то, чтобы отыскать интересующий его предмет. Поиск велся хаотично, не по плану. После себя он оставил разгром. Профессионал не оставляет следов, за исключением тех случаев, когда у него не остается выбора, или когда он хочет оставить невербальное послание, или когда он точно знает, что не будет пойман.

– Возможно, он торопился. Бретт покачал головой.

– Кто бы это ни был, он не понимает, насколько легче поймать преступника, который плохо организует свою работу, чем преступника аккуратного и методичного. Он по всему дому оставил намеки на то, за чем сюда явился.

– Что ты имеешь в виду?

– Например, размер той вещи, которую он искал. Она явно больше компьютерного диска. Ведь взломщик не стал рыться в местах, где могут поместиться предметы такого размера.

– Ты додумался до этого, пока проверял, нет ли его поблизости?

– Ну да. Я же профессионал.

Глава 7

Клер картинно закатила глаза в ответ на его очередную похвальбу тем, что он называл проверенным профессионализмом.

– И еще ты очень скромный.

– Скромность хороша для слюнтяев. Клер покачала головой и улыбнулась.

– Твои наблюдения, к сожалению, ничего не проясняют насчет того, что конкретно искал наш взломщик.

Хотвайер поморщился.

– Если бы ты могла отложить ликование на пару минут, я был бы весьма тебе обязан за ответ на мой вопрос: что он мог у тебя искать?

– Понятия не имею. – Клер в очередной раз обвела взглядом разгромленную спальню. – Мне все это кажется каким-то нереальным. У меня нет ничего такого, что могло бы кому-то так понадобиться.

– Ты уже говорила, что ни у кого нет повода на тебя нападать. Помнишь?

– И это так.

Бретт как-то странно на нее посмотрел.

– Я просил Джози рассказать о тебе, но она почти ничего не знает о твоём прошлом.

– Она никогда меня не спрашивала.

Клер мастерски научилась избегать любых тем, которые могли бы вывести на исповедь о прошлом. О себе она говорить не любила.

– А мне ты расскажешь?

– Что именно ты хочешь узнать?

– Кто из твоего прошлого может охотиться на тебя сейчас?

– Никто. Я тебе говорила.

– Я знаю, что ты мне говорила, и я знаю, что я вижу.

Террористы, которых мы обезвредили, могли бы стремиться причинить зло Джозетте, но обыскивать ее дом им незачем. Особенно сейчас, когда у ФБР есть копии всех ее файлов.

– Но у меня тоже нет ничего, что могло бы кому-то понадобиться.

Хотвайер ничего не сказал, но Клер чувствовала, что дистанция между ними увеличивается, словно разворачивается пропасть, словно он ставит барьер между собой и ею. Вдруг он перестал быть тем мужчиной, что подарил ей самое острое наслаждение в жизни. Он стал чужаком – отстраненным, враждебным. Он смотрел на нее с холодной неприязнью.

– Если у тебя все же что-то есть и они этого не нашли, то не потому, что они плохо старались, – сказал он, затем повернулся и вышел из комнаты.

Клер пошла следом. Во-первых, потому, что хотела оценить, насколько большой урон причинен имуществу, а во-вторых, потому, что хотела как-то навести между ними мо-

сты. Она видела, что Хотвайер ей не верит.

Все эти три дня он неустанно и даже страстно ее поддерживал. Теперь, когда этот поток тепла внезапно иссяк, она поняла, как привыкла к нему, в какую сильную зависимость попала. И это испугало Клер сильнее, чем тот давешний душитель.

Комната Джозетты была в относительном порядке по сравнению с тем, во что превратилась спальня Клер. Но это потому, что Джозетта уже успела перевезти вещи в дом Нитро, Кровать была разрыта, и ящики выдвинуты, но на этом все и заканчивалось.

Клер нашла Хотвайера на кухне. Он явно искал какие-то намеки на намерения преступника. По крайней мере Клер решила, что для этого он с такой тщательностью исследует каждый дюйм помещения.

– Нашел что-нибудь? – спросила она.

Он молча пожал плечами, и тишина подействовала на ее нервы, как скребок железом по стеклу.

Клер не пошла за Хотвайером в гараж, а осталась прибираться в гостиной. Ей совсем не нравилось выражение его лица, и встречаться глазами с этим отчужденным взглядом она тоже не хотела.

Хотвайер вошел, когда Клер начала приводить в порядок музыкальный центр.

– Что ты делаешь? – прокурорским тоном спросил Хотвайер.

– Убираю. – Если ее ответ прозвучал так, словно она разговаривала с умственно отсталым, то ее можно простить.

И так было ясно, что она делает.

– Я велел тебе ничего не трогать. Надо вызвать полицию и заявить о взломе.

Привлекать полицию снова? Клер постаралась подавить в себе неприязненное чувство, рожденное этой перспективой.

– Чтобы они понаехали и устроили еще больший беспорядок, рассыпав по всему дому этот свой порошок для снятия отпечатков пальцев? Нет, спасибо.

– Ты не хочешь, чтобы преступника поймали? – Подозрение явственно слышалось в его тоне. Нет, он даже готов был предъявить ей обвинение в пособничестве преступнику.

Клер бросила на Хотвайера злой взгляд:

– Послушай, ты ведь не страдаешь манией преследования? Конечно, я хочу, чтобы его поймали.

– Тогда почему ты не желаешь вызвать полицию? Клер совсем не хотелось озвучивать свои не имеющие рационального объяснения страхи перед полицией. Она и так слишком сильно открылась перед Хотвайером. Она знала, что поступает неразумно, но от старых привычек тяжело избавиться. Она решила применить тактику упреждающего наступления. Все лучше, чем когда тебя отчитывают, словно провинившуюся школьницу.

– Если ты хотел, чтобы сюда прибыла полиция, почему ты не вызвал копов сразу, как только мы увидели, что в доме

был посторонний?

– Я хотел сначала все осмотреть сам. – Вот она, эта его легендарная самонадеянность.

– Если у тебя все так хорошо получается, зачем нам вообще их вызывать?

– Потому что чем больше людских ресурсов будет задействовано для поиска злоумышленника, тем больше шансов его поймать. Кроме того, полиция имеет доступ к тем данным, к которым я не имею доступа.

– Какие это данные, например?

– Например, данные об отпечатках пальцев.

– Надо быть настоящим идиотом, чтобы вот так перерыть дом, не надев перчаток.

– Что же, возможно, он и в самом деле идиот. – Взгляд, которым Хотвайер посмотрел на Клер, ясно говорил о том, что он подозревает ее в сокрытии чего-то важного, а то, что она с ним спорила, лишь подтверждало его подозрения. Клер открыла рот и тут же его закрыла. Еще немного – и она окончательно убедит его в своей виновности. Она лишь вздохнула. В любом случае правда была на его стороне. Как бы ни противилась она вызову полицейских, разум подсказывал, что это сделать придется. Клер сказала себе, что должна поступать как взрослая, а не как ребенок, каким когда-то была.

– Отлично. Зови копов. Я беру книги и сажусь учиться на заднем дворе.

Стопка книг, что она оставила на столе, так и осталась ле-

жать на месте, но зато все тетради были разбросаны по полу. Клер опустила на корточки, чтобы их подобрать, но Хотвайер не дал ей этого сделать, опустив руку ей на плечо.

– Ты понимаешь, что значит «ничего не трогать»?

Клер двинула плечом, освобождаясь от его ладони. Тепло, исходящее от его руки, казалось невыносимым на фоне столь холодного тона.

– А что я должна делать? Стоять по стойке «смирно» в ожидании полицейских? Взлом не такой уж серьезный повод, чтобы копы заторопились. Они могут приехать и через несколько часов, и даже завтра.

– Значит, мы будем ждать до завтра.

Клер раздраженно вздохнула и зло уставилась на Хотвайера.

– Что изменится от того, что я возьму свои книги и тетради?

И снова во взгляде его она увидела недоверие. Недоверие и подозрительность. Что она могла с этим сделать? Топать ногами?

– Я ничего не прячу, черт возьми! – процедила она сквозь зубы.

– Тогда почему ты не хочешь мне помогать?

– Я не пытаюсь помешать твоему расследованию. Я просто реально смотрю на вещи. Я просто знаю, как легко избежать правосудия. – Клер вздохнула. Она понимала, что спорить бессмысленно. Хуже того, она просто поддерживала в

Хотвайере подозрения, что что-то скрывает.

Она снова замолчала.

– Что ты хочешь этим сказать? – спросил Хотвайер.

– Ничего. Я ничего не имела в виду. Звони в полицию.

– Нет. Ты сказала, что знаешь, как легко уйти от правосудия. Ты не хочешь мне пояснить это утверждение?

– Отлично! – выкрикнула Клер, уже доведенная до точки.

– Давай предположим, что тот, кто вломился в дом Джозетты и все тут перерыл, был без перчаток. Как это ни неправдоподобно. Ты сам сказал, что он скорее всего новичок. А это значит, преступление у него первое и его отпечатков в базе полиции нет.

– Отпечатки дадут возможность убедиться, что он и тот, кто тебя душил, одно и то же лицо.

– Чтобы в этом убедиться, его нужно для начала поймать, а как это может произойти? Что такого найдут копы, чего ты не нашел?

– Я не знаю. Но ты не можешь исключить возможность того, что его отпечатки в базе данных все же есть и он мог оставить их где-то в доме.

– Даже если он и преступник со стажем, вероятность того, что его отпечатки окажутся в местной базе, ничтожно мала. И с учетом того, с какой скоростью чиновники от правосудия подают данные для объединения баз, то и в общей базе данных их тоже не будет.

– Малый шанс лучше, чем никакого.

– Верно, но давай посчитаем наши шансы. Во-первых, отпечатки должны быть в базе, во-вторых, он должен иметь легальный заработок, чтобы можно было вычислить его координаты. Видишь, насколько ничтожны наши шансы его выследить? Ты знаешь, сколько нераскрытых преступлений остается каждый год?

– Ты об этом тоже в Интернете прочла? – Хотвайер говорил с откровенным сарказмом.

– Нет, я в этом жила. Он мрачно усмехнулся.

– Ну вот, наконец кое-что.

Когда она поняла, что он воспринял ее слова как доказательство того, что в ее прошлом было нечто, что стоило скрывать, ей захотелось застонать от собственной тупости. Но она лишь скрестила руки на груди и вложила в свой взгляд все то раздражение, которое испытывала.

Но Хотвайер оказался безучастен к ее гневу. Он лишь сказал:

– Я сейчас вызову полицию, а пока они не приедут, ты объяснишь мне свои слова и расскажешь, почему у женщины с криминальным прошлым не может быть никаких врагов.

– Я не сказала, что у меня криминальное прошлое. Клер понимала, что отрицать что-либо бессмысленно.

Если Хотвайеру что-то втемяшилось в голову, он не успокоится, пока она не расскажет правду. А может, и правда его не разубедит.

Как и следовало ожидать, в ответ Хотвайер ничего не ска-

зал, а пошел звонить со своего сотового.

Сделав звонок, он вернулся к Клер.

– Полиция будет здесь через час или около того.

– Надеюсь, что «около того» не затянется надолго.

– Давай прогуляемся по парку. Глядишь, свежий воздух поднимет тебе настроение.

– Я ведь должна быть рядом с тобой, верно? Он сжал зубы, и синие глаза его зло блеснули.

– Да.

– Тогда я сомневаюсь, что настроение у меня поднимется.

Он не сказал ни слова до тех пор, пока они не обошли парк по периметру.

– Объясни.

– Что? Теорию, лежащую в основе нано-технологий? Или квантовую физику в доступной терминологии?

– Ни то ни другое, красноречивая моя. – На какое-то мгновение холодное отчуждение сменилось отчаянием, но он вновь поспешил надеть маску прохладного безразличия.

– Ты знаешь, что именно меня интересует.

– Ты хочешь знать, насколько близко я знакома с издержками правоохранительной системы?

– Да.

– Когда мы с мамой не жили на улице, а такое случалось только дважды и длилось не слишком долго, – поспешила добавить Клер. Она терпеть не могла, когда ее жалели, и она не хотела, чтобы Хотвайер обрушил на нее свое сочувствие.

– Так вот, после смерти отца мы с мамой жили в кварталах с низкой арендной платой за жилье. Там часто бывали взломы. И у соседей, и у нас...

Они никогда не вызывали полицию. Мать бывала слишком пьяна, и Клер не хотела, чтобы чужие вмешивались в их жизнь. Кроме того, ничего действительно ценного у них не было. И она была на сто процентов уверена в том, что копы палец о палец не ударят, чтобы найти взломщиков. Этот первый визит по вызову скорее всего и поставил бы точку в предполагаемом расследовании.

Хотвайер молчал.

Клер вздохнула.

– Послушай, я понимаю, тебе, выходцу из среднего класса, трудно принять тот факт, что не все полицейские похожи на рыцарей в белых одеждах, да и те, настоящие герои, не могут справиться со всем общественным злом. Они помогают, но только по мере сил.

– Это не значит, что они вообще ничего не могут сделать.

– Я этого не говорила. По-моему, звонить 911 можно лишь в том случае, если что-то еще можно исправить к лучшему. Когда что-то осталось.

– Поясни, что ты имеешь в виду. Клер вздохнула:

– Мой отец совершил самоубийство, когда мне было одиннадцать лет. Он обанкротился; ты знаешь, как динамично развивается индустрия компьютеров. Ну, знаешь ли, его дело лихорадило давно, и они с мамой жили на грани финан-

совой катастрофы еще до моего рождения. Мы все были по уши в долгах, потому что отец с мамой хотели иметь все только самое лучшее. Новые машины каждые два года, громадный дом... я училась в престижной частной школе. Все более или менее ладилось, но когда он не смог получить высокооплачиваемую работу сразу после того, как лишился прежней, картонный домик рухнул.

– И он предпочел убить себя, вместо того чтобы решать вопросы с кредиторами? – в недоумении переспросил Хотвайер.

– Да. И это окончательно сломило мою мать. Она его обнаружила первой. Он застрелился. Все это звучит, как надуманная история в шестичасовых новостях, но я с этим жила. Мама бегала по дому и кричала: «Позвони 911!.. звони 911!» Только никто ничего не мог сделать. Папа умер, мы оказались банкротами, и даже портниха, что шила маме платья, из кожи вон лезла, чтобы получить все по счетам.

– Понимаю. У тебя зуб на полицию. Ты обижаешься за то, что они не смогли спасти твоего отца?

– Нет у меня никакого зуба на полицию.

Хотвайер хмыкнул, давая понять, что он-то знает: зуб у нее есть, да еще какой.

– Ладно. Есть у меня предубеждение. Но не против полиции. Просто у меня с полицией связаны неприятные воспоминания. После смерти папы мама начала пить, и она не была тихой пьяницей. Не из тех, что мирно посапывают на ди-

ване, высвистывая национальный гимн. Нет, она водила домой мужчин, у нее бывали припадки ярости, и она дралась со своими бой-френдами. И тогда приезжала полиция. Они приезжали и грозили отнять меня у нее. У мамы начиналась истерика, и мне приходилось ее успокаивать. Она говорила, что если и меня потеряет, то сделает то, что сделал отец.

– Убьет себя?

– Да.

– И ты ей верила.

– А почему я не должна была ей верить? Она была слабой. Как и мой отец. Никто из них не мог смотреть правде в глаза и жить настоящим. Мать пряталась от действительности, заливая горе алкоголем. Отец – вообще через смерть.

– И они оба оставили тебя собирать осколки?

– Да.

– Ты сказала, что твоя мама умерла.

– От скоротечного рака печени. Да. Я о ней заботилась.

– Поэтому тебе двадцать восемь, а ты только сейчас заканчиваешь учебу в университете?

– Я не могла оставить ее одну и уйти на занятия. Я и школу заканчивала на домашнем обучении.

– Дай-ка угадаю. Ты занималась самостоятельно?

– Разумеется. – Клер вздохнула. Она устала от неприятных воспоминаний. – Теперь ты понимаешь, что я не могу быть мишенью того, кто вломился в дом.

Хотвайер остановился и развернул Клер за плечи лицом

к себе.

– Как ты пришла к такому выводу?

Она посмотрела ему в глаза, и непрощенное чувство громадного облегчения словно смыло с нее все печали. В глазах его больше не было ни недоверия, ни порицания.

– Может, я и построила для себя новую жизнь, но я не нажила ничего такого, что кто-то мог бы захотеть украсть. И у меня нет криминального прошлого. Ни приводов, ни судимостей. – Она все же была обижена на него за то, что он обвинил ее в преступных связях. – Ни в моем прошлом, ни в настоящем нет никого, у кого был бы повод вламываться в мое жилище.

– Ты не можешь знать это наверняка.

– Могу. Я не слишком общительна. Не завожу друзей с легкостью. Самые близкие мне люди – это Джозетта и пациенты Бельмонт-Мэнора. Скажи мне, как могут мои связи с группой пожилых людей сделать меня непосредственной мишенью злоумышленника?

– Я не знаю, но все указывает на тебя, Клер.

– Не понимаю, с чего ты это взял. Весь дом перевернули вверх дном, а не только мою спальню. Парень, что на меня напал, вполне мог подумать, что я – Джозетта.

– Тут что-то не складывается. Причем с самого начала не складывалось. Просто мы решили, что иного разумного объяснения нет.

– И тогда не было, и сейчас нет.

– Ты уверена, что все мне рассказала? – В Хотвайере больше не было прежней холодности, но во взгляде его больше не было и той взрывоопасной смеси сексуального желания и теплой заботливости, к которой Клер так успела привыкнуть. – Я хочу помочь тебе, Клер, но я не смогу этого сделать, если ты будешь что-то скрывать.

Она чувствовала себя преданной.

– Я только что рассказала тебе такое, о чем никогда никому не рассказывала. Ты думаешь, мне приятно признаваться в том, что мой отец предпочел убить себя, нежели жить со мной и с мамой, или в том, что моя мать тоже себя убила, пусть и медленно, беспробудным пьянством?

– Я сожалею, моя сладкая, я правда...

– Мне не нужна твоя жалость! – гневно воскликнула Клер, отталкивая его от себя. – Я просто хочу, чтобы ты понял, что в моей жизни нет ничего, что сделало бы меня мишенью какого-то маньяка. Все понятно?

– Я понимаю тебя, но, согласишься, ты могла о чем-то позабыть, счесть не слишком важным, не относящимся к делу. Я понимаю, как странно это звучит, но дело не в том, что я тебе не верю. Я верю. Но интуиция, какой-то инстинкт говорит мне о том, что ты, именно ты в центре всей этой неразберихи.

– Ну что же, выходит, твой инстинкт тебя обманывает. – Клер развернулась и пошла к дому.

Ладонь Хотвайера легла ей на плечо – большая и теплая.

Клер остановилась.

– Убери руку. – Ей невыносимо было чувствовать его прикосновение.

– Куда, позволь узнать, ты направляешься?

– Куда я иду и что делаю – тебя не касается.

Ей было наплевать, если ее заявления звучали взбалмошно. Она была зла на Хотвайера и не хотела находиться с ним рядом. То, что его интуиция говорила, будто из-за нее заварилась вся эта каша, наводило на мысль, что он ее каким-то образом осуждает, что он видит в ней нечто недостойное, нечто плохое.

– Если я обещал Джози, что присмотрю за тобой, то я это сделаю. Я обещаний на ветер не бросаю.

Грубая правда о том, что он рядом с ней только потому, что дал слово Джозетте, не способствовала улучшению настроения Клер.

– Я освобождаю тебя от обязательств. – Понимая, как глупо звучат ее слова, Клер обозлилась еще сильнее. Она попыталась вырваться, чтобы поскорее уйти, но Хотвайер не дал. Он схватил ее за плечо и прижал к себе. Его тепло, его запах обволакивали ее. Он взял Клер за подбородок и приподнял голову так, что ей ничего не оставалось, как посмотреть ему прямо в глаза.

– Ничего у тебя не получится. Я давал слово не тебе.

– Твое обещание напрямую касается меня, и я не хочу, чтобы оно оставалось в силе. – Голос Клер повысился почти

до крика, и сердце стучало как сумасшедшее.

– Плохо, моя сладкая, потому что я буду стоять на своем. Клер резко дернула плечом и, высвободившись из его хватки, отступила на шаг.

– Я не нуждаюсь в том, чтобы ты за мной присматривал, и я не хочу, чтобы ты ошивался поблизости.

– Нет, я тебе нужен, – хрипло сказал Хотвайер. – За тобой идет охота.

– Это ты так говоришь.

Он издал звук, сильно напоминавший медвежье рычание.

– За кем бы они ни охотились: за тобой или за Джози, ты не можешь оставаться в этом доме одна.

– Я не собираюсь больше жить в этом доме.

Клер не была настолько безрассудна, чтобы не понимать: жить у Джози было небезопасно. Пока она еще не знала, как будет действовать. Но то, что съехать придется, она знала точно. Она должна перебраться туда, где смогла бы забыть об опасности.

– Куда ты планируешь переселиться? – Вопрос был задан вполне безобидным тоном, но язык тела сообщал совсем о другом: без дозволения Хотвайера она вообще никуда не двинется.

– Это не твоя забота. Считай, что одной головной болью у тебя меньше. Ты больше за меня не отвечаешь.

– Черта с два.

– Брось, Бретт. С этим покончено.

И вдруг атмосфера, их окружавшая, наполнилась электричеством и дух противоречия, исходивший от Хотвайера, куда-то исчез. Клер растерялась. Она не знала, как ей быть, и потому, когда он вторгся в ее личное пространство и схватил за плечи, не стала вырываться, а осталась стоять, внезапно потеряв всякое желание ему возражать. Она сама не понимала, что происходит.

– Я не хотел тебя обидеть, – сказал Хотвайер так, словно Клер и в самом деле была ему небезразлична.

Но она покачала головой. Редко кто обижает тебя намеренно, но обида от этого не перестает быть обидой. Чем ближе человек, тем обида горше. Клер и так позволила себе слишком сильно к нему привязаться.

– Это не важно.

– Нет, это важно, моя сладкая. Из-за меня ты готова совершить очень опрометчивый поступок. Я не могу этого допустить. Все кончится тем, что ты пострадаешь, и виноват в этом буду я.

– Ты не мой телохранитель. Ни за мою безопасность, ни тем более за мои чувства ответственности ты не несешь. Я тебе такой власти над собой не давала Хотвайер точно не знал, отчего Клер так разгорячилась, но он понимал, что должен все каким-то образом уладить. Он не мог позволить ей уйти из его жизни, особенно сейчас, когда ее жизнь была в опасности.

Может, она оскорбилась, решив, что он ей не верит?

– Ты сказала, что не знаешь, почему все это происходит, и я верю тебе. Я на самом деле тебе верю. – Он заглянул в ее карие глаза и мысленно приказал поверить ему. – Просто что-то мне подсказывает, что ты в центре всего происходящего, а жизнь научила меня доверять инстинктам.

– Но я не знаю, как такое возможно! – с горячностью возразила Клер. Она совсем не производила впечатления укрощенной.

– Очень давно я понял, что у «плохих парней» может быть совсем другая логика.

– Я не понимаю, почему твои инстинкты указывают на меня, Бретт. Честное слово, не понимаю.

Что-то в нем дрогнуло при звуке собственного имени, произнесенного мелодичным голосом Клер. Это уже не в первый раз. Нравится ему это или нет, эта женщина уже проникла к нему в кровь.

– Я тоже не понимаю, моя сладкая, но это так. Ты – мой друг, и я не хочу, чтобы ты пострадала.

Клер опустила голову. Теперь он мог любоваться лишь медной кудрявой гривой.

– Разве друзья сомневаются друг в друге?

Она все никак не могла выкинуть из головы то, что он подумал, будто у нее в прошлом были проблемы с законом.

– Иногда так бывает. Люди несовершенны, Клер. Но это не значит, что им друг на друга плевать.

– Но при чем тут я? Какое тебе до меня дело? Ведь я для

тебя – ничто.

Она что, всерьез в это верит?

– Ты – мой друг, – повторил Хотвайер с нажимом на последнем слове. – И для меня это кое-что значит.

Он встречался со многими женщинами за свою жизнь, но немногих он называл друзьями.

– И для меня тоже.

– Значит ли это, что ты меня простила? Клер кивнула, но в глаза смотреть избегала. Хотвайер приподнял ее голову так, чтобы у нее не осталось иного выбора.

– Честно?

Клер закрыла глаза, словно захлопнула перед ним дверь в свою душу.

Он наклонился к ее лицу, и губы их почти соприкоснулись. Он знал, что пользоваться ее сексуальным влечением к нему нечестно, но в данный момент все средства были хороши, лишь бы восстановить добрые отношения. Словами он ничего не добился.

– Клер, – прошептал он у самых ее губ. Она ответила едва слышно, с придыханием: -Что?

– Открой глаза и скажи, что ты меня простила.

Она взмахнула ресницами, и Хотвайер увидел, что ее светло-карие глаза подернула дымка страсти.

– Я прощаю тебя.

Он застонал, внезапно позабыв, о чем они говорили, и прижался губами к ее губам. Он продолжал целовать ее, по-

ка она не растаяла, прижимаясь к нему, пока дрожь желания не охватила его. Он был готов взять ее прямо здесь и сейчас.

Залаяла собака, вернув их к действительности. Они были в парке, у всех на виду.

Новобранец и тот не стал бы вести себя так на задании. Что, если в тот момент, когда он, Хотвайер, забыв обо всем на свете, целовал Клер, кто-то подкрался бы к ней и убил ее? Хотвайер неохотно отстранился".

– Скоро приедут копы.

– Да.

– Нам пора возвращаться в дом.

– Угу, – вяло и как-то сонно сказала Клер. Хотвайер улыбнулся. Ему льстила ее реакция на его поцелуй. Довольный, он повел ее к дому.

Поскольку делать до приезда полиции все равно было нечего, они уселись на диван и включили телевизор. Хотвайер положил руку Клер на плечи, а она свернулась калачиком у него на груди. Хотвайеру было приятно, и он решил, что не станет переживать из-за невесть откуда взявшейся странной потребности все время прикасаться к Клер.

Хотвайер бездумно щелкал пультом, переключаясь с канала на канал, когда Клер вдруг его остановила:

– Подожди, я ее знаю.

– Кого?

– Вернись на местный бесплатный кабельный канал. Хотвайер вернулся назад, и на экране возникла пожилая женщи-

на, беседующая с молодым человеком.

– Это же Куини! Что, скажи на милость, она делает на телевидении?

– Кто такая Куини?

– Моя приятельница из Бельмонт-Мэнора. Из интерната для престарелых.

Женщине со взбитыми седыми волосами и бледно-зелеными глазами было не меньше семидесяти. Ну и приятельница у Клер! Но Хотвайера это не удивляло. Клер была доброй, и пожилые люди, с которыми она работала, наверняка любили ее ненавязчивое общество.

– О чем она говорит? – спросил у Клер Хотвайер. – О какой конспиративной деятельности правительства?

– Понятия не имею. Тихо. Давай слушать. – Клер выхватила у Хотвайера пульт и прибавила громкость.

Куини совсем не производила впечатления милой пожилой леди. Глаза ее покраснели и горели гневом.

– Я абсолютно уверена в том, что это дело тайных правительственных служб. Лестер имел информацию, которая могла представить власти в весьма невыгодном для них свете...

Глава 8

– Итак, напоминаю вам, дорогие телезрители, что у нас в студии местная жительница Куини Гантер, близкая подруга недавно скончавшегося Лестера Уилсона, – говорил репортер, глядя в камеру. Затем он повернулся лицом к Куини: – Вы полагаете, что в смерти вашего друга кто-то замешан?

– Должно быть, сегодня новостей совсем нет, раз такое показывают, – протянул Хотвайер. Между тем Куини на вопрос репортера ответила утвердительно.

– Это местный канал. Участникам передачи платят по часам. Куини когда-то вела на нем свое ток-шоу. У нее еще остались старые связи.

– Мой бедный Лестер, это я виновата в его смерти, – сказала Куини. Она выглядела по-настоящему расстроенной. – Я написала заметку о его деятельности, и вот двумя неделями спустя его не стало.

– Вы не против поделиться содержанием вашей заметки с телезрителями?

Хотвайер невольно задался вопросом, какова аудитория у этой программы. Едва ли такого рода передачи вызывают интерес у многих. Другое дело – реалити-шоу.

– Я узнала, что мой дорогой друг был в юности наемным убийцей, – сообщила Куини, и даже сейчас, в минуты скорби, глаза ее возбужденно загорелись. – В основном он рабо-

тал на правительство, но выполнял и частные заказы.

– И вы считаете, что правительство прикончило его, чтобы он молчал?

– Прикончило, – брезгливо прокомментировал Хотвайер.
– Кто пишет реплики для этих ведущих?

Клер укоризненно нахмурилась, давая понять, чтобы of замолчал.

Куини страстно закивала: – Да.

– С тех пор много воды утекло. Кому какое дело до того, что происходило лет сорок назад? И кто бы стал мстить за дела сорокалетней давности!

Куини окинула молодого ведущего ледяным взглядом. Его замечание явно отдавало отсебятиной.

– Я видела дневник Лестера. Последний заказ у него был в начале восьмидесятых.

Хотвайер натянулся как струна. Молодой ведущий заерзал на неудобном стуле.

– И все же и это событие произошло двадцать лет назад.

– Молодой человек, у моего Лестера были связи в правительстве, и, если бы они раскрылись, кое-кому было бы весьма неловко.

– А где сейчас его дневник?

– Пропал. – Куини произнесла эту фразу таким тоном, словно сам факт пропажи уже доказывал насильственный характер смерти Лестера.

– Вы в этом уверены? Может, дневник забрали уже после

его смерти?

– Он пропал ночью накануне смерти моего друга. Лестер мне говорил. Он переживал из-за этого. Мы вместе с ним обыскали его комнату, и потом я обыскала его комнату уже после случившегося с ним сердечного приступа. Дневник определенно пропал...

Вскоре интервью закончилось, и Хотвайер выключил телевизор.

– Бедная Куини, она себя винит, – печально сказала Клер. Хотвайер встал и окинул Клер внимательным взглядом. Он мысленно перебирал возможные сценарии.

– Почему?

– Она написала статью в «Газету ветеранов», в которой клеймила правительство за то, что те оплачивают киллеров.

– Так об этой заметке она говорила в начале интервью? Она была опубликована в «Газете ветеранов»?

– Да.

– Сколько людей могли ее прочитать?

– Тираж этой газеты вполне приличный. Она бесплатно доставляется всем проживающим в Бельмонт-Мэноре и еще в три похожих интерната. Еще ее выписывают члены политической группы, поставившей во главу угла заботу о пожилых. Есть у газеты и другие подписчики.

Выходит, статью прочло больше людей, чем увидело интервью по телевизору.

– Она и в статье сообщила о том, что видела дневник кил-

лера?

– Она не написала об этом прямо, но дала недвусмысленный намек.

Хотвайер определенно завелся.

– Этот киллер, Лестер, он тоже жил в Бельмонт-Мэноре?

– Да.

– И он тоже был твоим другом?

– Да, мы были очень близки. – Глаза Клер наполнились слезами. – Он умер в ночь накануне нападения. Я так по нему скучаю, – жалобно протянула Клер.

В Хотвайере боролись два желания: успокоить Клер и собрать побольше информации. Вторая потребность оказалась сильнее. Сейчас главным было обеспечить безопасность Клер, и, кажется, он приблизился к разгадке мотива преступления.

– Ты много времени с ним проводила?

– Больше, чем с кем бы то ни было, включая Куини. Он вызывал меня каждое мое ночное дежурство. Мы подолгу разговаривали.

– Он рассказывал тебе о своем прошлом киллера?

– Да. Но вначале я думала, что это его фантазии. И только недавно поняла, что он вспоминает реальные события из прошлого.

– Он говорил тебе, кого убивал?

– Да, он называл некоторые имена, но не одно имя не было мне знакомо.

– Как его звали?

– Я говорила тебе. Лестер Уилсон.

– Я имею в виду его профессиональное имя.

– Откуда ты знаешь, что оно у него было?

– Он прожил долгую жизнь. Дожил до пенсии, не прожил бы столько, если бы не работал под вымышленным именем или псевдонимом.

– Арван – так он себя называл.

– Кельтский бог смерти.

– Именно, – с некоторым удивлением подтвердила Клер.

Хотвайер насмешливо поднял бровь.

– Мы тоже кое-что читали.

Клер улыбнулась ему, и глаза ее задорно блеснули.

– Как трогательно.

– С кем еще, кроме тебя и Куини, он мог поделиться своими тайнами?

– Ни с кем из тех, кого я знаю. Рассудок его все больше мутился с годами. Но в разговорах со мной он всегда преподносил свои откровения как великую тайну. А когда Куини опубликовала свою статью, постояльцы Бельмонт-Мэнора и обслуживающий персонал отреагировали на нее недоверчиво.

– На кого он работал?

– Он никогда мне об этом не говорил, но Куини он показывал дневник.

Да, и об этом она заявила на интервью, и если подозрения

Хотвайера оправданны, то ей грозит серьезная опасность после такого рода публичных заявлений.

– Дерьмо.

Клер удивленно на него посмотрела.

– Прошу прощения, – машинально ответил Хотвайер и глубоко вздохнул. – Как ни печально, но в чем-то эта дама могла быть права.

– Но Лестер был уже старик. Он никому не мог причинить зла.

– Он был наемником, а это означает, что он работал и на гражданских. А эти ребята, поверь мне, из штанов выпрыгнут, чтобы только их не раскрыли.

– Гражданские – это все, кто не наемники?

– Это все, кто не солдаты. Но суть не в этом. Суть в том, что некоторые из клиентов Лестера могут быть живы, и кое-кто, возможно, еще не слишком стар для того, чтобы беспокоиться о собственной политической репутации.

– Ты не шутишь? – У Клер округлились глаза.

– Нисколько.

– Вот это да!

– Как он умер?

– От сердечного приступа.

– У него было слабое сердце?

Клер прикусила губу. В глазах ее стоял ужас.

– Вообще-то нет. Это правда, что правительство его заказало?

– Нет.

– Слава Богу.

– Я думаю, что тут может быть замешан гражданский. Частное лицо, так сказать. И тогда Куини тоже грозит опасность.

Клер вскочила и схватила Хотвайера за руку:

– Мы должны к ней ехать. Мы должны убедиться, что с ней все в порядке.

– Мы ведь ждем полицию, ты помнишь?

– Не станем запираеть дверь и оставим им записку. Мы им не нужны для снятия отпечатков.

– Им придется составлять протокол. И без нас они не обойдутся.

Но Хотвайер сдался под напором Клер. Он позвонил в полицейский участок уже по дороге в Бельмонт-Мэнор и сообщил диспетчеру, что они с Клер отъехали и позвонят, когда будут возвращаться.

Клер чуть ли не бежала к дверям пансионата. Куини жила в том крыле, куда селили стариков, способных себя обслуживать.

Клер остановилась перед красивой белой дверью и постучала. В Бельмонт-Мэноре все дышало элегантностью, от белой обшивки стен в общей столовой то едва намеченного рисунка коврового покрытия цвета бургундского, укрывавшего пол во всех холлах и помещениях общего пользования.

Когда Куини не ответила и со второго раза, Клер нервно

прикусила губу.

– Может, она все еще внизу, на завтраке?

– Давай посмотрим.

По дороге в столовую им пришлось пересечь вестибюль, и у Клер едва не подкосились ноги, когда она услышала мелодичный смех Куини.

Клер схватила Бретта за локоть:

– Она здесь!

Хотвайер остановил ее перед входной дверью.

– Теперь, когда мы знаем, что с ней все в порядке, какой у тебя план?

– Мы должны за ней присмотреть.

– Торчат здесь круглые сутки семь дней в неделю?

– Да, если придется. – Но Клер понимала, что это нереально, и, судя по выражению лица Бретта, он тоже так считал.

– Успокойся, милая. Давай посмотрим на вещи трезво. Во-первых, надо ли говорить Куини о том, что ее жизнь в опасности?

Клер решительно замотала головой.

– Куини может и в «Тайме» поместить объявление. Ее имя вполне отвечает ее сущности. Она была актрисой в юности. И выступала в амплу драматических героинь.

– Так что мы ей скажем?

– Не знаю. Бретт вздохнул.

– Я могу приставить к ней охрану, но в ее случае подойдет только тайный телохранитель. Возможно, легче было бы

справиться с ее потребностью устраивать мелодрамы из любого подручного материала, чем охранять ее жизнь без ее на то ведома.

– Мы не можем даже знать наверняка, что ее жизнь е опасности. Я хочу сказать, что Лестер мог и в самом деле умереть от сердечного приступа. С людьми его возраста такое случается.

– Да, но в свете того, что один из очень немногих твоих друзей оказался бывшим киллером и это стало достоянием гласности, нападение на тебя и обыск в твоём доме выглядят весьма подозрительно.

Клер была вынуждена согласиться.

– И что мы будем делать?

– Что, если мы отправим ее к отцу Джози?

– Как мы уговорим ее к нему поехать? Она захочет остаться здесь, в гуще событий.

– Захочет. – Непокколебимая решимость Бретта не оставляла сомнений в том, кто выйдет победителем из поединка воли. У пожилой подруги Клер против Бретта не было шансов. – Мы скажем ей, что Тайлер поможет ей побольше узнать о тайной правительственной деятельности, связанной с Лестером. Это должно ее заинтересовать.

– Ты считаешь, что это правильно – подпитывать их беспочвенную фантазию?

– Я считаю, что так она будет в безопасности, и они могут строить столько теоретических предположений, сколько их

душам угодно. А жена Тайлера поможет им оставаться по эту сторону от паранойи. Она женщина трезвая.

– Куини не уедет до похорон. Я думаю, мне следует остаться с ней.

– Нет.

– Бретт...

– Ты в такой же опасности, что и Куини. И даже в большей, потому что пока нападение было совершено только на тебя.

– Но мы не можем просто взять и оставить ее здесь. Бретт нахмурился.

– Тогда нам придется рассказать ей о наших подозрениях прямо сейчас и забрать ее к себе в отель.

– Клер, милочка, что ты тут делаешь? Я думала, у тебя сегодня экзамен. – Куини стояла возле входа в холл, и, хоть она и улыбалась, ее обычно такие веселые зеленые глаза были затуманены грустью.

Клер шагнула ей навстречу и крепко обняла старушку. Хрупкое тело Куини сотрясали рыдания.

– Я убила его, Клер. Я, я это сделала. Я не знаю, как мне после этого жить.

Клер еще раз крепко обняла Куини и отступила на шаг, качая головой:

– Вы его не убивали.

– Только не говори мне всю эту чушь про сердечный приступ.

– Нет, я не стану говорить.

Куини одобрительно кивнула, но тут лицо ее свела гримаса страдания.

– Тогда ты понимаешь, что это моя вина.

– Нет, не ваша. – Клер столько раз повторяла эти слова в той, прошлой жизни с матерью и ей, и себе, что они стали синонимом боли. – Вы не отвечаете за действия...

Бретт оборвал ее:

– Давайте поднимемся наверх и поговорим там. Куини промокнула глаза платочком и с пристальным любопытством взглянула на Бретта:

– Кто это, Клер? Твой новый бой-френд?

Поскольку у Клер никогда не было бой-френда, с которым была бы знакома Куини, то определение «новый» явно несло оттенок эвфемизма.

– На самом деле это друг Джозетты.

Как и ожидала Клер, эта информация пробудила в Куини новую вспышку интереса. Она окинула спутника Клер придирчивым взглядом с головы до пят.

– Вы служите в спецназе?

Бретт выставил локоть калачиком, предлагая Куини взять его под руку, а другой рукой обвил Клер за талию.

– Почему бы нам и эту тему не обсудить наверху?

Когда тройца зашла в квартиру Куини, хозяйка изъявила желание приготовить гостям чай, а Клер тут же подскочила, чтобы ей помочь. Она готова была на все, только бы оказаться вне досягаемости от волнующих прикосновений Бретта.

Они сводили ее с ума.

Кухня представляла собой всего лишь крохотный закуток, занимавший нишу в гостиной. Куини принялась допрашивать Бретта, а заодно стала составлять чашки на поднос.

– Почему вы стали контрактником? Я полагаю, вы прошли специальный курс подготовки и не относитесь к числу тех глупых мальчишек, которые после шестинедельной начальной подготовки считают, что готовы сражаться с врагами во всех уголках мира лишь потому, что научились стрелять из винтовки.

– Нет, мэм, я не один из этих мальчишек. Куини одобрительно кивнула.

– Вы выглядите куда более развитым и утонченным. И куда более грозным.

– Грозным? – протяжно, с южным акцентом повторил Бретт, одарив Куини своей коронной улыбкой. – Обычно женщины меня видят другим.

– Вы чертовски обаятельны, в этом вам не откажешь. Как и Лестер. Вы можете скрывать правду за привлекательным фасадом, но я вижу вас насквозь.

Бретт приподнял брови.

– И в какой именно группе войск специального назначения вы служили?

– Я был рейнджером – служил в диверсионно-разведывательном подразделении.

– Лестер был одним из первых добровольцев, попавших в

диверсионный отряд во время Второй мировой. – Бретт явно заработал себе пару лишних очков. – А теперь объясните, почему вы оставили такую почетную карьеру и стали тем, кто готов продать себя и свое военное мастерство тому, кто больше заплатит?

– Куини! – взмолилась Клер. Бретт мог и обидеться на такие слова.

– Я оставил умирать слишком много товарищей по приказу своих командиров.

– У рейнджеров есть кредо – никогда не оставлять товарищей врагу.

– Не все товарищи и не все жертвы войны – рейнджеры, особенно если речь идет о закрытых операциях.

– Ваши командиры не позволяют вам защищать других с той же решимостью, как ваши соратники рейнджеры?

На мгновение в глазах Бретта отразилась боль.

– Именно так. Будучи независимым исполнителем, я никогда не оставлял в беде тех, кто от меня зависит.

– Это похвально. Бретт пожал плечами.

– Бретт и двое других его товарищей контрактников не продавали себя и свое оружие тому, кто больше заплатит, Куини. Они занимались спасением жизни людей в горячих точках, а сейчас управляют компанией, занимающейся системой безопасности и консалтингом.

– Понятно. Я рада это слышать. Одно дело мне, старой вороне, запасть на такого коршуна, как Лестер, и совсем дру-

гое такой молоденькой девушке, как Клер. У нее вся жизнь впереди. И мне не хотелось бы, чтобы эти годы были омрачены жизнью с человеком, в душе которого осталось столько шрамов от убийства невинных душ. Нормальный человек никогда на такое не решится.

Клер была готова зажать Куини рот.

Бретт продолжал улыбаться, излучая непередаваемый южный шарм. На все провокации Куини он отвечал лишь: «Да, мэм», «Нет, мэм».

– Полагаю, что ваша совесть ничем не отягощена?

– Да, мэм. И если в ней имеются дыры, то их латанием есть кому заняться – моей маме и сестре, мэм.

Губы у Куини дрогнули, и она замотала головой.

– У Клер не будет с вами проблем. Я это уже сейчас вижу.

– Я на него пока что не посягаю, – сквозь зубы процедила

Клер.

Бретт насмешливо взглянул на нее, а в его синих задорных глазах Клер прочла вызов – он сомневался, что она готова следовать своим намерениям.

Клер покраснела.

– Мы не могли бы вернуться к главной теме? – ядовито поинтересовалась она.

– Ты имеешь в виду убийство Лестера? Клер сочла необходимым сказать:

– Мы не можем быть уверенными в том, что Лестера убили. Ему было восемьдесят пять лет. Сердце его могло оста-

новиться и без упреждающих сигналов тревоги.

– Если не считать легкого умопомешательства, он был самым здоровым мужчиной из тех, кого я знала, – с едким сарказмом заявила Куини. – Ему можно было дать и шестьдесят пять.

Клер решила, что пора погладить Куини по распушившимся перьям.

– Конечно, вы правы. Куини была неумолима.

– И вы действительно думаете, что вероятность убийства не исключена?

– К сожалению, мы именно так и думаем, – вмешался Бретт. Взгляд у него стал жестким, и манера держаться кардинально изменилась. Он вел себя сугубо по-деловому. – Я бы даже сказал, что, вероятнее всего, произошло именно убийство.

– Полагаю, у вас нет контактов в правительстве, чтобы помочь нам найти убийцу? – Куини адресовала свой вопрос, естественно, Бретту.

– У меня есть контакты в правительстве. Но я полагаю, что обвинять правительство все равно что облаивать дерево, на котором нет дичи.

– Я кое-что повидала за свою жизнь, молодой человек, и стала весьма циничной женщиной в том, что касается нашего правительства. Лестер прекрасный тому пример. Он работал на правительство, убивая людей! – Несмотря на все усилия разыграть из себя женщину, которая уже ничему не удивля-

ется, Куини потерпела неудачу. Случай с Лестером стал для нее шоком, и одно это говорило о ее наивности.

– Вне зависимости от того, кто тут виноват, – сказал Бретт, – факт остается фактом. После того как вы выступили по телевидению, ваша жизнь в опасности.

– Вы признались в том, что читали его киллерский дневник, – добавила Клер. – И, хоть эта тетрадь пропала, тот, кто не хочет, чтобы содержащиеся в ней сведения были преданы огласке, может решить, что от вас следует избавиться.

Куини сверкнула глазами.

– Отлично. Пусть идут за мной. Я сыграю роль наживки. Бретт покачал головой.

– Куини, они добрались до Лестера, а ведь он был профессионалом. Не стоит их недооценивать.

Боевой огонек во взгляде Куини потух, и глаза ее наполнились слезами.

– Да, они убили моего Лестера.

– Я не хочу, чтобы они и до вас добрались, – сказала Клер.

– Но разве идея с наживкой так уж плоха? – Энтузиазм вернулся к старушке.

У Клер свело от страха живот.

Бретт положил ладонь на руку Куини.

– Вам ведь Клер не безразлична, верно?

– Конечно. Я люблю ее как родную.

– Смерть Лестера надломила Клер, ведь ее друзья в Бельмонт-Мэноре для нее все равно что семья. Если с вами что-

то случится, она придет в отчаяние. Я не хочу этого допустить, и я осмелюсь заявить, что способен поймать убийцу Лестера, не используя ни вас, ни Клер в качестве наживки.

– А при чем тут Клер? – воскликнула Куини.

– Хорошо известно, что она тоже много времени проводила с Лестером.

– Ах да, конечно. Я об этом не подумала. Тогда что вы предлагаете?

– У меня есть друг в Неваде. Он недавно женился, но его жена очень милая дама и не стала бы возражать против того, чтобы у них погостила женщина. Я бы хотел, чтобы вы пожили у них.

– В Неваде? Это так далеко.

– Да. Там вы точно будете в безопасности. Вы никак не связаны с Тайлером Грэмом, и вас никто не станет там искать. Если вы поедете к родственникам или друзьям, то вы и их подвергнете опасности. А Тайлер специалист по секретным проектам правительства. Вам будет о чем поговорить.

– В самом деле?

– Да.

– А как насчет самого Тайлера и его жены? Вы точно уверены в том, что я не навлеку на них неприятности? Что, если те, кто убил Лестера, выследят и меня? – возбужденно спросила Куини.

Бретт даже глазом не моргнул.

– С вами поедет один из моих помощников. Он позабо-

тится о том, чтобы ничего не произошло. Кроме того, Тайлер тоже бывший контрактник, как и я.

– Понимаю. А вы уверены в том, что его жена не будет против моего приезда?

– Нет. Тайлер говорил мне, что ее сестра недавно переехала на восточное побережье, чтобы быть ближе к внукам, и она по ней скучает. Женское общество будет ей только полезно.

– Мне всегда хотелось побывать в пустыне, но все никак не получалось. Но я не могу уехать до похорон.

– Конечно, – согласилась Клер. Она почувствовала облегчение от того, что Куини так легко согласилась. – Но я буду чувствовать себя спокойнее, если эту ночь вы проведете со мной и Бреттом в отеле.

– Вы живете в отеле? А что случилось с вашим домом?

– Я хочу, чтобы она была рядом, – вовремя вставил Бретт. – А в отеле легче сохранить анонимность.

– Да, наверное, – протянула Куини и еще раз одобрительно кивнула. – Вы очень предусмотрительный молодой человек. И мне это нравится.

Бретт привез женщин в отель. Они едва успели пообедать, как позвонили из полиции, и Бретт уехал в дом Джозетты, оставив дам в номере. Через пару часов он вернулся, но рассказывать ничего не стал.

Было решено, что Клер и Куини будут спать в спальне, а Бретт ляжет в гостиной на раскладушке. Вечер прошел на

удивление славно. Они играли в «Скраббл»² и кункен³. Куини разбила Клер и Бретт наголову в обеих играх. Опыт – дело великое.

Клер не была удивлена тому, каким приятным выдался вечер с Куини. Ей нравилось общество стариков, в особенности общество Куини и Лестера. С ними было безопаснее, чем со сверстниками, с которыми она плохо ладила. Что Клер действительно удивило, так это то, что Бретт получал искреннее удовольствие от общения с пожилой дамой, и то, что он так быстро и ловко с ней поладил.

– Спасибо, что был так мил с ней, – сказала она Бретту, когда Куини отправилась в ванну готовиться ко сну.

– Она милая леди.

– Но многим не хватает терпения в общении со стариками. Мне нравится, как ты с ней обращаешься.

– У меня есть бабушка, даже две. И вообще, мы, южане, привыкли с почтением относиться к старшим.

Клер улыбнулась, подумав, как это, должно быть, приятно – иметь большую семью, как у Бретта.

– Почему ты не живешь рядом с родными? – спросила она, не подумав.

Бретт пожал плечами.

– Не знаю. Мне кажется, что мы больше ценим друг друга,

² *Игра в слова алфавитными косточками на разграфленной доске – фирменное название*

³ *Карточная игра*

когда общаемся на расстоянии.

– Но ты их любишь.

– И они любят меня.

– Так почему вы не ладите?

– Мы ладим.

– Но ты сказал...

– Я просто слегка выпадаю из обоймы. Не вписываюсь в рамки клана.

– Не может быть. Ты отлично вписываешься в любое общество.

Бретт улыбнулся ее словам.

– Спасибо. Но в моей семье все достигли очень больших высот, а я – паршивая овца в стаде.

– Ты считаешь, что немногого достиг?

– Моя сестра – судья, а мой старший брат профессор права в том университете, который окончил мой отец.

– А ты служил в спецназе, почти десять лет провел в горячих точках, спасая людей, а теперь управляешь консалтинговой компанией по вопросам безопасности и специализируешься на случаях, которые других просто ставят в тупик. Я бы сказала, что ты достиг очень и очень многого, не меньше, чем твои брат и сестра!

В глазах у Бретта сверкал озорной огонек, и улыбка его на этот раз была улыбкой кота, поймавшего мышь.

– Спасибо тебе, мой сахарок. Мне приятно, что ты меня так высоко оцениваешь.

Клер, смущенная тем, что выдала себя с головой своей страстной, восхищенной речью, решила пойти на попятную.

– Ну ладно. Спокойной ночи.

– Только одну минутку.

– Что такое?

– Вот это. – Он привлек ее к себе так, что тела их почти соприкоснулись и губы его были в миллиметре от ее губ.

Клер почувствовала, как сильно забилося у нее сердце. Она открыла было рот, но не нашла, что сказать. Бретт не шевелился. Он молча смотрел на нее, взгляд его синих глаз прожигал ее насквозь. Она не в силах была отстраниться. Лучше бы она дышать перестала. Потому что перестать дышать было проще, чем уйти от него.

Что-то всколыхнулось в его взгляде, и тогда он рывком притянул ее к себе и поцеловал.

Клер прижалась к нему всем телом и словно растаяла в его объятиях. Она понимала всю неизбежность того, что происходило сейчас между ними. Еще с их утреннего поцелуя в парке она мечтала вновь почувствовать тепло его губ. Но поцелуй этот был другим, не тем, сорванным в порыве бездумной страсти. Губы его были нежны, поцелуй этот нес совсем иной заряд, но от того, что он не был похож на утренний, желание Клер не стало менее острым.

Она чувствовала, что Бретт возбужден, и он явно хотел дать ей понять, что хочет большего, чем поцелуй, и, да поможет ей Бог, она тоже хотела большего.

Когда он ее отпустил, Клер едва держалась на ногах. Она оступилась, но Бретт помог ей устоять.

– Продолжение следует.

– Что? – невнятно пробормотала Клер. Она не отрывала взгляда от его губ, подаривших ей такое наслаждение.

– Куини уже вышла из ванной.

– О! – Господи, Клер мечтала о том, как займется с Бреттом любовью, когда в соседней комнате была Куини.

Бретт улыбнулся.

– Я тоже этого хочу. Спокойной ночи, сахарок.

Клер нетвердой походкой пошла прочь, в спальню, которую они сегодня будут делить с Куини.

– Спокойной ночи, Бретт.

* * *

Траурная церемония прощания с Лестером отняла у Клер все силы. И физические, и душевные. Только сейчас она до конца осознала, что больше никогда не увидит Лестера. Глотая слезы, Клер слушала прощальную речь Куини. Каждое слово пожилой актрисы кричало о любви к покойному и о горе потери.

Клер не могла больше сдерживать слез, когда мужская рука протянула ей платок. Другая рука, теплая и крепкая, лежала у нее на плече. Клер взяла платок и вытерла слезы. Ей было стыдно за свою несдержанность, но она не могла не вы-

плакаться.

– Все будет хорошо, Клер, – шепнул ей на ухо Бретт. Он сказал то, что в подобных случаях принято говорить, но его слова принесли ей неожиданное облегчение. Она не была одинока в своей скорби, как это было раньше, когда она теряла людей, которых любила. Даже когда хоронили отца, мать ее была настолько раздавлена всеми свалившимися на них бедами, что ей было не до дочери. А когда умерла мама, рядом не было вообще никого.

Клер чувствовала крепкое плечо Бретта, его поддержку и, пусть ненадолго, позволила себе положиться на него. Потом она вернется на свой маленький остров. А сейчас она с благодарностью принимала то, что он предлагал.

Хотвайер вывел Клер и Куини из помещения, где проходило прощание с покойным, на теплое орегонское солнышко. День близился к вечеру, но летнее солнце оставалось щедрым на тепло.

– Простите, – раздалось у них за спиной. Голос был мужской, молодой, с протяжным тexasским акцентом. – Вы, случайно, не Куини Гантер?

Куини резко обернулась:

– Да, это я.

– Ваша надгробная речь, посвященная моему дяде, была очень трогательной.

Глава 9

Хотвайер и Клер остановились одновременно с Куини.

Хотвайер встал так, чтобы разглядеть обратившегося к Куини мужчину. На вид ему было лет тридцать или около того. Он был одет в серый костюм, но черная тенниска и ковбойские сапоги свидетельствовали о том, что он не был консервативным бизнесменом.

– Лестер приходился вам дядей? – со страстной надеждой в голосе спросила Куини.

– Да, мэм.

– Но вы слишком молоды для племянника Лестера, – вмешался Хотвайер, мигом насторожившись.

Техасец пожал плечами с непринужденной уверенностью.

– Если конкретно, то я прихожусь ему внучатым племянником. У Лестера не было детей, но у его сестры, моей бабушки, детей было четверо.

– Вы сказали, у его сестры? Она жива? – спросила Куини.

Молодой человек покачал головой.

– Умерла несколько лет назад. И мой дед тоже умер, и брат моего деда, Чарльз, и его жена. Но все прочие члены семьи здравствуют.

– У Лестера были еще родственники? – На этот раз с той же надеждой в голосе вопрос задала Клер.

Племянник Лестера ей улыбнулся, и в его зеленых глазах

Хотвайер увидел несколько больше мужского интереса, чем ему бы хотелось.

– Нас целый выводок, мисс. Лестер был средним ребенком из пяти рожденных его родителями.

Хотвайер обнял Клер за талию. Он готов был победно улыбнуться, когда она приняла этот жест как должное и даже не попыталась отстраниться.

– И тем не менее на похороны приехали только вы? – спросила Клер. Действительно, этот факт требовал объяснения.

Племянник кивнул и нахмурился.

– Он потерял связь с семьей несколько десятилетий назад, через пару лет после того, как вернулся с войны. Никто, кроме меня, от него ни одной весточки не получил с тех пор.

– Как вы узнали о его смерти? – спросил Хотвайер.

– Я держал с ним связь.

– Он ничего не говорил о том, что с вами встречается, – сказала Клер.

– Мы виделись всего несколько раз за всю мою жизнь и только один раз с тех пор, как он перебрался в Бельмонт-Мэнор. Это случилось примерно спустя месяц после того, как он здесь поселился. Наверное, мне следовало приложить больше усилий для поддержания связи с ним. Лестер был интересным человеком.

– Да, это так, – согласилась Куини.

– Я получаю «Газету ветеранов», о которой здесь все судачат. Когда я прочел статью о нем, которую вы, мисс Ган-

тер, написали, я гораздо лучше понял своего дядю Лестера. У него были причины жить отшельником. Если он такой же, как большинство мужчин в нашей семье, то он делал это ради нас, а не ради себя. Хотел, чтобы с нами ничего не случилось.

– Да, я уверена, что все так и обстояло, – согласилась Куини. – Но вы меня ошеломили! Я и представить не могла, что у Лестера остались родственники.

– Я бы с радостью пообщался с вами, мэ. Я мог бы рассказать вам о его семье, а вы бы рассказали мне о нем. Похоже, вы знали его лучше других.

Куини печально улыбнулась.

– О да... пожалуй. За исключением разве что Клер. Она была ему как дочь.

– Он был моим близким другом, – сказала Клер. Племянник с особым вниманием взглянул на Клер.

– Я был бы вам весьма признателен, если бы вы согласились поужинать со мной и рассказать о дяде.

– Я... – Хотвайер незаметно ее ущипнул. – Может, мы могли бы поговорить об этом потом?

Племянник понял по выражению лица Хотвайера, что права на благосклонность Клер принадлежат ему. Однако улыбка техасца говорила о том, что Хотвайеру не удалось его запугать.

– приехал в город всего на пару дней. И буду вам очень признателен, если мисс Гантер и вы согласитесь составить

мне компанию за ужином.

На этот раз Хотвайер не дал шанса ответить ни одной из женщин.

– Это невозможно. У Куини другие планы, а Клер надо готовиться к экзаменам.

– Я могу заняться этим завтра, – сказала Клер.

– Я тоже могла бы отложить... – начала было Куини, но Хотвайер покачал головой и хмуро уставился на Куини, давая ей понять, что упоминать о предстоящем перелете здесь неуместно.

Обе женщины смотрели на Хотвайера хмуро, но спорить не стали.

– Вы могли бы пообщаться с... – Хотвайер нарочно затянул паузу в ожидании, пока племянник Лестера не представится.

– О, простите. – Блондин протянул руку Куини. – Этан Крейн.

– Я искренне рада познакомиться с вами, Этан. У меня такое ощущение, что мне вернули часть моего Лестера.

– Вы делаете мне честь, мэм.

– Пожалуйста, зовите меня Куини.

Этан кивнул с вежливой почтительностью.

– У вас техасский акцент, – сказал Хотвайер.

Этан приподнял бровь, давая понять, что прекрасно понимает, куда целит Хотвайер. Хотвайер собирал изначальную информацию для более глубокого поиска.

– Я родом из восточного Техаса.

– Вы и сейчас там живете?

– Нет. Я немного похож на моего дядю. – Этан чуть насмешливо прищурился. – Мне душновато в кругу семьи. Я несколько лет прожил в Вашингтоне, но в отпуск продолжаю приезжать домой.

Клер показалось, что это замечание прозвучало как упрек Лестеру, который не оказывал семье такого почтения.

– Война изменила вашего дядю. И он решил, что не стоит слишком приближать к себе людей. Поэтому так и не женился.

– Учитывая его выбор карьеры, такой шаг определенно был разумным. Когда мы с ним встретились, он назвался коммивояжером.

– Вы ему поверили? – спросил Хотвайер.

– Нет, – не задумываясь ответил Этан. – Я понял, что он говорит неправду, по его глазам.

Вероятно, таким пронизательным сделал Этана его собственный уникальный жизненный опыт.

– В каком департаменте правительства вы работаете? – как ни в чем не бывало спросил Хотвайер.

Хотвайер почувствовал, что его тоже очень тщательно оценивают и прощупывают.

– Официально? – переспросил Этан. – В государственном департаменте.

– А неофициально?

– Это было бы разглашением закрытой информации. Хотвайер кивнул. Племянник Лестера мог не сказать ему ни слова правды о том, на кого он работает, Хотвайер и без того учуял в нем профессионала.

– Вы останетесь в городе до завтрашнего вечера? – спросил Хотвайер.

– На самом деле я здесь до пятницы.

– Скажите мне, где вы остановились, и я смогу позвонить вам и договориться о том, чтобы нам втроем встретиться – вам, Клер и мне.

– А Куини?

– У нее другие планы.

– Что неудивительно для такой очаровательной леди.

Куини расцвела от комплимента, но при этом она готова была начать упрашивать Хотвайера перенести ее полет в Неваду прямо сейчас, забыв о договоренности никому ни о чем не рассказывать.

Хотвайер сдвинул брови.

– Все уже решено, Куини.

– Но с приездом Этана...

Клер повернулась к Хотвайеру. Выражение его лица было непреклонным.

– После всего того, через что прошла Куини, было бы несправедливо лишить ее возможности пообщаться с племянником Лестера.

Если этот мужчина действительно был племянником по-

койного.

Хотвайер имел возможность проверить этот факт только по возвращении в номер. Сейчас же он ничего не мог сказать.

– Мы обсудим это позже. – Хотвайер взял женщин под руки и потащил к машине.

– Где вы остановились? – спросил Хотвайер у Этана, который направился следом за ними.

– «Фениксинн», на шоссе номер 26.

– Я с вами свяжусь.

Когда они вернулись в отель, Хотвайер, чтобы пресечь все споры на корню, заявил, что перебронировал рейс Куини на пятницу, так что сегодня она никуда не летит.

Пожилая женщина так страстно бросилась изъявлять ему благодарность, что вскоре утомилась, и Клер предложила ей прилечь. Она ушла в спальню вместе с Куини, но спустя четверть часа вышла из комнаты, прикрыв за собой дверь.

– Спасибо, что взял на себя труд все переиграть на пятницу. Эта встреча с племянником Лестера очень для нее важна.

– Я понял, – с улыбкой сказал Бретт, но улыбка исчезла с его лица, когда он добавил: – Но нам следует еще найти подтверждение тому, что Этан действительно племянник Лестера, и сделать это надо до того, как Куини или кто другой из нас с ним встретится.

– Ты хочешь получить подтверждение? – Клер явно недоумевала. – же слышал, как он говорил. Техасец до мозга ко-

стей.

– Ну да, он родом из Техаса, но это еще не значит, что его семья является также и семьей Лестера. Может быть, семья Лестера и на самом деле благополучно живет в Техасе, но Этан, возможно, вовсе не является его блудным племянником, как он сказал. Он дал нам достаточно информации, чтобы мы могли проверить по компьютеру, тот ли он, за кого себя выдает. Если он действительно работает в Вашингтоне, то мои знакомые в ФБР тоже могли бы мне помочь подтвердить или опровергнуть его слова.

Клер вздохнула, и плечи ее поникли.

– О, я совсем забыла о расследовании. Мне и в голову не могло прийти, что Этан может оказаться одним из тех плохих парней.

– Я не утверждаю, что он преступник. Но он явно гораздо лучше умеет скрывать свой статус, чем тот второй ЧЧ на похоронах.

– Что за ЧЧ?

– Человек в черном. Люди в черном – правительственные агенты, которые подчищают работу других правительственных агентов, при этом оставаясь в тени.

– Я никого не заметила. – Клер говорила с некоторой досадой. То ли ей было обидно за себя, то ли за правительственных агентов.

– Я и не ожидал, что ты их узнаешь, но я счел бы себя опозоренным, если бы после стольких лет работы по контракту

с ФБР не сумел бы их распознать.

Клер села в кресло и поджала ноги, обхватив руками колени. Она успела переодеться, и теперь на ней вместо темного платья были яркий топ и шорты.

Смотреть на ее голые ноги Хотвайер без волнения не мог. Он попытался сосредоточиться на лице Клер, но губы при­тягивали взгляд и словно молили о поцелуях.

Хотвайер присел на край журнального столика.

– У нас вчера вечером не было возможности поговорить, а поговорить надо.

Клер наклонила голову и прижалась щекой к коленке.

– О чем?

Хотвайер взял пульт и включил телевизор, чтобы Куини, на случай, если она еще не спит, не услышала их голосов.

– Дом Джози обыскали.

– Я это знаю.

– Еще раз.

– Еще раз? Да ты шутишь! – Клер резко выпрямилась, она побледнела от потрясения. – А как ты узнал? Вчера, когда мы уехали, там был страшный беспорядок.

– Вчера, когда мы отправились в Бельмонт-Мэнор, я пред­принял кое-какие меры, чтобы проверить, все ли будет так по возвращении. Вещи снова передвигали.

Клер подалась вперед.

– Ты уверен?

– Да, но на этот раз дом постарались обыскать очень ак-

куратно, так чтобы никто не заметил.

– Ты провел в каждой комнате довольно много времени. Получается, ты был занят не только поиском улик и свидетельств, верно?

– Верно.

– Ты предвидел, что будет еще один обыск?

– Да, я подумал, что существует такая отдаленная возможность. На этот раз работали профессионалы.

– Люди в черном?

– Вероятно. Куини упомянула дневник киллера и в статье, и в телеинтервью. Для того чтобы вычислить, что ты была тем самым вторым человеком, кто проводил много времени с Лестером, много ума не надо.

Клер побледнела.

– Чем дальше, тем страшнее. Хотвайер покачал головой и улыбнулся.

– Страшно было узнать, что тебя чуть не задушил какой-то маньяк. Теперь же все становится намного интереснее.

Клер закрыла книгу и потерла глаза. Она занималась уже два часа. Куини все еще спала, а Бретт работал за компьютером. Он привез из дома Джози книги и тетради Клер, и теперь к ней вернулась вера в то, что она готова к первому экзамену.

Клер встала и потянулась.

– Мне надо размяться.

Бретт поднял глаза от монитора.

– Закончила с учебой?

– Пока хватит.

– История Этана выглядит правдоподобной. Мне удалось получить фотографию племянника, и он оказался действительно тем, за кого себя выдает.

– Я рада за Куини.

– Я не смог раздобыть о нем подробной информации через знакомых из ФБР, но они подтвердили, что он работает в государственном департаменте.

– Разве это не странно?

– Нет, если он один из людей в черном. Клер все никак не хотела в это верить.

– Племянник Лестера?

– Почему нет? По его же собственному признанию, он не так уж часто виделся со своим дядей. Ты можешь предложить лучшее прикрытие, чем оказаться на похоронах в качестве реального родственника?

Клер пожала плечами.

– Все это явно в духе Макиавелли⁴.

– Да, беспринципно, но зато умно. – Бретта эта ситуация явно приятно возбуждала.

– Наверное.

⁴ *Итальянский государственный деятель (1469-1527). Термин беспринципности в политике. Ему приписывается афоризм «Для достижения цели все средства хороши».*

– Я наткнулся еще на один тупик с правительством. Мои знакомые из ФБР понятия не имеют, кому может понадобиться дневник Лестера, но для меня они обещали постараться это выяснить.

Клер была разочарована.

– Я искренне рассчитывала на то, что мы сможем что-то выяснить таким путем.

– А я думаю, что Этан может помочь нам больше, чем мои знакомые.

– Ты думаешь, он расскажет нам то, что знает?

– Почему нет? У парня, который пытался тебя задушить, был план, и мы не знаем, что это за план. Однако, исходя из прошлого опыта, мы можем догадаться, каковы намерения правительства.

– Все и так ясно – замять скандал, заставить всех замолчать.

– В общем, верно. Так что Этан напрямую заинтересован в том, чтобы разрешить загадку смерти Лестера и получить дневник киллера.

– Но кто его забрал? Ты думаешь, тут есть еще и третья привлеченная сторона?

– Мы не можем исключить такую возможность. – Бретт встал и потянулся. – Я бы не отказался от разминки. На первом этаже есть тренажерный зал, в одном комплексе с сауной и бассейном.

Об этом можно было только мечтать, но у Клер внезапно

пересохло в горле. Она представила, что смотрит на играющие мышцы Бретта, и у нее закружилась голова.

– А что делать с Куини?

– Я позвоню моему сотруднику, чтобы он присмотрел за ней.

– Он что, тоже в отеле живет?

– Да.

– Почему ты нас не познакомил? Бретт выглядел немного смущенным.

– Ты хочешь познакомиться с моим сотрудником?

– Почему нет?

– А почему да?

– Мы могли бы подружиться.

– Я не хочу, чтобы ты дружила с моими сотрудниками. –

Бретт едва сдерживал раздражение. Клер была ошеломлена.

– Коллинз находится здесь на задании, а не для того, чтобы заводить новых друзей.

– Куини это не понравится. Она живет по правилу: кто не мой друг, тот мой враг. Ее чувства будут задеты, если Коллинз будет с ней холоден.

Бретт устало вздохнул.

– Он не будет с ней холоден.

– Значит, Куини может с ним подружиться, а я нет? Разговор приобрел странный оборот.

– Да.

– Почему?

– Потому.

– Почему потому?

– Потому что ты моя подруга.

– И Джозетта тоже. Но тебя не злит, что у нее, кроме тебя, есть еще друзья.

– Это другое. – Впервые Клер видела Бретта в растерянности. И даже более того.

Примерно так должен был выглядеть человек, которого пытаются каленым железом.

– Что значит другое?

– Я не хочу Джози, но я хочу тебя.

– Какое это имеет отношение к тому, чтобы познакомиться и подружиться с Коллинзом?

– Он мужчина.

– Лестер тоже.

– Коллинз молодой. Он не уродлив, и он пользуется успехом у женщин. – Бретт произнес последнюю фразу таким тоном, словно она была решающим аргументом в споре.

– И ты тоже, – напомнила Клер Хотвайеру, глядя на него с иронией.

Он явно чувствовал себя самцом, защищающим территорию. Работал нормальный мужской инстинкт, и это не означало, что Бретт испытывал к ней какие-то особенные чувства, за исключением того, что, как он сам выразился, хотел ее. Мужские особи полагают, что принадлежность к мужскому полу дает им определенные права, кроме того, он явно

был воодушевлен сознанием того, что Клер тоже его хочет и уже успела получить неизъяснимое удовольствие от его рук. И не важно, что он был категорически против устойчивых отношений.

Секунду назад они находились в разных концах комнаты, и вот Бретт уже оказался в нескольких дюймах от нее, и все его мощное тело вибрировало от напряжения.

– Ты моя, Клер.

– Какая чушь!

Он схватил в ладони ее лицо и, глядя ей глаза в глаза так, что она задохнулась от волнения, сказал:

– Ты моя. И ты это знаешь.

– То, что ты меня хочешь, еще не значит, что ты мной обладаешь, – сказала Клер и осторожно начала пятиться.

Бретт вздохнул и провел ладонью по ее лицу.

– Я не хочу тобой обладать.

– Тогда я не могу быть твоей.

– Нет, можешь. О, черт, прости на самом деле я не хочу мешать тебе заводить знакомства с другими мужчинами, но, когда ты рядом, я чувствую только зов инстинкта.

– И это тебе мешает?

– Да. Мне, по идее, должно быть все равно, познакомишься ты с Коллинзом или нет.

– Но тебе не все равно.

– Да. В наших отношениях другим не место.

– Между нами ничего нет. Бретт покачал головой.

– Ты лжешь себе, если веришь в это. Позавчера ночью у нас кое-что началось, и это не кончится, и ни один из нас не успокоится, пока мы не доведем начатое до конца.

– Секс не так уж много значит. Бретт чуть усмехнулся.

– Ты мне это повторишь после того, как мы впервые по-настоящему займемся любовью.

– Мы отвлеклись от темы.

– О чем ты?

– О том, чтобы я могла дружить с теми, с кем захочу.

– Если ты хочешь познакомиться с Коллинзом, я вас представлю, идет?

– Не слышу радости в голосе.

– Я в порядке. – Но злобный взгляд опровергал сказанное.

– Я не собственник по натуре.

– Да? Я бы сказала, что ты – самый настоящий собственник.

Бретт потряс головой, словно хотел прочистить мозги.

– Все это просто безумие. О чем мы спорим? Ты не захочешь Коллинза. Ты хочешь меня, и ты не из тех женщин, кто сразу будет играть с двумя.

– Я ни с кем не играю.

– Неправда. Ты играешь со мной.

Клер открыла рот, чтобы возразить, но Бретт не дал ей шанса. Он поцеловал ее.

Губы Бретта сминали ее губы, язык исследовал глубины ее рта... Клер задрожала.

Когда Бретт поднял голову, они оба тяжело дышали.

Глава 10

Коллинз оказался неразговорчивым угрюмым парнем, который, по мнению Клер, очень здорово походил на Нитро, но, как ни странно, его манера общаться не отвратила от него Куини. Пожилая дама была счастлива остаться с Коллинзом в номере, пока Бретт и Клер пошли размяться в тренажерный зал.

Первая часть разминки, а именно разогрев, приобрела для Клер теперь совсем иное значение. Эффект, производимый созерцанием мускулистого тела Бретта, был не просто согревающим, а скорее разжигающий. Для тренировки Бретт переделался в длинные спортивные шорты и облегающую майку. Клер не могла оторвать взгляда от его совершенного тела, она забыла обо всем на свете и едва вспоминала, что надо менять тренажеры.

– Если ты будешь вот так на меня смотреть, то разминку нам придется продолжить не здесь. – От его многообещающих протяжных интонаций Клер буквально бросило в жар.

Она с трудом отвела глаза и сказала:

– Извини.

– Не извиняйся. Просто будь готова к последствиям. Клер вновь подняла на него взгляд, и сердце ее затрепетало, когда она увидела в его глазах откровенное желание.

– Мы ничего не можем поделать. В номере Куини.

– Мы в отеле. Всегда можно снять другой номер.

– Ты готов снять еще один номер просто для того, чтобы мы могли...

Глаза его лукаво блеснули.

– Чтобы мы могли заняться любовью? Запросто. Так что не усугубляй. Я уже и так готов.

Она посмотрела на его шорты. О да, Бретт не преувеличивал.

Он усмехнулся.

– Я же говорю, что вполне готов.

– А стоит ли? Я имею в виду – заниматься любовью. Мы же не любим друг друга.

– Ты можешь называть это как угодно, но когда это случится, все твои представления о сексе перевернутся.

Скрытое обещание в его голосе заставило Клер поежиться от предвкушения, но она все же сказала:

– Я думаю, ты несколько самонадеян.

– Не думаю. Ты ясно дала понять, что не считаешь секс чем-то особенно приятным. Я собираюсь показать тебе, что секс может быть захватывающим и головокружительным, и даже более того. Таким, что у тебя слов не хватит. И я это заявляю вполне авторитетно.

Возможно, все будет так, как он говорит, но надолго ли его хватит? Клер махнула рукой на все эти сексуальные игры, потому что они, как оказалось, не заслуживали восторженных слов. Мужчины смотрят на секс совсем не так, как женщины.

Мужчины не воспринимают секс как нечто очень личностное, очень интимное. Женщина по природе своей относится к сексу по-другому. Партнер проникает в ее тело, и женщина отдает партнеру часть себя, хочет она этого или нет. Клер не знала, как другие воспринимают сексуальные контакты. Она никогда никого об этом не спрашивала. Но у нее отношение к этому вопросу выработалось вполне определенное. И выводы, которые за этим следовали, ей совсем не внушали оптимизма.

– Почему ты такой противник брака? – ляпнула она, не подумав. Клер даже не знала, хочется ли ей услышать честный ответ.

Бретт встал и направился к тренажеру с универсальными тягами. Он начал делать жимы.

– Я уже был раз обручен.

Клер прекратила делать растяжку и уставилась на Бретта, который перешел к выполнению «обратной бабочки». Она не верила собственным ушам.

– Ты был помолвлен? С твоими принципами не заводить ни с кем серьезных отношений?

– Это было давно. До того, как я выработал для себя этот принцип.

– По этой причине ты сейчас против долгосрочных отношений? – спросила Клер.

– Можно сказать и так.

Она сама не поняла, почему ей вдруг стало так больно,

Она тоже не считала, что непременно нужно выходить замуж. Она видела, как рушатся браки, видела, сколько боли причиняют друг другу бывшие супруги. Брак ее родителей не был исключением. Нет, этот путь не для нее.

И все же ей было больно услышать от Бретта признание в том, что он не собирается устанавливать с ней прочные отношения, несмотря на очевидное сексуальное желание, которое к ней испытывал.

Клер закончила растяжку и пошла на степлер. Этот тренажер был вторым в списке ее предпочтений после беговой дорожки. Клер познакомилась с этим тренажером, когда после смерти матери переехала жить в собственную квартиру. В жилом комплексе имелся тренажерный зал общего пользования. Клер не хотелось оттуда переезжать, но из-за занятий в университете рабочие часы пришлось сократить, и оплата жилья ей стала не по карману. Кончилось тем, что Клер переехала к Джозетте и нисколько об этом не пожалела.

– И что случилось? – спросила Клер, настроив сопротивления под себя.

Бретт делал «бабочку», и Клер решила, что он не собирается ей отвечать.

И вдруг он заговорил тихим и ровным голосом, не вкладывая в свои слова никаких эмоций:

– Я познакомился с ней, когда участвовал в секретной операции в отряде рейнджеров. Она работала на нас, была нашим контактным лицом из местного гражданского насе-

ления. Она не верила в идеологию своего правительства и считала, что тот режим, что существовал в их стране, плох, а ее народ заслуживает лучшего, большей стабильности. Ради этого она готова была рисковать жизнью.

Бретт замолчал, и Клер не знала, должна ли она что-то сказать или лучше просто подождать, пока он заговорит.

Бретт встал и поменял положение, чтобы дать нагрузку другой группе мышц.

– Мы почувствовали, что нас тянет друг к другу, сразу – с первого взгляда.

Как и у нее с Брехтом. Но тогда, очевидно, он испытывал к той девушке куда более серьезные чувства, нежели простое сексуальное влечение. Иначе они бы не обручились.

– Мы полюбили друг друга, и я предложил ей выйти за меня замуж. Она согласилась, но попросила подождать до завершения миссии.

– Она ставила благополучие своей страны выше личного счастья? – спросила Клер.

– Да. И поэтому я ею восхищался. Она родилась в обеспеченной семье и готова была пожертвовать собственным благополучием ради общего блага.

– Наверное, она была тебе очень полезна, если учесть ее положение в обществе.

– Да, – сказал Бретт и замолчал. Он стал выполнять новую группу силовых упражнений. – Потом все покатило к черту как раз тогда, когда мы решили, что миссия близка к

завершению. Нам приказали покинуть страну. Меня ждало другое назначение.

Клер догадывалась, что за этим последовало, но лучше бы она ошибалась.

– Тебе пришлось оставить ее.

Теперь понятно, почему Бретт ушел из рейнджеров. Из-за своей невесты.

– Я не хотел, но мое командование посчитало, что если она уедет со мной, то много других агентов окажутся раскрытыми. Я все равно попросил ее уехать со мной. Она решила дожидаться, когда я вернусь после очередного задания. Это другое задание продлилось дольше, чем я рассчитывал. Я знал, что должен за ней вернуться, но у меня были приказы, и я им подчинялся. Ее раскрыли, предали правосудию и убили за две недели до моего возвращения на базу. Я узнал об этом, только когда вернулся.

– И у тебя было чувство, что ты ее предал? – Теперь Клер стала понятна вся эта его риторика насчет превалирования долга.

– Да, я ее предал.

– Я так не думаю. Она знала, чем рискует, оставаясь в стране. К тому же у нее были связи, ты сам говорил. Она могла бы выехать из страны, если бы захотела.

– Как раз когда она пыталась выехать, ее и схватили.

– Ты в этом не виноват.

– Я смотрю на это по-другому.

– Ты не Господь Бог, Бретт. Ты не мог знать, что ее раскроют до того, как завершится твоя миссия.

– Но риск был.

– И она знала о том, что рискует, и она сама принимала решения.

– Я должен был защитить ее.

– Ты пытался.

– Видать, не слишком сильно.

Клер покачала головой. Хотела бы она помочь ему, но понимала, что это бесполезно.

– Мне жаль, – сказала Клер, вкладывая в эту фразу нечто гораздо большее, чем сожаление о преждевременной смерти молодой женщины.

– Мне тоже. Она была особенная. Очень умная. Иногда рядом с ней я чувствовал себя полным дураком.

Клер не могла представить, что такое возможно.

– По твоим словам, она была просто ошеломляюще хороша, – сказала Клер, с трудом пряча непрошеные слезы.

– Да, она была такой. И сейчас заслуживает того, чтобы о ней помнили.

И вдруг все разрозненные кусочки мозаики сложились, и все обрело новый смысл – то, что он ушел из армии, то, что он был настроен против брака и даже против прочных незарегистрированных отношений.

– Ты дал клятву не жениться в знак памяти о ней?

– Да.

Он превратил себя в живой мемориал мертвой женщине. Значит, она, Клер, никогда не станет для него чем-то большим, чем просто подругой, к которой он испытывает влечение. Даже если Бретт не собирался хранить верность умершей невесте, ей, Клер, никогда не достичь ее совершенства.

Бретт договорился с Этаном о встрече в маленьком итальянском ресторанчике на западной стороне. Спокойная атмосфера и много свободного пространства между столиками – все это делало ресторан весьма удобным местом для того серьезного разговора, который Бретт собирался повести с племянником Лестера.

За главным блюдом Куини рассказывала о Лестере то, что успела о нем узнать, а Этан делился сведениями о семье покойного.

– Когда он перестал писать и отвечать на письма, это сильно обидело его братьев и сестер? – спросила Клер, и глаза ее были полны теплой симпатии к людям, которых она никогда не видела.

– К тому времени, как я родился, они, пожалуй, уже успели свыкнуться с этим фактом. Я не помню, чтобы о нем когда-то плохо отзывались. На самом деле он всегда выступал в роли загадочного героя войны во всех тех небылицах, что сочиняли мы с двоюродными братьями.

Куини улыбнулась.

– Лестеру было бы приятно об этом узнать. Он не хотел, чтобы до семьи дошло, чем он занимается.

– И все же он не возражал против того, чтобы вы написали о нем статью?

Куини выглядела виноватой.

– Он сказал, что не против. Но я-то знала, что он уже был немного не в себе. – У нее сорвался голос, и ей пришлось обратиться с духом, чтобы продолжить: – Я хотела разоблачить лицемерие правительства, а Лестер заплатил за это жизнью. Я не была готова к тому, что это произойдет.

Хотвайер заметил, как блеснули интересом глаза Этана.

– Что вы имели в виду, когда сказали, что статья стоила Лестеру жизни?

– Я убила его. Я убила моего Лестера. – Голос Куини задрожал, и глаза ее наполнились слезами. Слезы полились по морщинистым щекам.

Клер накрыла руку Куини своей. Она страдала не меньше пожилой леди.

– Не говорите так. Это неправда.

– Но он был бы жив, если бы я не написала эту статью.

– Вы не знаете, что послужило толчком к этому убийству. Вы не можете знать. Мы – не единственные, кто часто встречался с Лестером. Медсестры, ординаторы и даже врачи могли знать тайну его прошлого. Последнее время он часто говорил на эту тему.

– Он рассказывал и другим? – спросил Этан, и Хотвайер отметил почти незаметное изменение интонации. Хотя женщины едва ли уловили эту перемену.

Но Хотвайеру был знаком этот тон. Тон опытного специалиста по дознанию.

Клер взглянула на него. Она продолжала поглаживать Куини по руке.

– Да, на самом деле трудно сказать, сколько еще людей слышали об этом от самого Лестера. Любой, кто общался с ним, мог узнать его тайну.

– Но убило его правительство, – убежденно заключила Куини.

– Вы считаете, что в смерти моего дяди виновато правительство?

Куини энергично закивала, несмотря на слезы на щеках и печаль, окутывавшую ее, словно мантия.

– Они не хотели, чтобы их тайны раскрылись.

– Но мне показалось, что вы их уже раскрыли.

– Я не говорила обо всем в подробностях. Лестер попросил меня не писать лишнего. – Губы Куини задрожали, но она сделала глубокий вдох и продолжила: – И не забывайте про его дневник.

Этан прищурился.

– У вас есть его дневник?

– Господи, конечно, нет. Если бы он у меня был, я бы уже давно его опубликовала! – Куини вздохнула с сожалением. – Его украли. Я уверена, что эта кража тоже дело рук правительства.

– Я работаю в государственном департаменте, мисс Ган-

тер, и я уверяю вас, что у нас нет привычки убивать граждан и красть их собственность.

Пожилая дама презрительно взглянула на Этана.

– Куини, прошу вас... – начала было Клер, но Куини ее перебила:

– И я уверена, что ваша работа в правительстве, мой милый мальчик, в этом не состоит, но дневник Лестера неопровержимо свидетельствует в пользу того, что некоторые правительственные агентства именно этим и занимаются.

– Во время «холодной войны» действительно существовали организации, которые были наделены существенной автономией и работа которых была очень надежно засекречена.

– Вы считаете, что сейчас таких организаций нет?

– Может, и есть, – не слишком охотно согласился Этан, – но связи с правительственными агентствами двадцатилетней, а то и большей давности, едва ли можно считать угрозой национальной безопасности сегодняшней Америки.

– Хотите сказать, что правительство не питает к этому дневнику ни малейшего интереса?

– Нет, я этого не говорил. Я просто не считаю, что они его выкрали. Дядя Лестер был ветераном войны. Если бы правительство захотело заставить его избавиться от этого дневника, оно бы в первую очередь попыталось воззвать к его чувству патриотизма.

– Ну что же, я вижу, что вас не переубедить. – По тону Куини было ясно, что ее мнение в корне отличается от мне-

ния Этана.

Хотвайер не мог сдерживать улыбку. Эта женщина была настоящим бойцом. Но улыбка исчезла с губ Хотвайера, когда Этан обернулся к нему и, пристально глядя в глаза, спросил:

– Вы думаете, что Лестера убили?

– Я думаю, это вполне возможно. Правительство не было его единственным клиентом.

– Вскрытия не было.

– Сердечный приступ приводит к смерти в большинстве случаев, когда больному перевалило за восемьдесят.

– Но вы в это не верите.

– Нет.

– Лестер был кремирован, так что проверить, от чего он умер, не представляется возможным.

– Даже если бы сделали вскрытие, существует масса возможностей спровоцировать сердечный приступ, причем для того, чтобы вызвать инфаркт, вполне можно воспользоваться тем препаратом, который невозможно определить в крови.

– Это верно. – Этан откинулся на спинку стула, не сводя глаз с Хотвайера. – И вы считаете, что тут не обошлось без правительства?

– У меня есть серьезные основания предполагать, что к убийству имеет отношение частное лицо, потому что по собственному опыту знаю: «служивые» люди ведут себя по-другому. А вот человек, не имеющий отношения к военным

службам, может натворить бед и убить человека, даже не потрудившись проверить, на месте ли такой важный документ, как дневник киллера.

– Откуда вы знаете, что убивший Лестера не забрал дневник с собой? – спросил Этан.

Хотвайер не видел необходимости в том, чтобы и дальше скрывать информацию от Этана или от Куини. Куини вскоре будет в Неваде, где ее склонность к драме не повредит расследованию и не лишит ее жизни. А если Этан действительно агент, то ему не составит труда выяснить истину по полицейским протоколам.

– Знать я не могу, могу лишь предполагать. И мои предположения основаны на том, что он обыскал дом Клер, пытаясь найти дневник. И еще, если бы правительство уже располагало этой книгой, то им не пришлось бы делать второй обыск.

– Ты не можешь утверждать, что второй обыск совершили правительственные агенты, – сказала Клер.

Хотвайер перегнулся через стол и прикоснулся к локону у виска Клер, заправив его за ухо.

– Нет, не могу. Но даже если тут поработал еще один непрофессионал, я полагаю, что дневник пропал до того, как смог оказаться в руках заинтересованной стороны.

– Но как такое могло случиться?

– Возможно, Лестер его спрятал.

– Но он попросил Куини помочь ему найти эту тетрадь.

– Он страдал старческим слабоумием, моя милая. Даже если он и спрятал ее, он мог об этом забыть.

– Значит, вы считаете, что дневник где-то рядом и ждет, пока его отыщут? – спросил Этан.

– Да. А теперь ответьте на мой вопрос, – сказал Хотвайер, пристально глядя на Этана. – Вы сейчас на задании?

Этан усмехнулся.

– Даже если бы я был на задании, я бы вам не сказал. Я мог бы солгать, но зачем? В этом нет смысла. Я не на задании, и я не знаю, на какое агентство работают те двое в костюмах, что были на похоронах. Я бы сказал, что они возбудили во мне любопытство, и подозрительность Куини прояснила для меня несколько моментов.

– Как вы верно заметили, возможно, вы и не говорите правду.

– Я не лгу.

Но жизнь научила Хотвайера не верить никому на его во. Тех, кому он мог доверять, можно было по пальцам пересчитать.

– Вы думаете, Этан один из правительственных агентов?! – расширив от ужаса глаза, воскликнула Куини.

– Он и есть правительственный агент.

– Но над этим делом я не работаю.

– В это трудно поверить. Я слышу профессиональный интерес.

– Лестер был моим родственником. Если он был убит, я

хочу выяснить, кто это сделал.

Куини судорожно вздохнула, словно до нее только что дошло что-то важное.

– Твой дом обыскивали, Клер?

– Еще как. Там все переворошили.

– Неужели? – удивился Этан.

– Спросите Бретта. Он специалист по таким делам.

– В самом деле?

– Да, – коротко ответил Хотвайер.

– Чем именно занимаетесь?

– Вы хотите сказать, что еще не наводили обо мне справок?

– Если вы работаете на правительство, то вы в самом деле глубоко закопались.

– Я – свободный художник. Этан медленно кивнул.

– Тогда понятно.

Клер бросилась объяснять про консалтинговую фирму, которую открыл Бретт с друзьями. Хотвайер слушал ее с насмешливой и немного удивленной улыбкой. Она говорила о нем, словно о герое вестерна. Хотвайер покачал головой: эта женщина явно смотрела на жизнь сквозь розовые очки.

– Итак, вы уже знаете, какой именно департамент ищет дневник? – спросил его Этан.

– Нет. До моих приятелей в ФБР не доходили даже слухи о том, что кто-то интересуется Лестером Уилсоном или киллером Арваном.

– Боже мой, я и представить себе не могла, что вы так продвинулись в расследовании, – сказала Куини.

Хотвайер пожал плечами.

– Мои усилия мало к чему привели. Вы помните, как называлось то агентство, что давало Арвану работу?

– В его дневнике не было никаких организаций. Только имена тех, с кем он контактировал. Дайте подумать. – Куини победно щелкнула пальцем по подбородку. – Алвин Торп. Его звали Алвин Торп. Лестер говорил, что они вместе служили на войне.

Бретт усмехнулся с мрачным удовлетворением. Имя – это уже кое-что.

– Я могу выяснить, на кого работал Торп, – сказал Этан.

– Отлично. – Однако Хотвайер все еще сомневался, что может доверить проверку Этану.

– Если хотите, потом сравним полученные сведения, – сказал Этан, давая понять Бретту, что догадывается о его сомнениях.

– Это было бы замечательно, – с улыбкой подытожила Клер. – Я думаю, сейчас, когда расследование ведут двое, нам будет легче управлять ситуацией.

– А мне одному ты не доверяешь? – спросил Хотвайер. Клер закатила глаза.

– Прошу тебя, перестань. Ты всегда говорил, что страховка – вещь хорошая, когда ты на задании.

– Ты рассматриваешь это как задание?

– А ты нет?

– Нет. Я смотрю на это как на что-то личное. – Бретт бросил на Клер многозначительный взгляд. – Очень личное.

Ее красивые карие глаза округлились от удивления и смущения, и, черт возьми, она даже покраснела.

– Вот как?

Он хотел перегнуться через стол и поцеловать ее в губы, которые она так соблазнительно надула. Впереди маячила еще одна ночь на раскладушке, и Бретт выругался про себя. Зря он согласился перенести отлет Куини в Неваду на следующий день.

Перед тем как отвезти дам в отель, Бретт обменялся с Этаном контактной информацией.

– Жаль, что Этан должен возвращаться в Вашингтон, – с грустью заметила Куини, когда они все трое сели в машину.

– Он должен возвращаться на работу, – сказала Клер.

– Может, он еще приедет меня навестить.

– Почему бы нет? Вы – его единственная связь с дядей, которого он никогда не знал, но который всегда вызывал у него интерес, – сказала Клер, желая угодить своей пожилой приятельнице.

– Думаю, ты права, – просияла Куини и косо взглянула на Хотвайера. – Почему вы не рассказали мне о взломе в доме Клер?

– Не хотели вас расстраивать, – поспешила ответить Клер.

– И чем меньше вы знаете, тем лучше для вас, – сказал

Хотвайер. Он не сомневался, что она поймет его слова правильно.

– Да, конечно, – согласилась Куини. – Невозможно заставить человека выдать то, что он не знает.

– Что-то в этом роде.

Клер нервно заерзала на сиденье. Бретт все утро бросал на нее жаркие взгляды, но когда они проводили Куини в аэропорт в сопровождении молчуна Коллинза, эти взгляды стали прямо огненными.

Клер облизнула губы.

– Хм, какие у нас на сегодня планы? Я подумала, может, ты мог бы подвезти меня в библиотеку. Я бы там позанималась.

Бретт не верил своим ушам.

– Я никуда тебя от себя не отпущу.

– Преступники все равно не знают, где я, и я сильно сомневаюсь, что меня стали бы искать в библиотеке.

– Если тебе надо заниматься...

– Надо.

– Тогда ты могла бы позаниматься в отеле.

– Пока это не очень получается. – Клер никак не могла сосредоточиться на учебе. Присутствие Бретта сильно отвлекло ее от занятий.

– Почему?

– Там здорово отвлекаешься.

– В номере отеля?

– Когда в нем ты.

Глава 11

– Я отвлекаю тебя, Клер?

– Да. На самом деле я немало потрудилась, чтобы закончить учебу в этом семестре, и я не хочу, чтобы мои труды пропали. Не хочу завалить экзамены.

– Этого не произойдет.

– Если я не буду заниматься – произойдет.

– Тебе это так важно? – В голосе Хотвайера послышалась крайняя степень недоверия.

– Вижу, тебе трудно меня понять.

– Зная, какая ты сообразительная, – трудно.

– Это не главное.

– Не это? Тогда что?

– Я не хочу повторить путь моей матери. Когда мой отец умер, она просто раскисла, развалилась на куски. И дело было не только в том, что отец покончил жизнь самоубийством. Мама ничего не умела – у нее не было ни деловой хватки, ни профессионального образования. Когда мы все потеряли, она запила, вместо того чтобы попытаться чего-то добиться в жизни. И я не хочу стать такой, как она.

– Ты уже многого добилась, моя сладкая.

– Я хочу добиться большего. Преуспеть в жизни. Я не собираюсь быть среди середнячков.

– Иными словами, ты хочешь все силы бросить на экза-

меня?

– Да.

В мгновение ока сексуальный огонь во взгляде Хотвайера значительно поубавился и лицо его приняло дежурное рабочее выражение.

– Я тебе помогу.

– Но я...

– Доверься мне.

– Мне не надо помогать, меня просто не надо отвлекать.

– Ты ведь хотела, чтобы я принял помощь Этана в расследовании? – спросил он тоном, который ясно давал понять, что ему не слишком хотелось принимать эту помощь.

– Да.

– Почему я это сделал, по-твоему?

Клер сдвинула брови, не понимая, зачем он задал этот вопрос.

– Чтобы повысить наши шансы на успех.

– Да. Так же как я хочу повысить твои шансы на успех,

Клер.

– Это значит?

– Это значит, что раз тебе важно хорошо сдать экзамены, то для меня это тоже важно. Неделька у тебя была та еще, и все перипетии этой недели могли отрицательно сказаться на твоей способности учиться. Может, ты даже забыла то, что знала. Не важно, понимаешь ты это или нет, но моя помощь тебе однозначно пригодится.

– Но у тебя своей работы хватает. Ты же не можешь стать мне нянькой на все время выпускных экзаменов.

– Это не называется стать нянькой, это называется помочь другу. И я не собираюсь высаживать тебя у библиотеки, чтобы ты там одна училась. Так что предлагаю на выбор: либо ты учишься со мной, либо без меня, но в моем присутствии.

– Тебе будет скучно, – проворчала Клер. Хотвайер разок взглянул на нее, потом перевел взгляд на дорогу. Клер было знакомо это упрямое выражение лица.

– Выбирай, – повторил он.

– Думаю, мы можем попробовать учиться вместе, – с сомнением в голосе сказала Клер. Она не представляла, каким образом совместные занятия с Бреттом помогут ей сосредоточиться на учебе, но спорить не стала.

Но Клер ошибалась в нем. Бретт оказался отличным товарищем по учебе. Он знал по каждому из предметов не меньше ее, а иногда и больше. Даже если он и не учился в университете – вместо университетов у него была военная служба, он знал, как вымуштровывать ее перед экзаменами, знал, как легче запоминать важное.

Бретт полностью отказался от всяких намеков на возможные интимные отношения между ними, он точно угадывал, когда ей надо было сделать перерыв на еду или на то, чтобы размяться, или просто часок посмотреть телевизор. Он мог рассмешить Клер тогда, когда она в этом нуждалась, а когда ей нужна была тишина, часами молчал.

Бретт много времени проводил за компьютером, много общался по телефону, чтобы выйти на след убийцы Лестера. Однако он наотрез отказался делиться с Клер информацией о расследовании. Он сказал, что не собирается давать ей никакой пиши к размышлениям до тех пор, пока она не сдаст экзамены. И тогда Клер стала мечтать, чтобы эти экзамены уже поскорее остались позади.

Она была признательна Бретту за все, что он для нее сделал, и только благодаря ему она смогла выбросить из головы все, кроме учебы. Вот так пролетели выходные.

Клер дописала последнее предложение и положила карандаш на стол. Все, последний экзамен сдан. Один экзамен она сдала во вторник, два позавчера, а этот тест был последним.

Клер посмотрела на часы и увидела, что ей потребовалась половина отведенного на тест времени. Клер усмехнулась. Она трудилась всего сорок пять минут, но была уверена во всех ответах. Бретт так ее надрессировал, что она могла бы и во сне дать ответ на любой вопрос.

Клер встала из-за стола с приятным чувством законченного дела. Она не просто сдала все экзамены, она была уверена, что сдала все на «отлично». Никаких сбоев.

Неплохо для дочери человека, который оказался слишком слабым и который сломался перед лицом финансовой катастрофы. Неплохо для дочери той, кто пряталась от жизненных проблем, запивая горе алкоголем. С победным чувством Клер положила заполненный экзаменационный бланк

на стол профессору.

– Уже закончила? – спросил он.

– Да.

– Поздравляю. Уверен, что работа, как всегда, выполнена превосходно.

Клер улыбнулась.

– Спасибо. Профессор замахал руками:

– Не надо меня благодарить. Я не делаю комплиментов. Я в них не верю. Правда, и только правда Клер шла в уборную с улыбкой на губах. На завтрак она выпила две чашки кофе и стакан сока.

Бретта придется ждать еще минут пятнадцать, не меньше. Он все время приезжал за ней на полчаса раньше. Клер просила его не делать этого, но он говорил, что не хочет оставлять ее одну. В это время в университете народу было немного, но некоторые профессора продолжали работать в свои обычные часы.

Клер застегивала молнию на джинсах, когда свет в туалете внезапно погас и вокруг стало черным-черно.

Клер подавила желание закричать от страха и замерла. Это что: неполадки в подаче электроэнергии или... По спине Клер побежали мурашки. Интуиция подсказывала, что скорее это второе.

Клер даже не знала, что в иных ситуациях лучше действовать сразу. Никогда не приходилось ей об этом задумываться. Не размышляя, она неслышно нагнулась и перебралась

по полу в другую кабинку. Эта кабинка была предназначена для инвалидов и потому была просторнее других, хотя в ней тоже было абсолютно темно. Клер медленно поднялась на ноги и прислушалась. Она ничего не могла слышать из-за громко урчащего бачка – после спуска в него набиралась вода. Можно было только поблагодарить конструкторов унитазов за то, что бачок так долго наполняется.

Клер стала осторожно пробираться из кабинки в коридор. Она двигалась очень медленно и очень тихо – ей не хотелось испугать того, кто находился с ней в туалете. Клер прислонилась к стене. Во-первых, чтобы собраться с духом, и во-вторых, чтобы не натолкнуться на преследователя.

Она как раз пробиралась под раковинами вдоль стены, когда дверь в ту кабинку, где она была, распахнулась. Клер не знала, как ее удалось отпереть снаружи, но выяснять этот вопрос сейчас она не собиралась.

Вода перестала журчать, и в тишине Клер услышала шорох, а затем приглушенное ругательство. Преследователь обнаружил, что ее там нет. Пора было выбираться из туалета.

– Я знаю, что вы тут, мисс Шарп, вам не уйти. – Грозный мужской голос доносился справа, а выход был слева от нее.

Аллилуйя!

Не колеблясь ни секунды, Клер распрямилась и бросилась в том направлении, где, как она рассчитывала, находилась дверь. Она вначале промахнулась и ударилась в темноте о твердую стену, но, раскинув руки, быстро нащупала дверь.

Клер уже взялась за ручку, но в тот же миг кто-то схватил ее. Клер завизжала что есть мочи, и тогда рука в перчатке зажала ей рот.

– Не надо было этого делать.

Клер укусила руку в перчатке, и мужчина грязно выругался. И в этот момент Клер изо всех сил двинула его локтем в грудь.

Он крикнул, но не отпустил ее.

– Успокойся. Я не причиню тебе зла.

Клер не поверила этому обещанию. Тот, кто не хотел причинять ей зла, не стал бы охотиться за ней в темном туалете. Клер отчаянно пыталась вырваться, но тут ей пришло в голову, что можно ударить ногой в дверь. И она стала колотить по двери, стараясь при этом произвести как можно больше шума.

Мужчина оттащил ее от двери, но тут Клер почувствовала его страх. Страх этот был материален, он проявлял себя в неприятном резком запахе.

– Мне нужен дневник.

Клер попыталась снова укусить мужчину, но он сжал ей челюсти, и она лягнула его ногой. Он делал ей больно.

– Скажи мне, где дневник киллера. Я знаю, что он у тебя. Клер энергично закивала, и он убрал руку от ее рта. Она снова завизжала, на этот раз постаравшись увернуться от его руки на пару секунд.

Кто-то должен был ее услышать.

Напавший на нее человек, должно быть, подумал о том же, потому что грубо швырнул ее на пол и побежал. Дверь открылась, и некто в лыжной маске выскочил в коридор. Клер поднялась на ноги и бросилась за мужчиной, но когда она выскочила за дверь, то никого не обнаружила. Рядом с дверью в туалет была другая дверь, ведущая во двор, и еще несколько – в кабинеты и другое крыло. Злоумышленник мог выйти в любую из них. Первое, что пришло в голову, – это выскочить во двор. Но увы, человека в лыжной маске нигде не было видно. На самом деле во дворе вообще никого не было.

Клер огляделась. Черт! Она упустила время, и теперь наверняка его уже не догнать.

Клер вернулась в здание. В голове стучало. Разочарование и досада мешались со страхом.

– Клер, что ты тут делаешь? – Ее позвал Бретт.

Она стремительно обернулась на его голос и увидела, как он скривился. Она еще ни разу не слышала, чтобы он так ругался.

– Что с тобой случилось? – требовательно спросил он, положив ей руки на плечи.

Клер рассказала ему все, и Бретт велел ей снова вернуться в туалет.

– Там он не станет тебя искать. Наверняка решил, что ты убежала. – Клер кивнула. – А я пойду посмотрю вокруг. Может, мне удастся если не поймать его, то хоть увидеть.

Клер снова кивнула. Голосу она не доверяла.

Клер вернулась в туалет, включив по дороге свет. Она сомневалась, что Бретт его найдет.

Клер, не торопясь, вымыла руки и лицо. Можно представить, сколько микробов она собрала, ползая по полу туалета. Клер передернуло при этой мысли. Как ни странно, жизнь с матерью не сделала ее терпимой к грязи, а наоборот.

Бретт вернулся через пару минут и зашел напрямик в дамскую комнату.

Вид у него был деловой, лицо сосредоточенное.

– Я никого не увидел. Давай поговорим с теми, кто мог его встретить в здании. Может, кому-то повезло больше, чем мне.

– Ладно. – Клер пошла к выходу, но Бретт остановил ее. Он заботливо ощупал ее лицо, заглянул в глаза.

– Ты в порядке?

– Я скоро буду писать инструкции о том, как надо себя вести, когда на тебя нападают в темноте, – со слабой улыбкой сказала Клер.

Бретт покачал головой, улыбнулся одними губами.

– Ты настоящий боец, ты знаешь об этом? Похвала согрела ей сердце. Только сейчас она почувствовала, что ее всю колотит. Клер вышла следом за Бреттом в коридор. Через пятнадцать минут она поняла, почему никто не отозвался на ее крик. Здание оказалось почти пустым, и ее профессор был единственным, кто работал в этот день, да и тот с головой погрузился в свои дела.

На территории университета тоже почти никого не было, хотя и располагался он в центре города. Те несколько человек, которых Бретт остановил, сказали, что не видели никого подозрительного, никого, отвечающего тому описанию, что дал Бретт.

Уже в машине Бретт с недовольным видом спросил Клер:

– Почему тебя не было в аудитории?

– Я дописала тест и вышла в туалет. Я и понятия не имела, что в здании так пусто, – запальчиво добавила она. – Кроме того, откуда я могла догадаться, что преступники знают, что я сегодня сдаю экзамен?

– Это ведь не государственная тайна. Мы с тобой оба должны были предвидеть, что подобное возможно.

– Я думала, ты уже предусмотрел такую возможность и поэтому возил меня на экзамены на машине и приезжал забирать.

– Это просто обычные меры предосторожности. Клер прикусила губу, чтобы не улыбнуться. Бретт все равно не увидел бы в своем ответе ничего смешного. Просто у нее было довольно своеобразное чувство юмора. Но ей показалось довольно забавным, причем приятно забавным, то, что он не ожидал беды и в то же время вел себя так, словно ожидал, и был зол на себя за то, что упустил преследователя Клер.

Это к вопросу о комплексе отличника. О да, Бретт вполне вписывался в свой семейный круг.

Бретт завел машину и выехал на дорогу.

Он то и дело поглядывал в зеркало заднего вида.

– За нами погоня?

– Нет, насколько я могу судить, но, просто на всякий случай, я не поеду прямо в отель.

– Ладно. Почему бы нам не заехать куда-нибудь и не отметить сдачу моего последнего экзамена?

– А ты уверена, что сдала его? – поддразнил Бретт.

– Благодаря твоей помощи я не сомневаюсь, что сдала его на высший балл. – Клер повернулась так, чтобы видеть его лицо. У него был такой умопомрачительный профиль! – Я на самом деле хочу тебя поблагодарить за понимание.

– Брось, зачем нужны друзья, если не для этого?

– Если следовать твоей логике, друзья нужны, чтобы обеспечивать успех друзьям.

Бретт усмехнулся и посмотрел на Клер долгим взглядом.

– Куда поедем?

– В восточной части города есть вьетнамский ресторан.

Если кто-то за нами следит, мы его точно запутаем, потому что наш отель как раз на западе Портленда.

– У меня есть предложение еще лучше. До пляжа всего полтора часа езды. Если ты ничего не имеешь против китайской кухни, то в Линкольн-Сити есть отличный китайский ресторан.

– Превосходная мысль. – И правда, превосходная. Они наконец смогут отвлечься от событий, связанных со смертью Лестера. – После еды отправимся гулять по пляжу?

– Конечно. Я даже тебе воздушного змея куплю.

– А ты когда-нибудь запускал змея?

– Нет, но не думаю, что это так уж трудно. Клер улыбнулась.

– Для этого тоже нужно кое-какое умение. Во всем своя техника. Тебе повезло, я ее усвоила.

– Ты можешь меня научить.

– С удовольствием.

– Именно удовольствие я и хочу тебе доставить, – сказал он с сексуальной хрипотцой в голосе, и от этого голоса бедра Клер сжались и она стала таять изнутри. И вдруг сексуальное напряжение стало стремительно нарастать, достигая еще большей силы. Казалось, что во всем, о чем бы они ни говорили, в каждом взгляде, в каждом жесте был второй, сакральный смысл, хотя говорили они о вещах вполне невинных – об экзаменах и о том, каких оценок она ждет.

Настоящая китайская кухня, такая как в Линкольн-Сити, стоила того, чтобы провести полтора часа в машине, не говоря уже об ожидавшей их прогулке по пляжу. Они оба ели палочками, и Бретт все время смеялся, глядя, как кусочки овощей то и дело соскальзывают с палочек Клер. Только с пятой попытки ей удалось донести их до рта.

Наконец, Бретт перегнулся через стол и принялся кормить Клер со своих палочек. Неудивительно, что в процессе кормления сексуальное напряжение стало сгущаться до почти осязаемой густоты.

– Ты здорово с ними управляешься, – тихо сказала Клер после того, как Бретт скормил ей очередной кусочек.

– Я много времени провел на Востоке.

– В качестве рейнджера или контрактника?

– И того и другого. – Взгляд Бретта ласкал не менее ощутимо, как если бы он ласкал ее руками.

Клер старалась подавить дрожь и наклонила голову, чтобы глотнуть чаю.

Бретт как-то незаметно для себя пришел к выводу, что секс между ними неизбежен – вопреки тому, что он сказал Клер на свадьбе Джози. И раньше ее система самозащиты против него плохо работала, а теперь он окончательно ее сломал.

– С занятиями теперь покончено, верно? – спросил он бархатным голосом, ласкающим ее изнутри.

– Да...

– Пора, Клер.

Так, словно она точно знала, чему настала пора. Когда Клер подняла глаза Бретта, он смотрел на нее словно азиатский тигр, схвативший свою добычу.

– Расскажи мне про расследование, – сказала Клер, внезапно придумав тему. – Ты обещал, что расскажешь, когда я сдам экзамены.

Не изменив выражения лица, Бретт откинулся на спинку стула.

– Ладно, но тебе не удастся надолго увести меня с курса.

Этан выяснил, на какое агентство работал Торп. Однако эта служба была упразднена двадцать лет назад.

– Тогда что делали на кремации люди в черном?

– Кто-то, кто знал о том агентстве и о работе на него Арвана, должно быть, слышал обвинения Куини.

– Ты думаешь, они знали, что Лестер и Арван – один и тот же человек?

– Возможно. У него была длинная карьера, и кто-то из работавших в том агентстве, когда его расформировали, мог быть намного моложе Лестера. Вполне вероятно, что кто-то из бывших служащих того агентства сейчас работает на другое агентство и занимает там достаточно высокий пост. И он не хочет, чтобы достоянием гласности стали некоторые факты из прошлого, которые могли бы его скомпрометировать.

– Но кто он такой? Или он не один, их много?

– Мы еще не знаем.

– Ты думаешь, что среди них мог быть тот, кто напал на меня в туалете?

– Я и этого точно не знаю. Этот поступок был либо поступком настоящего профессионала, либо... совершенно идиотский шаг. Как ты думаешь, это был тот же человек, что пытался тебя задушить?

– Судя по его сложению, возможно. Но то же можно сказать о большей части мужского населения, за исключением тебя, разумеется.

– Я – исключение?

– У тебя тело греческого бога, и не пытайся сделать вид, что ты этого не знаешь.

Он засмеялся, и Клер улыбнулась в ответ.

– Он снова был в лыжной маске, и я не видела его лица. Я не могу сказать, были ли его глаза того же цвета, как у того, что меня душил. От этого парня несло потом, и, знаешь, что я припоминаю... Тот, кто душил меня, пользовался дорогим одеколоном. Таким же, как у моего профессора. Может, и тот, в туалете, тоже им пользовался, но запах пота все перебивал.

– Ты можешь назвать марку одеколona?

– Не знаю. Но я могу спросить у профессора.

– Это будет, что называется, выстрел наугад, и мы не знаем, приведет ли нас это к чему-то, но попробовать стоит.

– Почему тот, в уборной, решил, что дневник у меня? Он уже перерыл мой дом.

Бретт пожал плечами.

– Наверное, он просто отчаялся и пытается ухватиться за последнюю соломинку.

– Он сказал, что знает, что дневник у меня. Знает буквально.

– А ты уверена, что у тебя его нет? Клер закатила глаза.

– Ладно. Ты думаешь, я могла бы забыть о том, что Лестер дал мне что-то столь значительное? Я никогда не видела этого дневника. – И тут вдруг ее озарило. Она вспомнила, что видела на коленях у Лестера общую тетрадь. – Он мог

бы делать свои записи в простой общей тетради?

В глазах Бретта вспыхнул интерес.

– Почему нет? Такую тетрадь было бы куда проще прятать, чем переплетенный в кожу фолиант. А почему ты спрашиваешь? Ты ее видела?

– Возможно. Однажды я заметила у него на коленях раскрытую и перевернутую обложкой вверх тетрадь. Это было как-то ночью, когда он вызвал меня поговорить. Только сейчас я это вспомнила. А тогда еще подумала: толстая школьная тетрадь на коленях у старика. Но он мне ее не давал.

– Ты права. Этого бы ты не забыла.

Они закончили есть, и Бретт повел ее в лавку, где продавали воздушных змеев.

Клер пару раз бывала в таких лавках, но Фанни, ее бабушка, всегда покупала воздушных змеев для внучки в магазинах уцененных товаров. А здесь был такой красочный, такой богатый выбор! Клер смотрела на все это великолепие как замороженная. Змеи свисали с потолка и облепляли стены, словно нейлоновые обои. Устрашающий скелет висел рядом со змеем с головой в виде многогранника, на каждой грани которого было изображено по популярному герою мультфильмов.

Как в жизни. Радость соседствует с печалью, счастье с горем и болью.

– У тебя задумчивый вид, – сказал Бретт.

Клер пожала плечами.

– Не самое лучшее место для философских размышлений, верно?

– Не знаю. На меня нападали философские мысли и в более неподходящих местах.

Клер усмехнулась.

– Догадываюсь.

Хозяйка лавки, полная низенькая женщина с волнистыми седыми волосами, подошла к ним:

– Помочь вам выбрать?

Узнав, что Бретт никогда не запускал змея, она попыталась склонить их с Клер к покупке моделей для начинающих, но Бретта заворожили змеи с головой в форме бриллианта, в особенности тот, на котором был изображен дракон с ужасно длинным хвостом.

– Змеи в форме дельтапланов и коробчатые легче поднять в воздух новичку, – сказала продавщица.

– А как насчет этого? – спросил Бретт, указав на копию аэроплана братьев Райт.

Клер недовольно скривила губы.

– Тебе не нравится?

– Мы хотели расслабиться. Мы не собираемся устраивать битву змеев на пляже. Этого змея мы будем только собирать битых два часа, а когда возьмемся запускать, уже солнце сядет.

– Тогда, может, нам стоит провести ночь где-нибудь поблизости, а змеев начнем запускать с утра?

Клер покачала головой и выбрала змея в форме дельтаплана. Он был очень нарядный и напоминал бабочку с несколькими хвостами.

– Мне этот нравится.

– Этот чересчур девчачий, – сказал Бретт, поджав губы.

– Мы ведь празднуем сдачу моих экзаменов, ты помнишь?

– Да, – опасливо согласился он, понимая, куда она клонит.

– Мне нравится девчачий.

Бретт поворчал, но все же купил ей розово-лилового змея-бабочку, а себе все равно выбрал змея с эмблемой дракона.

Глава 12

Несмотря на прохладный ветер, солнце жгло изо всех сил. Бретту пришлось выехать за город, чтобы поставить машину, – парковка в черте города в районе пляжа была забита.

Тропинка между острыми скалами и дюнами была узкой, и Клер была рада тому, что не оставила туфли в машине, как хотела вначале, потому что острые стебли пробивались сквозь утоптаный грунт. Но, едва они добрались до пляжа, Клер скинула обувь и зарылась ногами в теплый песок.

Вдохнув полной грудью солоноватый морской воздух, она повернула лицо к солнцу и прислушалась. Над головой кричали чайки, и крик их мешался с рокотом океана. И в этот момент Клер готова была напрочь забыть все то уродство, что осталось там, в Портленде.

Здесь царил покой. Здесь царила красота. Здесь остановилось время, и здесь усталым душам даровалось успокоение, так было сейчас, и сотни лет до этого дня, и еще сотни лет – дольше, чем существует история.

– Нравится на пляже? – спросил Бретт с какой-то странной ноткой в голосе.

Клер открыла глаза и улыбнулась.

– Да. Мама брала меня сюда. До того, как лишилась водительских прав за вождение в нетрезвом виде. Здесь она очень любила бывать, особенно летом. Но и зимой тут потрясающе

красиво. Меня всегда сюда тянет.

– Я никогда не бывал на пляже зимой.

– В Джорджии и зимы-то не бывает.

– Холодов – нет, не бывает, но вот бури... Мы не проводили много времени на пляже. Мои родители предпочитали горы.

– Ты имеешь в виду поездки в Аспен каждую зиму?

– Нуда. Мой отец купил маме загородный домик в Аспене за год до моего рождения.

У них были такие разные детство и юность. Клер только раз в жизни побывала на горнолыжном курорте, но и тогда не могла позволить себе купить билет на подъемник.

– Наверное, ты умеешь кататься на лыжах.

– Конечно. – Кажется, Бретт был уверен в том, что все вокруг умеют кататься на горных лыжах – это так естественно.

– Я не умею. Даже на водных. Но зато я умею запускать воздушного змея. Хочешь попробовать?

– Я не стану запускать бабочку.

– В чем дело? Боишься, что кто-то примет тебя за девчонку? – Клер едва сдержала улыбку.

Более мужественного мужчины она не встречала в жизни. Даже сквозь южную обходительность стойко пробивалась мужская грозная сила. Не почувствовать эту ауру было просто нельзя. Пусть стремление любую работу сделать на «отлично» и ставило Бретта в один ряд с членами его семьи, рафинированными интеллектуалами, но и любой сол-

дат-контрактник безошибочно признал бы в нем своего брата – бесстрашного и сильного воина.

Бретт неспешно подошел к Клер поближе, и, несмотря на избыток кислорода в окружающей атмосфере, ей вдруг стало не хватать воздуха. Теплые ладони легли на ее щеки, и она почувствовала, как горячий ток пробил ее насквозь. Клер вздрогнула.

Бретт поднял брови, давая понять, что заметил и верно оценил ее реакцию.

– Моя принадлежность к сильному полу под вопрос не ставится, сахарок.

– Кто бы сомневался? В тебе больше тестостерона, чем в целой гвардии бодибилдеров.

– Ты так считаешь? – Его улыбка творила что хотела с ее чувствами.

– Я... – Клер пришлось прочистить горло, чтобы закончить предложение. – Я действительно так считаю.

Она больше ничего не смогла сказать, потому что он накрыл губами ее губы. Его твердые и гладкие губы сминали ее губы и требовали отклика, который она не в силах была не дать.

Тело ее по собственной воле качнулось ему навстречу, требуя контакта. Она осязала неопровержимое свидетельство его возбуждения, и в то время как женский инстинкт посылал мозгу сигналы радости, другая часть сознания, что все еще функционировала автономно, напомнила Клер, что

они находятся на общественном пляже.

В тот момент, когда она попыталась совладать с телом и адекватно отреагировать на эту мысль, Бретт прервал поцелуй. Он отступил на шаг и прижался лбом к ее лбу.

– Мне сейчас меньше всего хочется запускать змея. Теперь, когда голова ее была опущена, Клер не могла не видеть того, как натянулись его брюки в известном месте. Бретт не лукавил. И ответный импульс в увлажненном, набухшем лоне лучше всяких слов говорил о том, что ее тело с ним абсолютно согласно. Однако теперь, когда губы Бретта уже не вносили такой сумятицы в ее сознание, здравый смысл возобладал.

– Пускать змея – это все, чем мы можем заняться на пляже, не рискуя быть арестованными за развратные действия в общественном месте, – сказала она тихим дразнящим голосом.

– Мы могли бы снять номер в отеле.

Клер заставила себя отступить на шаг, прервав телесный контакт. Но тогда встретились их глаза. Она готова была ему уступить.

– Ты уже второй раз это предлагаешь. Не знаю, чувствовать ли мне себя польщенной или обеспокоенной из-за того, что у тебя пунтик на отелях?

– Если у меня и есть на чем пунтик, так это на том, чтобы нам никто не мешал, когда я буду делать с тобой то, что хочу. И поскольку делать это я хочу только с тобой, то лучше

заниматься этим за закрытой дверью. А теперь тебе решать, должна ли ты чувствовать себя польщенной или нет.

Простая логика подсказывала, что в этом признании ничего лестного для нее нет. Конечно, физическое желание не относится к разряду высоких чувств. Но Клер не могла не заметить, что желание, которое испытывал к ней Бретт, было исключительным и для него самого. Он не хотел просто женщину, он хотел именно ее, Клер. И это делало ее, Клер, особенной в его глазах. Особенной.

Клер не могла взять в толк, почему он так сильно хочет ее, когда вокруг столько красивых, умных, успешных женщин. Они куда лучше ее знают, как доставить удовольствие такому мужчине. Их бы такая перспектива весьма порадовала.

– О чем ты думаешь? – спросил Бретт, сканируя ее взглядом. – У тебя такое интересное выражение лица, но я не могу его понять.

– Я решила, что чувствую себя польщенной.

– Это хорошо. – Он шагнул к ней и сразу показался ей огромным, как башня. От него волнами исходил сексуальный посыл.

Клер отступила. На губах ее, вопреки трепещущему сердцу, играла дразнящая улыбка.

– И еще я решила, что научу тебя запускать змея.

– Клер! – застонал Бретт.

Она наклонилась и, подхватив змея-бабочку и сандалии, отпрыгнула в сторону.

– Давай же! Ветер в самый раз для полета!

– Я знаю иной способ сделать так, чтобы ты улетела, моя сладкая, и погода вполне подходит и для этого тоже.

Клер стремительно увернулась от его рук и легко побежала вдоль моря.

– Тебе кто-нибудь говорил, что ты заиклен на одной мысли?

– Говорили. Раз или два, – протянул Бретт.

– Итак, с тобой это всегда случается, когда ты хочешь секса? – Сейчас она проверит теорию о том, что он испытывает к ней особые чувства.

– Нет, – с напором в голосе сказал Бретт.

Клер остановилась и, обернувшись, посмотрела на него. Он перехватил ее взгляд.

– С тобой все по-другому, Клер.

– По-особому?

– Да.

– Голос у тебя такой, будто это тебе досаждают.

– И это так.

– Почему?

– Я могу дать тебе свое тело, но я не могу дать тебе будущего.

– Я знаю. – Его будущее уже принадлежало мертвой женщине, и уже одно это должно было укрепить ее защиту против его сексуальной харизмы.

К несчастью, то, что говорила ее голова и что чувствовало

тело, нисколько не стыковалось друг с другом. Словно голова ее и тело принадлежали разным континентам и не общались на одном языке.

– Я не хочу внушать тебе ложные надежды, – сквозь зубы произнес Бретт.

– Надежды на что? На то, что тебе нужно от меня нечто большее, чем просто секс, только потому, что ты так сильно меня хочешь? Не переживай. – Клер повернулась к нему спиной и пошла вперед. Теперь, когда можно было не смотреть друг другу в глаза, говорить было легче. – Я знаю, что я не та женщина, с которой ты хотел бы прожить всю жизнь, даже если бы у тебя не было этого пунктика против брака.

– Это не так.

Ложь во спасение. Но она не будет строить иллюзий. Клер не была такой, как ее мать. Норен была красивой, но слабой. Клер может быть сильной, хотя по красоте до Синди Кроуфорд ей далеко. Таким мужчинам, как Бретт, нужно, чтобы его жена сочетала в себе оба качества. При ее заурядной внешности и личности, настолько «незаурядной», что ей даже дали компьютерное прозвище, Клер прекрасно отдавала себе отчет в том, что ей не на что рассчитывать.

– Это не важно. В моих планах на будущее отсутствует семейный домик с белой оградой, и целый выводок ребятишек, и завалы из игрушек по всему дому, об которые вечно рискуешь сломать ноги.

Хотвайер услышал именно те слова, которые могли унять

его сомнения, но он почему-то почувствовал раздражение.

– Ты не хочешь выйти замуж и завести детей? Из тебя получилась бы отличная мать.

– Это уж точно. Каждый ребенок мечтает иметь мать, которая прошла практическую подготовку у алкоголички и которая склонна больше доверять компьютеру, чем живым людям. – Клер шла впереди, и поэтому Бретт не мог видеть ее глаз, но тон у нее был абсолютно серьезный.

Неужели она и в самом деле настолько низко себя оценивает? Не понимает, какое сокровище собой представляет? Клер могла бы стать превосходной женой какому-то счастливчику, и любой ребенок был бы счастлив иметь такую мать. Бретт представил себе мужчину, который мог бы завоевать ее сердце, и тело отреагировало спазмом гнева, хотя голова понимала, что он не должен так реагировать.

Он должен был бы поощрять Клер к поиску такого мужчины, а не тащить к себе в постель, зная, что, кроме удовольствия, предложить ей ничего не может. Но он не станет поощрять ее к поиску другого. Он все-таки затащит ее к себе в постель!

Хотвайер понял это давно, где-то на полпути между тем, как увидел ее в больнице, страдающую, в синяках, и тем, как подарил ей оргазм, дабы облегчить боль. Пора прекратить все эти размышления, потому что они, кроме раздражения, ничего не дают.

Но это не означало, что из нее в один прекрасный день не

получится отличная мать.

– Ты дешево себя ценишь, сахарок.

Клер села на песок и откупорила пластиковый пакет со своим змеем.

– Это ведь не так важно?

– Очень важно.

Она принялась заправлять нейлоновые детали в каркас.

– Тебе-то что от этого?

Бретт сел на песок рядом с ней и принялся собирать своего змея.

– Мы друзья.

– И что с того? Ты хочешь, чтобы однажды кто-то назвал тебя дядей?

– Я уже дядя – настоящий.

– Так какая тебе разница, будут у меня дети или нет? У него не было готового ответа на ее вопрос. Ему должно было быть все равно.

– Наверное, разницы нет. Просто я не хочу, чтобы ты себя так низко ценила, вот и все.

– Я бы не сказала, что у меня низкая самооценка. Эй, давай сменим тему, ладно?

Бретт пожал плечами, хотя непринужденности в этом жесте явно недоставало – мышцы были слишком напряжены.

– Ладно. Но не думай, что я буду столь же мягкотелым в отношении секса. Эту тему я оставлять не намерен.

Клер ничего не ответила и тем вызвала его беспокойство.

Она решила держать его на расстоянии? Она и училась для того, чтобы его отвлечь, и только? Нет. Ей на самом деле было важно сдать все экзамены на «отлично».

Хотвайер знал, что Клер его тоже хочет. Так почему она так сдержанна?

Он не мог найти ответ в тех сияющих темно-рыжих кудряшках, что скрывали ее лицо, склоненное над змеем-бабочкой. Хотя он сам не понимал, почему у него на душе кошки скребут после того, как он сказал ей о невозможности их совместного будущего. Она была не из тех, кто легко доверяет людям, что неудивительно, если принять во внимание ее биографию. Он же предложил ей только секс и не стал расставлять никаких ловушек, которые подстерегают человека, связанного обещаниями. Она должна радоваться! Но это не значит, что он собирается сдать. Для него капитуляция была равносильна гибели, и, честно говоря, он не думал, что у Клер достанет воли бороться с соблазном.

Запуск змея оказался гораздо более захватывающим и интересным занятием, чем изначально предполагал Хотвайер. Он сказал об этом Клер – ее змей уже в пятый раз утыкался носом в песок.

Она засмеялась.

– Как ты думаешь, зачем устраивают всемирные соревнования по запуску змеев? Это еще один раунд состязания человека с природой.

Хотвайер шел рядом с ней. Клер натягивала струну, чтобы

приблизить к себе змея.

– Твоя бабочка проигрывает.

– А твой дракон завис высоко в небе – я знаю.

– Для твоего змея сегодня слишком ветрено. – Продавщица сказала, что для змея дельтовидной формы сильный ветер пагубен.

– Если бы я запустила его по-настоящему высоко – очень-очень высоко, то с ним все было бы в порядке, но я не испытываю восторга от того, что держу на привязи какое-то пятнышко в небе. Я должна чувствовать связь с ним, он должен быть рядом.

Хотвайер мог предложить ей нечто, что пробудило бы в ней должную меру восторга, и ветер не был бы тому помехой.

– Выходит, ты получаешь больше удовольствия, принимая вызов и сражаясь, чем от достижения успеха?

В глазах Клер горела решимость.

– И то и другое для меня одинаково важно. Мощная энергия, исходящая от нее, подействовала на него как ударная доза виагры. К счастью, игра со змеем не оставляла свободными его руки, иначе он схватил бы в охапку Клер.

– Ты знаешь, этот твой смелый взгляд делает тебя чертовски сексуальной.

Клер засмеялась, словно приняла его слова за шутку, но если бы она хоть краешком глаза заглянула ему в штаны, то поняла бы, что ему не до шуток.

Она подтянула к себе змея-бабочку, и бечевки сразу запу-

тались. Клер выругалась и тут же смущенно хлопнула себя по губам.

Теперь настал черед Хотвайера посмеяться... но тут хвост его змея запутался в бечевке змея-бабочки, и голова змея-дракона устремилась вниз.

– Я справлюсь, не переживай. – Но, попытавшись обогнуть его и освободить свою бечеву, Клер споткнулась и упала на спину.

Хотвайер попытался ее подхватить, но не удержал равновесия, и все кончилось тем, что он упал вместе с ней.

Они оба свалились на песок, руки и ноги их перепутались не меньше, чем бечевки их воздушных змеев.

Клер смеялась, как ребенок на карусели, и Хотвайер улыбался, радуясь за нее.

– Похоже, мать-природа победила, – шутливо констатировала Клер.

Бретт не удержался и погладил ее по лицу.

– Можно и так сказать.

Заглянув ему через плечо, Клер поморщилась.

– Теперь оба змея летят в песок.

Бретт вытянул шею и вдохнул ее аромат. От нее пахло свежестью, как от моря, но этот запах возбуждал куда сильнее, чем запах морского прибоя.

– Какая незадача.

– Не чувствую искренности в твоем тоне.

– Ты ждешь, что я буду сейчас из-за этого переживать?

– Бретт продолжал удерживать бечеву, но едва отдавал себе в этом отчет. Кроме лежавшей под ним женщины, для него сейчас ничего не существовало.

– Почему нет? – Глаза Клер были сама невинность, но говорила она с придыханием. Она точно знала, что у Бретта на уме.

На случай, если она все же не понимает, он подвинулся так, чтобы его отвердевший орган вжался в ее ноги.

Взгляд нежных глаз Клер стал рассеянным, не в фокусе.

– Что?

Она была так податлива, тело ее реагировало мгновенно и непосредственно. Ей ли это отрицать?

Клер не могла думать. Не могла, когда твердая плоть Бретта прижималась к ней настолько тесно, насколько могла позволить одежда. Бретт задал ей какой-то вопрос, но она даже не помнила, о чем он спросил, а о том, чтобы сформулировать ответ, и речи не было. Она хотела его все сильнее и сильнее, пока это желание не зажило собственной жизнью. Она все отдала бы за то, чтобы почувствовать его кожей, чтобы испытать нежность его ласки.

Воспоминания о той первой ночи в отеле никуда не делись, и теперь, когда Бретт лежал на ней, обволакивая ее своим теплом, своим запахом, они завладели ее чувствами, требовали повторения уже испытанного.

Бретт не сводил с нее своих голубых глаз, потемневших от желания до цвета индиго.

– Ты хочешь меня, Клер, признайся.

– Да. – Она облизнула губы. Он прищурился.

– Я сейчас тебя поцелую.

– Давай же...

И он поцеловал ее, и страсть, вспыхивавшая всякий раз, когда губы их соприкасались, буквально взорвала обоих.

Языки их переплелись, она вздрогнула от желания, он хрипло застонал. Поцелуй все длился и длился, и она потерялась в нем, ей хотелось большего, ей было мало его губ, его языка, она хотела прикоснуться к его коже...

Клер царапала его рубашку, пытаясь расстегнуть пуговицы, но тяжелая ладонь легла на ее руку, останавливая ее. Клер застонала, протестуя.

Бретт резко прервал поцелуй и перекатился на спину. Грудь его часто вздымалась.

Клер повернула голову в его сторону:

– Бретт?

– Дай мне минутку, сахарок. Ты вплотную подошла к тому, чтобы я взял тебя на общественном пляже.

Она заметила, что Бретт ругался только тогда, когда терял над собой контроль. Тайная дрожь прокатилась по ее телу от счастливого сознания того, что она так на него действует. Но действие было обоюдным. Две секунды назад ей было абсолютно все равно, где они находятся.

Бретт сел, и она неохотно последовала его примеру. Тепло ее сводило от желания. Она никогда ничего подобного не

испытывала.

– Ты нужна мне прямо сейчас.

– Я это вижу.

– Разве сама ты этого не хочешь? – спросил он несколько агрессивно.

– Нет, я этого не говорила, – тихо ответила она.

– Тогда давай снимем номер в гостинице.

– Это звучит так равнодушно. Так холодно. Бретт покачал головой. Он явно терял терпение.

– Ну уж равнодушным никто из нас себя не чувствует в присутствии друг друга, Клер. А про холод вообще говорить не приходится.

– Но...

– Никаких «но». Наше время уходит, Клер. – В голосе его слышалось отчаяние.

– Почему? – Что делает эту секунду отличной от других? От того, что было два дня назад?

– В субботу у моей мамы день рождения, и меня ждут в Джорджии на праздник.

Итак, он ее покидает. Сердце Клер болезненно сжалось, но она постаралась ничем не выдать своего разочарования.

– Я уверена, что там тебе будут рады.

Бретт отмахнулся от ее слов как от назойливых мух.

– Если я не приеду, и мама, и сестра мои кишки на подвязки разрежут, но не поэтому мой член узлом свело. Я принимал ледяной душ из-за тебя куда чаще, чем хотел бы при-

знать. И теперь у нас осталась одна, самое большое две ночи, потому что поездка в Джорджию накладывает мораторий на любую физическую близость между нами.

Клер открыла было рот, но не успела придумать, что сказать.

– Только не говори, что ты меня не хочешь, потому что я знаю, что ты хочешь, – с горячей убежденностью перебил ее Бретт.

– Но то, чего мы хотим, и то, что для нас хорошо, не всегда совпадает.

– Только не в этом случае, сахарок. Тебе будет очень хорошо, я обещаю. И мне с тобой будет необыкновенно хорошо тоже.

Клер почувствовала внутренний спазм и покалывание в самой чувствительной точке.

– Я в тебе не сомневаюсь.

Но это не значит, что она не сомневалась в себе. В себе она была далеко не так уверена. Она не могла не задаваться вопросом о том, кто виноват в том, что ее сексуальный опыт был таким пресным (Хотвайер не в счет, но ведь то был не совсем секс, не так ли?). Не в ней ли самой все дело? Может, она фригидна? Ведь Бретт не делал тайны из того, что ему секс доставлял массу удовольствия. Клер всегда считала, что люди склонны выдавать желаемое за действительное в этом вопросе, хотя лишь его ласки заставили ее усомниться в правильности собственных заключений.

Что могло означать, что у нее просто были не те партнеры. Такой ход мысли давал ей больше уверенности в себе, но полностью избавиться от сомнений в собственной адекватности не мог. Один из бой-френдов Клер как-то заметил, что у нее большие проблемы с доверием.

Да, но при чем тут секс? Неужели неспособность довериться партнеру делала ее фригидной? Не случится ли того же с Бреттом, когда дело дойдет до настоящего секса?

Клер трудно было представить, что она вдруг станет невосприимчивой к его ласке, когда уже сейчас соски ее готовы были проткнуть бюстгальтер, а беспокойное покалывание между ног только усиливалось. Она на самом деле хотела Бретта, но хотела ли она его настолько, чтобы забыть о том, что у них не может быть будущего, чтобы принять как данность временность их связи?

Клер не могла надеяться на то, чтобы занять в его сердце место, отведенное мертвой невесте, не могла она и рассчитывать на то, что он будет питать к ней страсть вечно. Для женщины ничего хорошего такого рода отношения не сулят, но, если честно, найдет ли она в себе силы отказаться от того, что Бретт ей предлагал?

– Клер? – В его голосе не было побуждения, только вопрос. Итак, как она намерена поступить?

Клер посмотрела в его голубые глаза. Сердце ее усиленно билось, голова кружилась от вопросов, ответы на которые только еще сильнее ее запутывали. Она чувствовала его же-

вание, чувствовала с безошибочной ясностью, но он не подталкивал ее к решению. Он ждал. Он оставался ей другом, будучи одновременно тем мужчиной, который хотел уложить ее в постель.

Он был таким чертовски благородным... и выдержанным. В нем было в избытке всего того, что в ее глазах делало мужчину сильным. Он так отличался от ее отца и от тех мужчин, что безликой чередой прошли сквозь жизнь ее матери после смерти отца. Бретт был для нее воплощением мужского совершенства.

О, этот мужчина!

Она любила его.

Вообще-то это не должно было стать для нее сюрпризом, если бы... Если честно, она считала романтическую любовь выдумкой, больше годящейся для сказок, чем для жизни. Романтическая любовь была всего лишь приукрашенным плотским желанием, а она, как и много других женщин до нее, пыталась упаковать его в нарядную обертку с маленьким симпатичным бантиком.

Разве она уже не пыталась делать это раньше, когда все заканчивалось горьким разочарованием? Чтобы кого-то любить, ты должна быть способна на доверие, на то, чтобы полагаться на своего избранника, а Клер умела рассчитывать только на себя.

«Но ты целиком положила на Бретта и живешь так уже несколько дней», – напомнил Клер ехидный внутренний го-

лос.

Однако это не означало, что она готова была поверить во все эти сказки о том, как они полюбили друг друга и жили потом долго и счастливо. Особенно в применении к мужчине, который отказался любить. Но может быть, если у них будет настоящий секс, желание утолится и она сможет вновь обрести контроль над своими эмоциями. Горизонт ее не будет так сильно затуманен насущными потребностями тела, и она сможет взглянуть на него иными глазами, ясными. Туман желаний рассеется – эта призрачная дымка отступит перед реалиями завтрашнего утра.

«Верно. Секс прочистит мозги, и больше тумана не будет. Это такое разумное решение», – нашептывал ей вкрадчивый голос.

Клер вздохнула. Дожила. Она спорила сама с собой. Может, неутоленная похоть довела ее до безумия?

– Когда ты собираешься лететь в Джорджию?

– Мы летим в пятницу.

– Я что, лечу с тобой?

Бретт смотрел на нее с нескрываемым раздражением.

– Конечно, ты летишь со мной. Я не могу оставить тебя здесь одну.

– Приставь ко мне Коллинза, или я могла бы пожить с Куини. – Оказавшись подальше от Бретта, она, вполне вероятно, сможет восстановить потрепанные защитные укрепления и прочистить мозги без всей этой опасной кутерьмы, связан-

ной с сексом.

– Нет.

– Я не хочу торчать на празднике твоей мамы. Вообще-то день рождения – праздник семейный и для очень близких друзей.

– Ты и есть мой друг.

– Но твоя мама обо мне понятия не имеет. Праздник ведь у нее, а не у тебя.

– Ей будет приятно с тобой познакомиться. Она уже целую вечность умоляет меня, чтобы я приехал к ней с подружкой.

Еще хуже.

– Но я не та, на которой ты думаешь жениться.

– Это не важно. Она южная леди, и она хочет внуков. Она уже к концу выходных станет планировать нашу свадьбу. – Бретт сказал это так, будто такая перспектива его забавляла, но отнюдь не пугала.

– Но я не хочу, чтобы она считала, что у нас серьезные отношения. Это было бы обманом.

– Я не сказал, что собираюсь сообщить ей, что у нас все серьезно, но даже если бы я сказал ей, что ты – мой друг, попавший в беду, она сделала бы собственные выводы.

– Тогда мне точно нельзя ехать. Мы оба будем чувствовать себя ужасно неловко, и мне кажется, что тебе будет еще хуже, чем мне.

Глава 13

– Почему? – нахмурившись, спросил Бретт.

– Не может быть, чтобы ты хотел, чтоб твоя семья думала, будто ты планируешь на мне жениться. После отъезде из Джорджии я, вполне вероятно, больше никогда их не увижу, а тебе придется жить дальше и мириться с последствиями. Твоя мама наверняка расстроится, когда узнает, что из нашей дружбы ничего не получилось.

– Я не могу контролировать то, что думает моя семья, и я за их мысли не отвечаю. Я перестал переживать из-за планов, которые мама строила в отношении меня, еще в тот год, как пошел в армию.

Клер вздохнула. Он был непробиваем.

– Ты упрямишься, а в этом совсем нет нужды.

– Ты поедешь со мной, и если мне придется запереть тебя на ночь перед полетом и доставить на свой самолет связанную, я это сделаю, не сомневайся.

Бретт сказал это так спокойно, что вначале Клер даже не почувяла угрозы. Но когда смысл сказанного до нее дошел, она нахмурилась.

– Ты так не сделаешь.

– Ты в этом уверена?

– Да. Но что действительно меня заинтересовало, так это упоминание о личном самолете. – Заинтересовало – не то

слово. Этот факт привел ее в замешательство, если не напугал. – У тебя действительно есть свой самолет? Ты не находишь эти замашки несколько декадентскими?

– Вообще-то нет. У Вулфа есть свой самолет, и мне та* понравилось на нем летать, что я тоже решил себе купить. Личный самолет сильно упрощает работу по некоторым правительственным заказам.

– Контрактникам, должно быть, хорошо платят.

– Ты и представить не можешь сколько.

Клер онемела от шока, но вскоре мозги снова заработали.

– Ты когда-нибудь слышал о Доме спасения или о Миссии спасения Портленда? – спросила она. – Им постоянно нужны пожертвования. Обе организации пытаются решить проблемы, стоящие перед сегодняшним обществом.

Бретт откинул голову и захохотал. Клер не поняла, что смешного она сказала, но Бретт засмеялся еще громче. Насмеявшись вволю, он заметил:

– Джози предсказывала такую твою реакцию на известие о том, что я богат. Она говорила, что ты для себя ни одного доллара не попросила, зато уговорила ее внести пожертвования в фонды, о которых она никогда даже не слышала.

Клер опустила голову и прикусила губу. После услышанного ей стало не по себе: может, она подтолкнула подругу к тому, чего та совсем не хотела делать.

– Мне не показалось, что Джозетта что-то имеет против пожертвований. Я не стала бы злоупотреблять ни ее добро-

той, ни нашими дружескими отношениями.

Бретт сразу сделался серьезным и взял Клер за руку.

– Она на тебя не в обиде. Доверься мне, она считает, что ты замечательная, и ее восхищает твое деятельное участие во многих добрых делах. И меня, кстати, тоже.

Клер вздохнула с облегчением.

– Тогда ты подумаешь о пожертвовании, ладно?

– Если ты поедешь со мной в Джорджию, я готов подписать чеки на хорошую сумму на три благотворительных счета по твоему выбору.

– Ты шутишь?

– Я бы все равно так поступил, но так я скорее заставлю тебя прекратить со мной спорить. Иногда ты бываешь чертовски упряма.

– Мне кажется, ты говорил, что я очень сексуальна, когда упрямлюсь.

Глаза его горели желанием такого накала, что у Клер сводило дыхание.

– Это правда.

Господи, она была готова повалить его на песок и овладеть им прямо здесь и сейчас. Надо срочно брать себя в руки.

– Надо распутать наших змеев и попробовать снова поднять их в небо.

Бретт покачал головой. Он смотрел ей прямо в глаза.

– Нет.

– Но...

– Мы их свернем и уедем.

– Назад в Портленд?

– Ты этого хочешь?

И снова она оказалась на прежних позициях. Все желания и мысли сводились к одному вопросу: хочет ли она возвращаться в Портленд или хочет остаться здесь, в Линкольн-Сити, и заняться с Бреттом любовью. В случае возвращения в Портленд постель с Бреттом удастся оттянуть еще на пару часов, но вечно оттягивать неизбежное все равно не получится. Если они останутся здесь, в этой первой ночи любви будет по крайней мере нечто особенное. Эта ночь превратится в красивое, не замутиненное печалью воспоминание, тогда как Портленд в ее сознании всегда будет связан с постигшим ее там несчастьем.

– *Яне* хочу возвращаться в Портленд сегодня. Напряженность, волнами исходившая от Бретта, отчасти рассеялась.

– К югу от Линкольн-Сити есть курортный отель. Ты позволишь мне отвезти тебя туда?

– Да.

Бретт прищурился.

– Ты уверена?

– Да.

– Хорошо. – Вот и все, что он сказал.

И тогда он принялся сворачивать бечевку своего змея. Если Клер и ожидала более выраженной реакции на свое согласие, то ожидание ее было напрасным. Она это ясно видела.

Клер последовала примеру Бретта. Они молча распутали змеев и сложили их по пакетам. По сути дела, единственной репликой за все то время, пока они не тронулись в путь, было напоминание Бретта о том, чтобы Клер пристегнула ремень. И ехали они тоже молча. Молча Бретт притормозил у местной аптеки, зашел туда и вышел через пару минут с маленьким пакетом в руке. Клер было нетрудно догадаться о том, что он нес в этом пакете.

Бретт продолжал молчать по дороге в отель. Если он и говорил, то лишь с администратором за регистрационной стойкой, когда снимал комнату. И тем не менее от него исходила решимость, и Клер обнаружила, что у нее у самой нет никакого желания говорить о пустяках.

Бретт просунул в щель замка магнитную карточку и распахнул дверь в снятый им люкс. Клер сквозь застекленную дверь смотрела на гостиную номера, но не спешила заходить внутрь.

Бретт молча ждал, пока она зайдет.

Сделав глубокий вдох, Клер шагнула за дверь и оказалась в красиво декорированной комнате. Но не обстановка номера, а вид через застекленную стену так поразил ее. Администратор за стойкой сообщила, что их люкс выходит окнами на океан, но Клер и представить не могла, насколько захватывающим окажется зрелище. Не ожидала она, что вся стена будет прозрачной, если смотреть из номера.

Бретт закрыл за собой дверь. Клер с молчаливым удивле-

нием наблюдала за тем, как он проверяет номер на безопасность. Похоже, он делал это машинально, по-другому вести себя он уже просто не умел. Но, наверное, он поступал правильно. По крайней мере не придется волноваться о том, что им помешают в самый ответственный момент.

Затем Бретт повернулся к Клер:

– Я хочу тебя, Клер. Сейчас.

Она открыла рот, но никакого звука не последовало. Она облизнула губы, глубоко вдохнула и повторила попытку:

– Я тоже тебя хочу.

Уголки его губ чуть-чуть приподнялись.

– Это хорошо.

Затем Бретт шагнул к ней, и Клер не успела опомниться, как оказалась у него на руках, прижатая к его груди. Он нес ее в спальню. Кремовые полупрозрачные жалюзи, закрывавшие стеклянную стену спальни, были задернуты, сквозь них пробивался дневной свет. Свет был неярким, но его вполне хватало, чтобы разглядеть черты лица Бретта, сведенные яростным желанием. И этот взгляд еще сильнее обострял и без того нестерпимо острое желание Клер.

Секс с этим мужчиной обещал невероятное наслаждение, и тоненький голосок в голове Клер предупреждал о том, что эмоциональная составляющая предстоящего опыта может оказаться куда значительнее, чем ей того хотелось. Но она готова была пропустить мимо ушей предупреждение. Всю жизнь ей приходилось иметь дело с болезненными эмо-

циями. Никто и никогда не предлагал ей такого наслаждения, которое она могла испытать в объятиях Бретта.

Клер обхватила ладонями его лицо и поцеловала в губы с жадностью, которую больше не в силах была держать в узде. Он ответил ей с той же страстью, и вскоре Клер уже пыталась сорвать одежду с его тела, и он старался добиться того же, не уронив Клер. Кровать была прямо здесь, рядом, но они никак не могли нацеловаться всласть, чтобы лечь на нее.

Клер не могла остановиться. Ей хотелось все больше и больше его губ, больше его обнаженного тела, открытого для ее прикосновений, больше его запаха, его вкуса. С рубашки его посыпались пуговицы, и наконец под ладонями ее оказалась его грудь. Клер гладила его гладкую кожу и шелковистые волосы на груди, а он каким-то неведомым образом умудрился, не спуская ее с рук, расстегнуть бюстгальтер и снять его с Клер.

Низкий грудной звук сорвался с ее губ, когда он сжал в ладонях ее пышную грудь. Затем Бретт зажал ее сосок между большим и указательным пальцами, и Клер показалось, что она взорвется от одного этого прикосновения. Сосок был настолько тверд, настолько чувствителен, что тело ее заныло от наслаждения, близкого к боли.

Она не могла напиться сладостью его рта. Она не отставала от него. Если он мог доставить наслаждение ей, то и она платила ему сторицей. Она отдавала не меньше, чем получала. Она старалась ловить каждый его отклик на ее прикосно-

вения и старательно повторяла каждый удачный опыт.

Бретту нравилось, когда Клер чуть царапала темные диски его сосков, и поэтому она делала это и сама все ближе подступала к пику наслаждения. Бретт снял с нее белье, и она обвила ногами его за талию. Muskusный запах его возбуждения ласкал ее ноздри, и она терлась влажным набухшим лonom о его обнаженный живот.

И этого хватило, чтобы наслаждение плеснуло через край, взрыв новой силы потряс ее изнутри, и Клер застонала где-то возле самых его губ. Но Бретт не переставал ее ласкать, он мямл ее груди обеими руками, он жадно целовал ее в губы. Ее оргазм, похоже, довел его почти до предела, потому что вдруг она почувствовала, что он опустил ее на кровать.

Клер не пришлось думать о том, что будет дальше. Она просто протянула руки, принимая его в свои объятия.

С хриплым стоном Бретт сорвал с себя джинсы и шорты, опустил на Клер и вошел в нее одним сильным безжалостным толчком.

Она закричала у его губ, тело ее сжалось и напряглось от шока, вызванного его проникновением. Он был велик и натянул ее чувствительную плоть до болевого порога, но все, что ее разгоряченный мозг смог зафиксировать, это потрясающее удовольствие, которое не заставило себя долго ждать.

Бретт оторвался от ее губ.

– Все в порядке, моя сладкая. Расслабься.

Клер смотрела на него во все глаза, и ум отказывался вос-

принимать его слова, но тело снова начало восхождение к вершине. Она не знала, переживет ли еще один оргазм, но женская плоть ее не знала этого страха. Она побуждала ее делать все, что угодно. Но только Клер не шевелилась.

Бретт отстранился и вышел из нее почти до конца. Клер едва не вскрикнула.

– Нет! Не уходи от меня!

Он засмеялся, и смех его был мрачным, без тени веселья.

– Я никуда не уйду, но ты должна расслабиться, иначе ты не получишь такого удовольствия, как я.

Неужели он серьезно?

– Я просто умру, если получу больше удовольствия, – простонала Клер.

Бретт снова вошел в нее, и вдруг тело Клер вновь обрело способность к отклику. Она прогнулась ему навстречу, движимая насущной и острой потребностью тела.

Бретт застонал, выражение его лица было такое мрачное, что Клер поежилась.

– Молодец, моя сладкая. Двигайся для меня.

Она была только рада ему угодить, рывком подняла бедра вверх, встречая его толчки. Он наполнял ее собой раз за разом, лаская собой каждое нервное окончание внутри ее тела.

Клер положила ладони на его грудь, сминая ладонями твердые мышцы. Она никак не могла вдоволь насладиться чудесным сознанием того, что слилась в одно с этим необыкновенным мужчиной.

Бретт издал низкий гортанный звук и ускорил темп, через мгновение уже и Клер содрогалась под его толчками.

Бретт смотрел на нее, и синие глаза его горели желанием.
– Ты красивая, Клер.

Красивая? Нет, конечно, не это слово стало той искрой, что разожгла пожар. Сердце Клер сжалось, и сжалось оно не от примитивного чувственного наслаждения, в котором купалось ее тело. Бретт подумал, что она красива в своей страсти – не компьютерный червь, не провинциальная простушка.

О Боже, если то, что она чувствовала, не называлось любовью, то какое еще чувство по своей силе может сравниться с тем, что творилось с ней?! Клер хотела любить его до тех пор, пока у нее не иссякнут силы, но не только это, она хотела смотреть в его глаза, в окна его души, все то время, пока они будут любить друг друга. И она хотела держать его в объятиях после того, как закончатся силы, и хотела, чтобы он тоже держал ее в объятиях.

Пока ее сердце боролось с этим новым желанием, сильные мужские пальцы вжались в ее бедра, и Клер обнаружила, что Бретт крепко держит ее, не давая ей двигаться, а сам неутомимо входит и входит в нее. Каждое проникновение рождало новый всплеск наслаждения, и она вскрикивала от радости, и каждый раз, когда Бретт выходил из нее, предвкушение нового толчка рождало удовольствие еще сильнее.

Оргазм накрыл их одновременно, ревущий и мощный,

пробравший обоих до дрожи, до самых костей. Бретт вздрагивал. А Клер вообще перестала дышать.

Бретт обессилено рухнул на нее сверху, и его крупное тело продолжало содрогаться – девятый вал откатившего шторма.

– Ошеломляюще, – прошептал он ей на ухо.

Клер пришлось сделать усилие, чтобы набрать в легкие воздуха.

– Да, – простонала она.

– Черт, моя сладкая, я знал, что будет хорошо, но не ожидал, что ты меня почти убьешь.

Клер улыбнулась, на нее накатывало приятное изнеможение.

– Все по-честному. Я думала, что уже умерла...

– Слава Богу, ты выжила.

– Угу, – пролепетала она, без успеха борясь с сонливостью.

Она еще никогда в жизни так не уставала. Но, с другой стороны, она никогда еще не подвергала свое тело такому испытанию.

Хотвайер нежно поцеловал Клер в шею. Ему было так чертовски приятно. Она была мягкой, тугой и наделенной такой фигурой, что дух захватывало. И она спала.

Не в силах поверить тому, что он чувствует, Бретт поднял голову и посмотрел ей в лицо. Черты были расслаблены. Клер крепко спала, как спит женщина, изнуренная своим любовником.

Он усмехнулся. Обязательно надо сказать ей, что она засыпает на нем всякий раз, как он доводит ее до оргазма.

При одной мысли о том, как она выгибалась ему навстречу и как сжималась вокруг него, наполовину эрегированный член Бретта, все еще находящийся в Клер, пришел в полную боевую готовность. Несмотря на то, что он только что испытал едва ли не лучший за всю жизнь оргазм, его голод к Клер все еще не был утолен. Напротив, теперь, когда его тело познало наслаждение быть в ней и касаться ее, оно стремилось получить еще и еще.

И вдруг Бретт замер от пронзившей его мысли. Был ли этот секс даже лучше, чем имел он с Еленой? Но это невозможно. Он любил Елену. Наверное, время притупило воспоминания о наслаждении, что получал он в объятиях невесты. Трудно поверить, что с тех пор прошло более шести лет. Воспоминания воспринимались сейчас как воспоминания, а не как острые приступы боли.

Но ничего притупленного в воспоминаниях о том, что произошло за этот час, не было. И наслаждение помнилось как предельно острое и сильное. Там было что-то большее, чем простая разрядка и физическое удовольствие. За последние шесть лет он не отказывал себе ни в том, ни в другом, но это ощущение близости и тепла отличало этот опыт от всех предыдущих.

И это беспокоило Бретта.

Чувствовала ли Клер то же, что и он? Что ему делать, ес-

ли она начнет думать, будто в него влюблена? Он не хотел, чтобы их дружбу разрушили несбыточные надежды с ее стороны.

Проблема состояла в том, что у него это чувство пройдет, как проходили чувства к женщинам, с которыми он встречался после смерти Елены. Ладно, может быть, точно таких чувств он ни к кому и не испытывал, но это не означало, что у них есть шанс продлиться дольше, чем с другими. Он сам этого не допустит.

Он дал обещание себе и той женщине, которую любил, даже если она и не могла слышать его обещаний. И никогда он не испытывал такого искушения нарушить свое обещание, как сейчас. Бретт не хотел причинять боль Клер.

«Ты слегка припоздал со своими переживаниями», – насмешливо сообщил ему внутренний голос. Женщины отличаются от мужчин. У них секс и эмоции переплетаются, и какая женщина не поверит в то, что влюбилась, после хорошего секса?

Член его ожил при таком напоминании, и чувство глубокого удовлетворения наполнило Бретта. Секс, который у них был с Клер, определенно заслуживал занесения в книгу рекордов. Он был таким головокружительным, таким всепоглощающим, что он забылся целиком, а ведь этого никогда не случалось. Он никогда не забывался настолько, чтобы не видеть, не слышать и не помнить ничего, а лишь чувствовать женщину в своих объятиях.

Бретт живо вспомнил то ощущение, когда Клер сжималась вокруг него, о том, как ее плоть охватывала его плоть, и член его внутри ее стал твердым как железо. Клер застыла во сне, и Хотвайер тоже. Менее щепетильный человек воспользовался бы ситуацией, особенно если воспоминания относились к тому, что произошло всего несколько минут назад.

Ему буквально снесло крышу, когда он кончал. Их страсть слилась в одно, и этот оргазм был едва ли не самым долгим в его жизни.

И тут до Хотвайера вдруг дошло, о чем именно он позабыл, и он застыл над своей спящей любовницей. Он, как подросток после первого сексуального опыта, переживает из-за чувств, тогда как совершил непростительное! Он забыл про чертов презерватив!

Как он мог совершить такую глупость?

Он помнил о резинке всегда, с тех пор как в возрасте шестнадцати лет впервые был с женщиной. Даже занимаясь любовью с Еленой, он про него не забывал.

Холодные мурашки побежали по телу Хотвайера. Он клял себя на чем свет стоит за непростительную глупость. Он хотел, чтобы для Клер все было на самом высшем уровне, он стремился к совершенству, а напакостил так, что и нарочно не придумаешь. Сейчас его сперма уже растекалась в ней, и один из маленьких головастиков уже мог прийти к цели первым.

Клер может быть беременна его ребенком.

Возможные последствия показались, как ни странно, куда менее пугающими, чем сама ошибка. Что бы она там про себя ни думала, из нее получится замечательная мать. И, представив ее с округлившимся животом, в котором жил его ребенок, Хотвайер, как ни удивительно, испытал не меньшее возбуждение, чем смакуя воспоминания о только что произошедшем акте любви. Он был на волосок от того, чтобы снова кончить, а ведь он даже не шевельнулся.

Хотвайер решил побороть эрекцию рассмотрением возможной реакции Клер на его ошибку. Что, если она и вправду забеременела? В ее ситуации она не сможет принять на себя роль одинокой матери.

Жизнь с матерью и так для нее была слишком тяжела.

И еще, по совершенно непонятным ему причинам, она сомневалась в своих способностях к воспитанию детей. Клер не была уверена в том, что сможет стать хорошей матерью своим детям даже при наличии мужа, что уж говорить о случайной беременности! Понятно, что Клер захотела бы дать своему ребенку все лучшее, включая полную семью и настоящий дом. А ведь именно это он обещал Елене никогда не иметь.

Или все же не обещал? Он обещал Елене, что ни одну женщину не будет любить так, как любил ее.

В представлении Хотвайера это означало, что он никогда не женится, никогда не заведет детей. Ни одна женщина не

сможет получить пожизненно его тело, не завоевав сердца.

Но Клер приняла его в качестве любовника, не требуя любви. Хотя, должен был он признаться, если бы она вложила в любовный акт немного чувства, он не стал бы возражать.

Любя его, ей будет легче принять то, что, как он был уверен, при тщательном рассмотрении она примет как наилучшую альтернативу. Но даже если она не будет его любить, она захочет дать лучшее их ребенку. Собственные сердечные склонности уже не будут иметь решающего значения. Хот-вайер был в этом уверен.

Та тяжесть, что сдавливала его грудь с того момента, как уснула Клер, ушла. Он сможет хранить обещание Елене и в то же время правильно поступить по отношению к Клер. Они могли бы неплохо жить вместе.

Он был уверен, что она будет смотреть на вещи так же, как он.

Глава 14

Клер проснулась с ощущением легкого пощипывания между ног и незнакомым чувством безмятежности. Чувство это было удивительно приятным. Клер с наслаждением потянулась и открыла глаза. Она увидела, что лежит в постели одна. За окнами наступал вечер, и предзакатные солнечные лучи проникали в комнату сквозь полупрозрачные жалюзи.

Комната была красивой и изысканно комфортной. Клер еще раз хорошенько потянулась, наслаждаясь сознанием того, что ей больше не надо готовиться к экзаменам, что ей не надо идти на работу. Она могла бы снова лечь спать, если бы захотела, могла бы дремать, валяясь в постели, дожидаясь возвращения Бретта.

Какое приятное, ни с чем не сравнимое ощущение – валяться обнаженной на огромной кровати и не иметь никаких срочных дел! Клер не помнила, когда в последний раз чувствовала себя такой свободной. Такой счастливой. Наверное, никогда.

Годы напролет она заботилась о матери – и до, и после того, как рак поразил ее. После смерти Норен Клер пошла учиться в колледж и, уйдя с одной работы с полной загрузкой, сразу поступила на другую. Она работала столько, сколько было необходимо для достижения текущих целей: и училась, и сама себя содержала.

После секса с Бреттом она, как ни странно, чувствовала скорее удовлетворение, чем тревогу из-за того, что эта связь не предполагала никаких обязательств, никакого будущего. Раньше, когда у нее был секс с другими, отсутствие прочных отношений больно ранило, но зато сейчас она никому ничего не была должна. Она сама приняла решение.

И ей это нравилось. Бретт хотел лишь получать удовольствие от секса, и она хотела того же.

Впервые за все годы она собиралась наслаждаться жизнью, и только. Она не станет переживать из-за будущего или стремиться привязать Бретта к себе, когда он соберется уйти. Он сообщил ей, чего ждать, и, вместо того, чтобы στε-нать по этому поводу теперь, когда они уже занимались с ним любовью, немалая часть ее самой упивалась сознанием того, что ока не вложила в их отношения больше чувств, чем хотела сама.

По той простой причине, что Бретт ясно дал ей понять, что не хочет этого. Никакого будущего. Никаких обязательств.

Свобода.

Какое потрясающее понятие.

Как ни странно, сознание того, что она может не делать никаких телодвижений, подвигла ее на обратное. Она хотела увидеть Бретта, не затем, чтобы излить на него свои эмоции... просто, чтобы быть рядом.

Только в спальне его не было, и свет в ванной не горел.

Из другой комнаты не доносилось никаких звуков. Что не означало, что Бретта нет в номере. Этот мужчина умел быть тише дыма, когда хотел.

Клер села в кровати и слегка скривилась от боли в мышцах, которые давно таким образом не работали. Душ все приведет в норму, но пару минут она еще поблаженствует, предаваясь воспоминаниям о том, как любил ее Бретт. На совесть. Страстно. И красиво.

Он был потрясающим любовником, он отдавался желанию целиком, без остатка, и он умел заставить и ее быть такой же. Ни одна женщина не посмела бы требовать большего от мужчины. В ушах ее все еще стоял тот крик, которым он возвестил мир о своей разрядке.

Как хорошо! Если бы она знала, что секс может быть таким чудесным, она не стала бы к нему так пренебрежительно относиться, не стала бы вычеркивать его из жизни. Но, с другой стороны, кто знает, был бы этот секс таким же значимым с другим мужчиной?

Отчего-то Клер сильно в этом сомневалась.

И эта мысль слегка ее отрезвила. Можно ли говорить о полной свободе, если наслаждаться ею она могла только с Бреттом?

Решив забыть об этой проблеме, как не имеющей прямого отношения к делу, Клер спустилась с кровати и взяла белый махровый халат, лежавший в ногах. Накинув халат, она пошла искать Бретта. Увы, в номере его не было.

Записка на обеденном столе сообщила ей, что он пошел купить кое-что необходимое, чтобы провести ночь. Она надеялась, что в числе этих покупок будет жестянка с чаем. Она бы с удовольствием выпила чаю прямо сейчас.

Клер увидела серебряный чайник на плите. Неужели в номерах люкс и это предусмотрено? Порывшись в буфете, она обнаружила всю необходимую кухонную утварь, но еды не было. Однако на последней застекленной полке она нашла маленькую корзинку с чайными пакетиками и пакетиками кофе. Отлично. Клер поставила чайник на плиту, а сама пошла принимать душ.

Она вымыла голову душистым шампунем, который нашла в ванной, затем намылила тело гелем для душа. Кожу приятно пощипывало. Еще никогда ощущения после секса не длились так долго. Не то чтобы у Клер секс был много раз, но в смысле удовольствия ее предыдущий опыт был настоящим разочарованием. А то, что она чувствовала сейчас, было поистине чудесным. Они занимались любовью примерно три часа назад, а тело ее все еще сохраняло такую высокую чувствительность. Просто в голове не укладывается!

Клер принялась отмываться. Она была ужасно липкая.

Может, Бретт забыл надеть презерватив? Все это происходило у них словно в горячке, так что она об этом даже не вспомнила. Все случилось как-то само собой.

Конечно, само собой ничего не случается, но у нее просто крышу снесло. Буквально. Она и представить не могла,

что способна на такую безответственность. Не в ее характере такое. Но, возможно, он тоже был настолько возбужден, что потерял связь с реальностью, как и она. Клер стало стыдно за себя, так ей понравилось такое предположение. Если он мог забыть про все на свете, она действительно была для него особенной, потому что Клер знала на все сто, что Бретт не станет заниматься незащищенным сексом.

Она даже не могла с уверенностью сказать, что Бретт не воспользовался презервативом и в этот раз.

Чайник начал посвистывать как раз тогда, когда Клер принялась вытираться. Она выбежала на кухню, чтобы выключить плиту, и в этот момент открылась дверь.

Клер уставилась на Бретта, стоящего на пороге с несколькими пакетами в руках. Глаза его были непроницаемы, выражение лица – стоическое. Словом, он никак не походил на человека, купающегося в откатных волнах недавнего добротного секса.

– Ты собираешься выключить чайник?

С некоторым запозданием Клер осознала, что чайник отчаянно свистит.

– Ах да, конечно.

Клер поспешила выключить плиту и переставить чайник на холодную конфорку. Свист немедленно прекратился.

Между Клер и Бреттом повисла странная тишина. О чем он думал? Почему он такой серьезный? Он забыл надеть презерватив. Он только из-за этого так выглядит?

Клер очень хотелось на это надеяться.

Бретт поставил пару пакетов на кухонную стойку, а остальные понес в спальню. Клер стояла возле плиты, глядя ему вслед, стараясь придумать, что сделать и что сказать, когда он вернется.

– Ты пытаешься приготовить чай?

– Да.

– Я купил тебе чаю. Тот сорт, что ты любишь.

– Спасибо. – О непринужденности не было и речи. Момент был крайне неловкий.

Клер была фактически голой, а вели они себя как вежливые незнакомцы. Словно они не сняли номер в этом отеле с единственной целью – заняться любовью. Почему? Что произошло?

Из-за презерватива? Или он сейчас пытается вести себя так, словно ничего не произошло, потому, что жалеет о произошедшем?

– Я готовлю чай, а ты пока вытирайся.

Не похоже на воркование любовника, но по крайней мере предложение дельное. И тактичное.

– Ладно.

Бретт ничего больше не сказал, и Клер отправилась в ванную.

Она остановилась у двери.

– Бретт?

– Да, моя сладкая?

Уже теплее. И вдохновляет.

– Ты сожалеешь о том, что у нас было?

– Ты про секс? – спросил он так, словно и в самом деле не совсем понимал, о чем она говорит.

Клер развернулась к нему всем телом.

– Конечно, про секс! А чем еще мы занимались?

– Ну, мы поели в китайском ресторане, запускали змеев на пляже, запутали бечевки, сняли номер в отеле, чтобы тут переночевать. – Если бы не предельно серьезный тон и вид, она бы решила, что он ее дразнит.

– С чего бы тебе сожалеть о чем-то таком? – спросила она, раздражаясь из-за того, что он все еще больше усугубляет.

– Не с чего.

– Тогда зачем поднимать такой вопрос?

– А зачем вообще поднимать вопрос о сожалении? Он не ответил. Клер была достаточно сообразительной, чтобы это понять.

– Потому что я хочу знать.

– Сожалею ли я о том, что занимался с тобой любовью?

– Да.

Его голубые глаза впились в нее.

– Сожалеть о том, чего нельзя изменить, – значит впустую тратить время.

У нее свело живот.

– Ты хочешь сказать, что хотел бы все изменить? Бретт определенно вел себя так, словно сожалел о том, что зани-

мался с ней любовью. Что означало, что он, возможно, не захочет повторения. Клер почувствовала, как внутри у нее собирается комок боли. Какая горькая насмешка над счастливым обретением свободы. Она верила в то, что сможет пережить его уход, только ей никогда в голову не приходило, что это произойдет так быстро.

Сердце ее готово было закричать ему: «Не уходи!»

– Оденься, Клер. И тогда мы поговорим.

– Отлично.

Хотвайер вздохнул. Клер была не в настроении, и это все портило. Он собирался смягчить последствия своей глупости, но улаживать проблему, которая таковой никогда не была, не входило в его планы. Да и не привык он выступать в этой роли.

Он не привык быть причиной стихийного бедствия.

Клер вышла из ванной закутанная в белый махровый халат. Пригладила кудряшки, но, даже мокрые, они стремились показать свой непокорный нрав и ложились так, как им нравилось.

Лучше бы она надела что-нибудь из того, что он ей принес. В этом белом халате, который у него всегда ассоциировался со спальней, она смотрелась слишком фривольно. Ее вид его возбуждал, что было совсем некстати. Бретт не собирался возвращаться с ней в спальню до тех пор, пока они не придут к согласию по одному принципиальному вопросу.

Он еще не успел заварить чай, как поймал себя на том, что

отошел в сторону, предоставив сделать это ей. Он не соби-
рался впитывать то раздражение и гнев, что буквально клу-
бились вокруг нее. Нет уж, увольте.

Для женщины, которая совсем не умела готовить, Клер вполне прилично справилась с завариванием чая.

Она закончила с чаем примерно в то же время, как он за-
кончил выкладывать покупки на стойку.

Клер протянула ему чай:

– Вот. Мы можем поговорить в другой комнате. Хотвайер
взял у нее кружку, заметив, как старательно Клер избегает
прикосновений. Хотвайер нахмурился.

– Я не кусаюсь.

Она бросила на него хмурый взгляд.

– Может, я кусаюсь.

Он с трудом подавил желание рассмеяться. Сейчас этот
ход был бы неуместен, но она была такая славная девчон-
ка! Он сел на край дивана, но тут же пожалел о своем выбо-
ре, когда Клер тоже села на диван. В такой тесной близости
сохранять достаточно самообладания для столь серьезного
разговора было трудно.

Клер с ногами забралась на диван, так что он мог сколько
угодно любоваться ее студнями.

– Итак, этот мрачный фатализм, которым ты потчешь ме-
ня с момента твоего возвращения, имеет какое-то отноше-
ние к тому факту, что ты не использовал презерватив, заблу-
говременно тобою купленный?

Хотвайер как раз собирался глотнуть чаю, но сейчас вынужден был опустить кружку. Он не хотел обжечься.

– Ты поняла, что я не надел презерватив? И так спокойно к этому относишься?

– Не тогда, нет. – Клер глотнула чаю, не сводя с него твердого взгляда. – Но в ванной я это поняла. Наверное, мне это должно было прийти в голову раньше, когда я проснулась, например, но я была слишком занята приятными воспоминаниями о том, как мне было хорошо. Я никогда не бывала такой влажной, как в ту ночь, когда ты доставил мне удовольствие, чтобы я уснула, поэтому я не была абсолютно уверена в том, что эта липкость из-за того, что секс был без презерватива. Наверное, некоторые вещи до меня слишком долго доходят.

– На самом деле ты очень быстро соображаешь.

– Но, очевидно, не настолько быстро, чтобы напомнить тебе о защитном средстве.

– Это не твое дело. Я – человек с опытом. Это целиком моя вина.

Клер нахмурилась.

– Ты ведь так не думаешь, если честно? Потому что если ты действительно так думаешь, то я должна чувствовать себя ужасно оскорбленной. Ты считаешь меня умственно отсталой? Я взрослая женщина и отвечаю за свои действия или за отсутствие таковых. И, пусть список моих любовников не очень длинный, я не наивная девственница. Я понимаю важ-

ность защиты во время секса.

– Ты не знала, во что втягиваешься и как это на тебе отразится. – Черт, он тоже этого не знал, но он догадывается, принимая во внимание те последствия, что может иметь его беспечность для нее. И на этом он хотел бы сфокусировать внимание. Он должен был поступить по-другому, это он совершил ошибку. – Ты сама говорила, что у тебя до этого не было нормального секса. Я должен был тебя защитить, а я... я обгадился.

Ему не так легко было это сказать. Он всегда старался поступать так, чтобы этих слов не пришлось произносить. И вот теперь, когда в них возникла необходимость, они драли горло, как пыль.

– Я не понимаю, как ты можешь считать это только твоей ошибкой. Ты так же потерялся в том, что происходило между нами, как и я.

– Но со мной такого не должно было быть. Клер пристально на него смотрела.

– Ты хочешь сказать, что обычно так у тебя не бывает?

– Нет, – выдавил он из себя, чувствуя себя полным дураком.

– Ты очень часто забываешь надеть кондом? – В голосе ее вообще не было беспокойства.

На самом деле, если бы он не понимал, что этого просто не может быть, он сказал бы, что в ее карих глазах увидел облегчение и... изрядную долю самодовольства. Но ни одна

женщина не стала бы реагировать так на новость о том, что только что у нее был незащищенный секс, особенно женщина с таким здравым и практичным умом, как Клер.

– Конечно, нет. Я никогда не стал бы полагаться на партнершу в вопросах контрацепции.

– Итак, мне не следует переживать по поводу каких-то гадких болезней?

– Нет, – сказал Хотвайер, еще более ошарашенный этим вопросом, чем первым.

Она что, действительно думает, что он стал бы предлагать ей секс, не предупредив о таком обстоятельстве, если бы оно имело место? Не говоря уже о том, что он был достаточно разборчив в выборе партнерш.

– Я не носитель венерических заболеваний. И СПИДа тоже.

– Хорошо. И я тоже ничем таким не болею.

– Рад это слышать, но мы отклонились от главной темы.

– Итак, ты пытаешься донести до моего сознания, что если я менее опытна в искусстве секса и головокружительных оргазмов, мне позволено быть слабоумной в том, что касается предохранения от беременности?

– Нет. – Она неглупая женщина, а делает такие дурацкие предположения. – Я не говорил, что ты слабоумная.

– Тогда ты согласен, что забытый кондом – это наша совместная оплошность, и ответственность за это мы несем оба?

– Нет.

– С тобой просто невозможно разговаривать! – Клер была заведена, как пружина.

– Я просто честный человек. Не так легко признавать столь грубые ошибки, но я не собираюсь бежать от ответственности.

– Что это значит?

– Я все исправлю.

– Каким образом?

– Я думаю, мы должны пожениться.

Глава 15

Хотвайеру хотелось выругаться.

Все вышло совсем не так. Он не собирался взять и выпалить эту фразу без всякой подготовки. Даже если у них и не было романа вовсе, женщина заслуживает того, чтобы ей предложили руку и сердце с определенными церемониями. Ну, например, за ужином при свечах, и чтобы предложение сопровождалось теплым поцелуем. Или двумя.

А он взял и выпалил эту дурацкую фразу. А теперь надо было продолжать – как вышло, так вышло.

Клер в ужасе округлила глаза:

– Что?

– Я хочу, чтобы ты вышла за меня замуж. Пожалуйста. – На этот раз вроде получилось получше. Слово «пожалуйста» оказалось удачным экспромтом.

Только Клер, похоже, и не думала соглашаться на столь заманчивое предложение. И «пожалуйста» не помогло. Может, она просто не оправилась от шока?

– Потому что мы забыли использовать кондом? – спросила она так, словно не верила своим ушам.

– Потому что ты, возможно, беременна.

Клер скривилась, словно Хотвайер сказал нечто оскорбительное.

– Как ты сам думаешь, велика ли вероятность?

– Это ты мне должна сказать.

– Что ты имеешь в виду? – агрессивно спросила она.

– Это твой женский цикл.

– Ах да. – Клер замолчала, словно что-то подсчитывала.

Затем она наморщила лоб и прикусила нижнюю губу. – Я как раз посередине цикла.

– Так что время – хуже не придумаешь. Черт! Я хочу сказать, что вероятность довольно высокая.

– Нет. Вероятность зачатия существует, это да, но статистика показывает, что мужчины и женщины любят друг друга сплошь и рядом посередине женского цикла, а партнерша не беременеет. Как ты думаешь, почему у нас в США специалисты по репродукции пользуются таким большим спросом?

– Риск велик, – продолжал настаивать на своем Хотвайер.

– Статистика существует сама по себе, а люди – сами по себе.

– И потому, что ты считаешь, что есть вероятность моей беременности, заметь – вероятность, а не определенность, – ты готов принести в жертву свое будущее и жениться на мне?

– Это не будет жертвоприношением.

– Конечно, не будет! Ты не любишь меня – ты сам мне говорил – и тебе и в голову не приходило подумать о том, чтобы на мне жениться, пока ты не забыл надеть кондом.

Он не хотел выводить разговор в эту плоскость. Клер была права, но подтверждать ее правоту означало только подливать масла в огонь ее аргументов. Он уже и так порядком

запутался.

– Клер, только не говори мне, что, прожив такое детство, как прожила ты, ты спокойно воспримешь перспективу стать матерью-одиночкой.

– После того детства, которое было у меня, перспектива стать матерью – одиночкой или не одиночкой – не вызывает у меня желания о ней думать.

– Ты хочешь сказать, что ты бы прервала беременность?
– Бретт не рассматривал такую возможность.

Может, и стоило.

Клер сморщилась от отвращения.

– Я не ем мяса, потому что мне отвратительна сама мысль об убийстве животных! Ты действительно думаешь, что я способна убить собственного ребенка?

– Некоторые люди...

– Я к ним не отношусь. Я не считаю, что аборт – приемлемый метод контроля над рождаемостью.

– Я с тобой согласен.

– Тогда зачем поднимать эту тему?

– Ты сказала, что не хочешь быть матерью.

– Я сказала, что это не то, о чем я хотела бы думать, но я не сказала, что не постараюсь сделать все от меня зависящее, чтобы стать хорошей матерью моему ребенку.

– Я знал, что ты так к этому отнесешься.

– Что значит «так»? – настороженно переспросила Клер.

– Так – сделаешь все возможное, чтобы дать нашему ре-

бенку все лучшее, что можешь дать.

– И ты считаешь, что то хорошее, что я могла бы дать нашему ребенку, включает брак с тобой?

– Памятуя о той жизни, что была у тебя с матерью, ты захочешь, чтобы твой ребенок рос в полной семье. Чтобы у него было двое родителей, на которых он мог бы рассчитывать.

– Ты хочешь сказать, что, получив нормальное воспитание, ты так не считаешь? – Она задала ему этот вопрос таким тоном, что Хотвайер задумался, не обидел ли он ее еще чем-нибудь.

– Я не хотел намекать на...

– Давай внесем ясность. Моя мать была отвратительной родительницей не потому, что растила меня одна. Она была плохой матерью, потому что пила. Я не пью. И пить не буду. И мне не надо выходить замуж, чтобы дать моему ребенку достойную жизнь.

– Но выйдя за меня замуж, тебе будет легче это сделать. Признайся. Ты только закончила учиться и еще не сделала карьеру. Ты нуждаешься во мне. – Неужели она этого не понимает?

Клер отшатнулась от Хотвайера с таким видом, словно он был заразным.

– Я не объект твоей благотворительности. Ты не должен жениться на мне из-за какого-то странного рыцарского чувства, явно направленного не по адресу, или из страха, что я

последую по стопам матери и посажу своего ребенка на шею государству.

– Вот этого я никогда не боялся, – с нажимом сказал Хотвайер. – Я думаю, что из тебя получится прекрасная мать. Ты сильная и умная. Но зачем усложнять себе жизнь? Ошибка была моя, и ничего рыцарского в том, чтобы попытаться ее исправить, я не вижу.

– Это была ошибка нас обоих! – Глаза Клер метали искры. – И я не нуждаюсь в том, чтобы ты ее исправлял.

Что это на нее накатило?

– Ты ведешь себя так, словно я тебя обидел.

– Ты меня обидел.

– Попросить тебя выйти за меня замуж означает тебя обидеть? – спросил Хотвайер в изрядно подпорченном настроении.

– Ты не просил. Ты проинформировал меня, что это лучшее решение для того, чтобы исправить ошибку, о совершении которой ты сожалеешь.

– Я не сказал, что я сожалею.

– И ты также не сказал, что не сожалеешь о том, что занимался со мной любовью. Мне твое теперешнее отношение понятно, как оно мне было понятно и раньше. Но как оно мне не нравится сейчас, так оно мне и тогда не слишком нравилось. То, что мы делали, мы делали вместе, и ты не можешь отрицать, что этого хотели мы оба.

– Я не сожалею о том, что я занимался с тобой любовью,

– уже кричал Хотвайер, не понимая, почему их беседа перешла в ожесточенный спор. – И я этого уж точно хотел!

Клер должна была радоваться тому, что он предложил ей жениться. Близость с ним значила для нее больше, чем она готова была признать, и Хотвайер знал это с самого начала. Именно поэтому он старался не играть на ее чувствах. Увы, он не сумел сдержать в узде собственное желание, – Расскажи мне о других мужчинах, с которыми у тебя был секс.

– Что? – Клер смотрела на него так, словно он вдруг обзавелся рогами. – Зачем тебе?

– Я хочу знать.

Она нахмурилась и перекинула ноги на пол.

– Их было только двое.

– Кем они были?

– Оба ухаживали за мной в старших классах, когда я была совсем юная и настолько глупая, что верила в сказки про вечную любовь. И это несмотря на то, что каждый день видела прямое доказательство обратного.

– Ты их любила.

– Думала, что любила.

– Кто прерывал отношения?

– Я.

– Почему? Клер вздохнула.

– А это важно?

– Важно, – сказал Хотвайер, который и так хорошо себе представлял, что она скажет.

Он знал Клер уже пару лет и успел узнать о ней за это время гораздо больше, чем она думала. Она была человеком, преданным до фанатизма.

Дружба для нее была священна. Она брала на себя сверхвысокие обязательства по отношению к друзьям. Достаточно было понаблюдать, как она относится к Куини, как потрясла ее смерть Лестера, достаточно было подумать о ее готовности пожертвовать собственным комфортом, чтобы помочь Джози со свадьбой. Она готова была помогать ей, даже если из-за этой помощи ей придется провести трое суток без сна.

– С каждым из этих ребят я прекращала отношения тогда, когда понимала, что для меня они значат куда больше, чем я для них.

– Не из-за плохого секса?

– Конечно, нет.

– Я тоже так не думаю. Ты ожидала долговременных отношений, а они в этом необходимости не видели.

– Да, но это было давно. С тех пор я выросла.

Хотвайер сжал зубы в бессильной ярости. Да, верно, выросла. Но с возрастом личность человека, ее основные составляющие не сильно меняются. Ее пуританская душа должна была возрадоваться при мысли о том, что он хочет освятить их близость узами брака, но она спорила с ним со своей обычной непримиримостью. И он этого не понимал.

Даже если она его не любила, он был по крайней мере ей небезразличен, и Клер действительно хотела его. Брак с ним

означал, что она берет его на всю жизнь. И он берет ее.

И что в этом плохого?

– Итак, ты хочешь сказать, что мысль о сексе ради секса с моим участием тебе нравится?

Клер впервые за все время разговора улыбнулась.

– Да, именно это я и хочу сказать. Я поняла это, когда проснулась. Впервые в жизни я чувствовала, что довольна такой перспективой. Я свободна. По-настоящему свободна. Никаких связывающих обязательств, ни о ком не надо заботиться, никаких высоких целей, которых можно добиться только страшно тяжелой работой. Я захочу с рюкзаком за спиной обойти вокруг света или наняться на работу в другом штате – и меня ничто не остановит. Я могу поехать куда угодно, я могу быть тем, кем хочу быть.

– Пока за тобой идет охота, ничего из перечисленного ты позволить себе не можешь.

– Но эта ситуация вечно не продлится, и когда все будет закончено, я...

– Сможешь поехать куда угодно и делать все, что угодно. Да, я и в первый раз прекрасно слышал, – перебил ее Хотвайер. Настроение его стремительно портилось. – А как насчет меня?

– Ну, ты же ясно дал понять, что сожалеешь о нашей близости, так что, возможно, нам лучше снова не вступать в эту реку. – Но вид при этом у Клер был такой, словно перспектива больше никогда не заниматься с ним любовью ее огор-

чала.

С него было довольно.

– Я не сожалею об этом. Клер презрительно фыркнула.

– Правда. – У него кишки сводило от желания доказать ей, как сильно он об этом не сожалел. – Единственное, о чем я сожалею, это о том, что забыл кое-что важное. – Хотвайер вздохнул в надежде, что хоть на этот раз до нее дойдет – я оплошал, и я не позволю тебе одной расплачиваться за мою ошибку.

Клер вскочила с дивана, глаза ее метали молнии.

– Я не знаю, как ты только мог представить себе, что я захочу выйти замуж за мужчину, который видит в браке со мной только способ загладить самую большую ошибку его жизни!

– Я этого не говорил.

– Зачем говорить – и так все понятно.

– Черт тебя дери, Клер! У нас нет выбора. Это единственный способ все исправить.

– Брак – это не кусок ветоши, чтобы заткнуть текущую трубу. Брак – это на всю жизнь, Бретт.

– А ты не считаешь, что я стою такого риска?

– Я этого не сказала.

– По твоим словам именно так и выходит, но, возможно, проблема не в этом. Возможно, ты считаешь, что из меня не получится хороший отец.

На мгновение глаза Клер потеплели.

– Конечно, из тебя получится отличный отец.

– Поэтому я тебя и прошу создать нормальную семью. Я не смогу жить, встречаясь со своим малышом в назначенное время, я не хочу быть для него чем-то временным, проходящим.

У Клер задрожала губа, но она ее прикусила.

– Ты даже не знаешь, беременна ли я.

– Интуиция подсказывает, что беременна. – На этот раз Хотвайер был готов прислушаться к интуиции.

– Я не думаю, что это тот случай, когда ты можешь полагаться на свою интуицию.

– Почему? Клер вздохнула.

– Ты по уши погрузился в чувство вины. Только поэтому для тебя моя беременность – закономерное следствие совершенного тобой преступления.

– Хорошо, что ты хотя бы это признаешь.

– Я ничего не признаю. – Клер готова была заплакать, а он не мог понять почему. – Я просто говорю о том, как ты к этому относишься.

– Черт с этим всем, Клер...

– Перестань ругаться при мне. Мне это не нравится.

– Извини.

– Принимается.

– А теперь ты можешь взглянуть на все рационально, без эмоций?

– А ты сам разумно поступаешь, предлагая мне выйти за

тебя замуж из-за отдаленной вероятности того, что я могла забеременеть? Если мы больше не станем заниматься сексом, такая вероятность почти исключается, и тогда нам вообще не о чем будет беспокоиться.

– Мы определенно займемся любовью снова.

– Ну, кто из нас ведет себя нелогично?

– Ты считаешь, что смотреть правде в глаза неразумно?

Как ты думаешь, почему я забыл надеть этот чертов кондом? Я так тебя хочу, что стоит мне к тебе прикоснуться, и я уже на небесах. Я даже не могу гарантировать того, что в следующий раз, занимаясь с тобой любовью, снова про него не забуду. Но что я точно могу гарантировать, так это то, что следующий раз непременно будет. И, по-моему, это более чем основательный базис для брака.

– Если бы ты женился на всех тех женщинах, с кем у тебя был секс, то тебе пришлось бы переехать в мусульманскую страну с узаконенным многоженством.

– Но я хочу жениться только на тебе.

– Но ты не хочешь на мне жениться. В тебе просто говорит чувство вины. Кроме того, как насчет твоего обещания Елене? Если ты нарушишь его, ты будешь чувствовать себя еще более виноватым.

– Я не обещал ей не жениться.

– Тогда что ты ей обещал?

– Никогда не любить никого так, как я любил ее.

– Иными словами, ты хочешь на мне жениться, но ты не

просто не любишь меня сейчас, ты лишаешь меня даже надежды на то, что когда-нибудь в будущем сможешь меня полюбить? – Клер произнесла это таким тоном, словно Хотвайер преподносил ей пахучие железы скунса.

– У нас есть страсть, дружба, взаимоуважение. Неплохой фундамент для брака, разве нет? И ты мне все время твердила, что не веришь в любовь на веки вечные. Тебя этот аспект не должен беспокоить.

– Это верно, не должен. – Но, судя по виду, именно этот аспект и беспокоил ее сильнее всего. – Как бы там ни было, я не выйду за тебя замуж, – сказала Клер с тихой убежденностью.

Черта с два она за него не выйдет! Это лучшее решение вопроса, даже если она не беременна. Она нуждается в нем, и однажды сама это поймет.

– Поживем – увидим.

– Нет, не увидим.

Хотвайер лишь молча покачал головой.

– Я купил кое-что на ужин, но если ты хочешь сходить в ресторан, я тебе и одежду купил.

– Ты купил мне одежду?! – От резкой смены курса у Клер слегка закружилась голова.

Хорошо. Надо просто занять ее ум чем-то другим. И это поможет делу.

– Ага.

– Но ты не знаешь мой размер.

– Еще как знаю. – Он тоже не слепой, видел нашивки с размером на ее одежде.

Клер нахмурилась.

– Не надо было этого делать. Я могла бы надеть то, в чем приехала.

– Если ты хочешь поесть в номере, ты вообще можешь ничего не надевать. – Хотвайер взглядом дал понять, что эта мысль ему более чем по душе.

– Мы можем поесть в ресторане, – выпалила Клер.

– Если ты этого хочешь...

– Да, я хочу поесть в ресторане, но я не понимаю, почему я не могу надеть свою одежду.

– Я купил тебе платье. – И ему это доставило массу удовольствия.

– Вообще-то я не очень люблю платья. Они мне не идут.

– Я бы так не сказал. На свадьбе Нитро и Джози ты выглядела сногшибательно. – У Клер убийственно красивые ноги.

– Джози заплатила стилисту и парикмахеру, чтобы меня накрасили и сделали прическу.

– Клянусь, не воспоминания о твоей прическе заставляли меня обливаться потом во сне и просыпаться с таким твердым членом, что им можно было руду в шахте отбивать.

– Я тебе снилась? В таких снах?

– После того как мы провели день, ты еще спрашиваешь, как такое возможно?

– То, что ты меня хочешь, когда я рядом, понять можно,

но ты намекаешь на то, что думаешь обо мне, когда меня нет рядом.

– Да. Когда я путешествую, когда на задании. Я много о тебе думаю, моя сладкая.

– Ты думаешь обо мне в этом ключе на работе? Хотвайер закатил глаза. Она что, серьезно?

– А ты разве обо мне не думаешь?

– Нет.

Хотвайер любил в Клер честность. За всю жизнь он не встречал никого, в ком было бы так мало притворства. Она сказала то, что думала. Она никогда не играла в игры – ни умственные, ни эмоциональные. Цельность была неотъемлемой частью ее натуры.

Хотвайер встал, схватил ее за руку и потащил в спальню, туда, куда он побросал пакеты с купленной для нее одеждой.

– Пошли. Давай одеваться.

– Я вполне могу одеться самостоятельно.

– Не сомневаюсь. – Он ухмыльнулся и подмигнул ей – Но я бы с радостью помог.

– Я не думаю, что это хорошая мысль.

– Ты действительно настроена поужинать в ресторане?

Клер отстранилась от Хотвайера и посмотрела на него выражением, которое ему не понравилось.

– Дело не в этом. Если ты станешь помогать мне одеваться, то это повлечет за собой другое, а я не думаю, что в данный момент это было бы уместно.

Хотвайер стал теснить Клер к кровати, и она попятилась, широко раскрыв глаза. Он остановил ее отступление, взяв ее лицо в ладони. Она действительно не понимает, что платоническая дружба между ними больше невозможна?

– У нас на юге есть поговорка: нет нужды запираить дверь сарая на засов, когда корова уже пропала.

– Мы тут с тобой не на ферме.

– Я не хотел сказать, что мы на ферме, но у нас с тобой потрясающий секс. Вернуться к дружбе без секса все равно что пытаться играть в профессиональный футбол, не касаясь мяча.

– У меня есть для тебя другая присказка: только полный дурак исправляет ошибку, совершая другую.

– Секс между нами не был ошибкой, и я могу поставить последний доллар на то, что это случится еще не один раз.

Клер открыла рот, чтобы возразить, но Хотвайер не соби-рался ее слушать. Он просто взял и поцеловал ее.

Клер не сразу откликнулась на его ласку, но Хотвайер и не думал сдаваться без боя. Он осторожно усилил давление, побуждая ее к ответному поцелую. Она держалась дольше, чем он мог предположить, но после долгих усилий с его стороны с губ Клер сорвался легкий вздох.

Она расслабилась и ответила Хотвайеру с той сладостной страстностью, к которой он уже успел привыкнуть. Он целовал ее до тех пор, пока сам не оказался на грани того, чтобы уложить ее на кровать и ус: роить очередной сеанс любви.

Он был бы только за, но, вспомнив об обещании вывести ее поужинать, решил сбавить накал. Хотвайер прервал поцелуй и отступил.

– Может, ты в чем-то и права. Если я буду помогать тебе одеваться, мы отсюда никогда не выйдем.

Клер кивнула, но дыхание у нее было сбивчивым и хриплым. Таким же, как у него.

– И где то платье, что ты мне купил?

– На самом деле это не платье – это юбка и джемпер, и если тебе не понравится, можешь их не надевать. Я просто подумал, что тебе захочется выйти к ужину в чем-то свежем. Вот и все.

– Если ты желаешь, чтобы я пошла в том, что ты купил, я не против, – сказала Клер, немало удивив его тем, что сдалась без боя. – Не думаю, что эти вещи могут быть хуже того наряда, что я надевала на свадьбе Джозетты. Только я не уверена, что моя обувь будет хорошо смотреться с юбкой.

– Я купил еще и босоножки. – Хотвайер кивнул в сторону второго пакета, в котором лежала коробка.

– На высоком каблуке? – спросила Клер, с подозрением глядя на пакет.

– Нет.

– Тогда ладно. Да... спасибо тебе. – С выражением досады на лице Клер взяла оба пакета и удалилась в ванную.

Белый облегающий джемпер без рукавов и плиссированная юбка с черными, розовыми и белыми спиральными по-

лосами на манекене выглядели классно, а на Клер они должны смотреться просто потрясающе.

Когда пятнадцать минут спустя она вышла из ванной, Хотвайер поздравил себя с тем, что не ошибся в выборе наряда. Он не мог отвести от Клер глаз.

– Ты очень красивая.

Клер покачала головой, нахмутив лоб.

– Я выгляжу как пай-девочка.

– Ты сексуальная, привлекательная женщина. И этот стиль – определенно твой.

Клер окинула себя взглядом с таким видом, словно не вполне верила в то, что видит.

– Я бы никогда себе ничего подобного не купила. Но боножки мне нравятся.

– Продавщица заверила меня, что в них ты можешь хоть в баскетбол играть. – Хотвайеру действительно сказали, что они очень удобные. Настолько же удобные, насколько красивые.

– Как-нибудь надо попробовать, – шутливо сказала Клер, и Хотвайер улыбнулся в ответ.

– Я рад, что тебе понравилась обувь, но что касается твоего наряда, по той унылой пустоте, что я обнаружил в твоём шкафу, я мог бы сказать, что ты вообще не считаешь нужным себе что-либо покупать.

Клер пожала плечами.

– У меня хватает одежды, чтобы прикрыть себя, а все

остальное не так важно. Я предпочитаю тратить деньги на оборудование компьютера. Ты должен меня понять.

– Конечно. – Но когда они поженятся, он позаботится о том, чтобы у нее хватало денег и на то, и на другое. Хотвай-еру нравилось видеть Клер в женственном наряде. – Что касается моей сестры, то ради нарядов она готова работать в две смены.

Клер бросила на него ничего не выражающий взгляд и пожала плечами.

– Каждому свое, наверное.

– Лучше тебе сразу подготовиться. Моя сестра и мама непременно вытащат тебя за покупками, когда ты приедешь в Джорджию. Отец даже купил пакет акций торгового центра, потому что, как он сказал, «желает вернуть себе хоть часть того, что тратится на тряпки».

– Не помню, чтобы я соглашалась лететь с тобой в Джорджию.

– Полетишь. Я знаю, что ты не станешь из-за глупого упрямства лишать нуждающихся благотворительной помощи. Для тебя это слишком важно.

Клер скрестила руки на груди, тем самым еще сильнее подчеркнув щедрость природы, наградившей ее столь аппетитными формами.

– Это нечестная игра.

– Это вообще не игра. Я хочу, чтобы ты поехала в Джорджию со мной.

– И ты считаешь, что подкуп – лучший способ меня убедить?

– Да, этот способ вызовет у тебя меньше всего отрицательных эмоций по отношению ко мне.

– Но ты ведь не стал бы меня похищать?

Клер не знала его настолько хорошо, чтобы полностью исключить подобную возможность. В конце концов Хотвайер уже давно перестал быть джентльменом из южного штата.

– Я сделаю все, что будет необходимо, ради твоей безопасности.

Клер вздохнула:

– Ладно, как скажешь.

Хотвайер почувствовал огромное облегчение.

– Ты согласна? Ты летишь в Джорджию? Больше никаких споров по этому вопросу?

– Насчет поездки – да, но вот насчет похода за покупками с твоей мамой и сестрой я не могу согласиться. Боюсь, что мой банковский счет не выдержит уже того, что мне придется вернуть тебе за этот наряд.

Он нахмурился.

– Это подарок.

– Нет.

Он приложил ладонь к ее губам.

– Все, больше не спорим. Пожалуйста.

Хотвайеру нравились их словесные перепалки, но он знал, куда заведет их спор сейчас. В ресторан они точно не попа-

дут.

– Я заказал нам столик, пока ты была в ванной. Нам надо идти, если мы хотим успеть вовремя.

Клер старалась дышать ровно, когда Хотвайер провел ее мимо метрдотеля, положив ей руку на талию. Вначале он зацеловал ее до беспамятства, потом, когда она вышла из ванной в новом наряде, едва не прожег ее взглядом.

Спор, близкий к ссоре, никак не уменьшил накал сексуального напряжения, существовавшего между ними. И Хотвайер не отпускал Клер от себя ни на мгновение. Им предстояло проехать всего один этаж на лифте, но он и эти секунды потратил с максимальной эффективностью, преподав Клер очередной урок оболъщения. Он придерживал ее за шею, поглаживая затылок пальцем так, что все тело начинало звенеть и покалывать от нетерпения.

Клер под огнем его взглядов и прикосновений чувствовала себя кошкой на раскаленной крыше. Наверное, Хотвайер был прав в том, что секс между ними неизбежен.

Что касается брака, то этот вопрос вообще не требовал рассмотрения. Возможно, Хотвайер предлагал ей будущее, о котором она могла лишь мечтать, но делал это исходя из убийственно ложных предпосылок. Мужчина должен просить руки женщины, движимый желанием, а не чувством вины.

Он слишком сурово к себе относился. И готов был воспринимать оплошность как преступление. Ошибка для него

приобретала размеры смертного греха.

Клер не могла не думать о Елене и не сравнивать себя с ней, особенно после признания Хотвайера в том, что он никогда ее, Клер, не полюбит.

Клер не могла дорасти до стандартов той, другой женщины, не могла даже приблизиться к той поднебесной вершине. Клер на месте Елены не стала бы отказываться от возможности провести всю жизнь рядом с любящим и любимым Хотвайером ради политических идеалов. Клер не была способна на такое самопожертвование, но на него была способна Елена и был способен Хотвайер. И Клер не позволила бы ему ради себя пожертвовать будущим. На самом деле все кончилось бы тем, что он возненавидел ее, особенно если бы она стала яблоком раздора между ним и его семьей. И уж точно, эти преуспевающие южане не слепые котята, чтобы позволить ему взять в жены дочь самоубийцы и алкоголички.

Глава 16

Метрдотель остановилась у столика с видом на океан.

– Этот подойдет?

– Великолепно! – выдохнула Клер. Вид был потрясающий, и она с одобрением отнеслась к тому факту, что столик их не прятался в укромном уголке вдали от чужих глаз.

Все, что могло укрепить ее силы в борьбе против влечения к Бретту, только приветствовалось. Но уже спустя полчаса Клер усомнилась в том, что ей хоть что-нибудь могло помочь в этом плане. Бретт умудрялся каждый малейший жест превратить в сексуальную игру. Он даже хлеб мог намазывать маслом так, словно это было элементом игры сугубо для взрослых. Он не успел съесть и три кусочка закуски, как Клер поймала себя на том, что видит только его губы и не может отвести от них глаз. И думает лишь о том, как восхитительно эти губы ласкали ее тело. Ноги его тоже как-то невзначай оказывались на ее стороне стола. Прикоснувшись к ее ногам под столом, Бретт извинялся с невинным видом, но спустя какое-то время все начиналось вновь. Он едва касался ее ног под столом, а сердце Клер уже подпрыгивало от желания. Будто бы одного его присутствия рядом было мало для того, чтобы сводить ее с ума.

Они едва приступили к главному блюду, а Клер уже сдавалась – положила приборы и, откинувшись на спинку стула,

бросила есть и смотрела на Бретта. Если они и не проведут вместе целую жизнь, то что мешает ей наслаждаться его обществом здесь и сейчас?

– В чем дело? – невинно поинтересовался Бретт, приподняв бровь.

– Техникой обольщения ты владеешь в совершенстве.

– О чем ты, дорогая? Я всего лишь наслаждаюсь едой. – Он улыбнулся, и сердце ее сжалось от сладкой муки. – Обольщение еще впереди.

Клер покачала головой. Она-то знала, что за игру ведет Бретт.

– Ты просто пытаешься доказать, что я не в силах от тебя отказаться.

Его брови снова взлетели вверх.

– А ты можешь?

– Наверное, нет, но я не думаю, что ты ведешь честную игру.

– Что нечестного в том, что мы вместе ужинаем?

– Дело не в том, что мы ужинаем, дело в том, как ты ешь.

Нога Бретта скользнула по ее обнаженной икре.

– Ты так думаешь?

Клер едва не вскрикнула и поспешила спрятать ноги под стул.

– Ты напрашиваешься на неприятности.

– О чем ты?

– О том, что мы сегодня будем спать по разным комнатам.

– Ты собираешься спать не со мной?

Вообще-то Клер намеревалась устроить ему обструкцию.

При сложившихся обстоятельствах безумный секс едва ли помог бы им прийти к взаимопониманию. Однако Клер не была уверена в том, что целомудрие им бы тоже помогло. Ничто не могло изменить того свершившегося факта, что в первый раз они занимались любовью без презерватива.

Она сделала глоток и осторожно поставила стакан на стол.

– Суд присяжных еще не вынес решения по этому вопросу.

– Я могу что-то сделать, чтобы повлиять на исход голосования?

– Не притворяйся, что ты этого уже не делаешь.

– Но я могу немного прибавить – самую малость, если ты считаешь, что это что-то изменит.

Негодяй.

– Давай, вперед, и тебе придется заковать меня в гипс, чтобы я усидела на месте. Я бы предпочла, чтобы ты поостыл.

– Мы могли бы поплавать после ужина. Это бы нас обоих охладило.

– В океане? – Клер зябко поежилась. Даже в середине лета вода была такая холодная, что ноги сводило.

– В бассейне. В отеле есть открытый бассейн. Но вода там нагревается. Он рядом с океаном, но между ним и бассейном есть стеклянный щит от ветра.

– Здорово! – Действительно неплохая мысль. К тому же плавать в общественном бассейне куда безопаснее, чем сидеть за столиком на двоих с мужчиной, который может довести женщину до предела, просто намазывая рогалики маслом. – Мне бы хотелось, но...

– Но?

– У меня нет купальника.

– Есть.

Клер застонала.

– Ты купил мне купальник? Но ведь мы не собирались плавать, – осторожно спросила она.

– Человеку свойственно надеяться.

– Полагаю, это бикини?

– А есть и другие типы купальников?

– Да, – со вздохом сказала Клер. – Есть такие скромные слитные купальники или купальники, состоящие из майки и трусиков, какие я обычно ношу. Впрочем, я не так часто хожу плавать.

Что со всей очевидностью и проявилось, когда она торопливо спустилась по лестнке в «лягушатник», где вода не доходила до горла, а Бретт нырнул на глубину и в несколько мощных взмахов переплыл бассейн.

Клер и по-собачьи плавала плохо, предпочитая плескаться на мелководье, в то время как Бретт несколько раз, не останавливаясь, переплыл бассейн. Несколько подростков соревновались в нырянии, но Бретт ни одного из них не за-

дел.

Детишки вылезли из воды и направились в горячую ванну джакузи. Джакузи располагалась на полпути от бассейна к основному зданию отеля. В сгущающихся сумерках все еще можно было разглядеть, где плескалась Клер.

Внезапно Бретт вынырнул из воды рядом с ней, обдав Клер каскадом брызг.

– Почему бы тебе не поплавать со мной?

– Я не умею.

– Но ты сказала, что хочешь пойти поплавать. Клер улыбнулась.

– Не все в бассейне плавают. Я люблю поиграть в воде. В ту же секунду она поняла, что сказала глупость. Выражение его лица стало хищным.

– Ты хочешь поиграть? Какое совпадение – я тоже этого хочу.

– Я не думаю, что мы говорим об одном и том же. – Та игра, что была на уме у Бреста, едва ли поможет ей охладиться.

Бретт прижал Клер к стенке бассейна, заслонив ей обзор и отгородив от всех, кто в бассейне присутствовал. Он накрыл ладонями ее щеки.

– Ты хочешь, чтобы я научил тебя плавать, или ты предпочитаешь поиграть?

Господи, он был смертельно опасен.

– О какой игре ты говоришь? – спросила Клер хриплым голосом, который сама с трудом узнала.

Он опустил руки вниз и сжал ее ягодицы.

– Я уверен, что мы что-нибудь придумаем.

– В бассейне?

– Мы всегда можем вернуться в номер.

Очень соблазнительное предложение. Клер уже вся таяла. Однако предложение научить ее плавать показалось ей слишком заманчивым, чтобы его упускать. Ей всегда хотелось научиться плавать, но возможности не было.

Она уперлась руками в мокрую грудь Бреста, и от его горячего тела кончики ее пальцев загудели.

– Ты правда научишь меня плавать?

Выражение его лица изменилось стремительно, она уже наблюдала это превращение, когда он предложил ей помощь в подготовке к экзаменам.

– Конечно. Как случилось, что ты не умеешь плавать?

– Возможности не было.

– Значит, пришло твое время. Клер облизнула губы.

– Да.

Он перевернул ее на живот и перехватил поперек спины одной рукой. Клер испуганно вскрикнула:

– Бретт! Что ты делаешь?

Но было и так понятно, что он делает. Он оттаскивал ее на глубину.

Брест улыбнулся, глядя на Клер сверху вниз, и покачал головой.

– Ты не доверяешь мне?

– Когда ты говоришь с этими протяжными интонациями, я готова доверить тебе все, что угодно, – ответила Клер.

– Правда?

Она вздохнула и ткнулась головой в его мокрую грудь.

– Да.

– Задержи дыхание, Клер.

– Зачем?

– Просто делай, что тебе говорят.

– Ладно. – Она задержала дыхание. Он ее отпустил.

От ужаса Клер выдохнула набранный воздух и, не успев даже завопить, начала тонуть. Сильные руки тут же подняли ее на поверхность.

– Первое, о чем ты должна помнить, когда учишься плавать, это то, что кислород держит тебя на поверхности.

Час пролетел незаметно, и за этот час Бретт очень редко злоупотреблял скудостью ее одежд и искренне прилагал усилия к тому, чтобы научить ее плавать. К тому времени как они решили прекратить урок, Клер освоила в самых общих чертах гребок вперед и вполне прилично держалась на воде, лежа на спине.

Клер подплыла к краю бассейна и, держась за бортик, улыбнулась Бретту.

– Это было здорово! Спасибо.

– Спасибо тебе, сахарок. Наблюдать за тем, как ты двигаешься в этом скандальном бикини, даже лучше, чем смотреть эротический сон.

– Не могу поверить, что слышу это от тебя. – Клер шлепнула рукой по воде, обдав Бретта каскадом брызг.

Он нисколько не обиделся, а со стремительностью акулы подплыл к Клер под водой и дернул за руку. Клер отцепилась от бортика и схватилась за плечи Бретта, чтобы не утонуть. Две полосочки ткани, представлявшие собой ее купальник, и его плавки едва ли стали между ними преградой.

Бретт схватился за бортик бассейна по обе стороны от головы Клер.

– Придется тебе за это расплачиваться, моя сладкая.

– Разве? – Действуя инстинктивно, Клер приподняла ноги и сцепила лодыжки у него за спиной. Скрещение ее ног оказалось чуть выше линии его талии. Мышцы его живота немедленно сжались, и Бретт издал что-то среднее между рыком и стоном.

Клер улыбнулась.

– И как ты намерен заставить меня расплачиваться? Бретт опустил голову, так что губы его оказались рядом с ее губами.

– Я что-нибудь придумаю.

– Не сомневаюсь, – тихо и с чувственным обещанием сказала Клер.

Затем быстро, воспользовавшись его телом как упором, поднялась, надавив ему на плечи, и перепрыгнула через него, уйдя под воду за его спиной.

Словно поплавок, Клер выскочила на поверхность –

недавние уроки не прошли даром – и засмеялась, увидев, что Бретт сделал то же самое. Ее маневр оказался вполне успешным. По глазам Бретта она поняла, что он вынашивает мысль о мщении, и потому изо всех сил поплыла к лестнице на мелкой стороне. Но она не успела. Сильные руки приподняли ее над водой.

– Это коварство, Клер.

Она хохотала, глотая воздух, и ответить ей было нечего.

Бретт несколько раз подбросил ее на руках, и все кончилось тем, что она вцепилась в него, крепко обняв за шею. От победной улыбки Бретта у нее перехватило дыхание.

– Ты великолепен! – воскликнула Клер.

– Complimentами не вымолишь прощения, – сказал Бретт, но теплый свет в его глазах говорил о другом.

Клер была совершенно беспомощна в его объятиях, и это ее почему-то совсем не беспокоило.

– Может, я и не хочу пощады.

– Я снова на эту уловку не поддамся.

Клер захлопала глазами в притворном недоумении.

– Какая такая уловка?

Бретт приподнял ее и опустил так, что глаза их оказались на одной линии. Клер чувствовала его дыхание.

– Мол, не лучше ли тебе меня поцеловать, чем затащить под воду.

– А ты бы предпочел меня потопить?

– Любой представитель мужского племени предпочел бы

поцелуй, но мужчина не должен позволять женщине думать, что она вольна водить его за нос. Это может испортить его имидж.

– А если я скажу, что ничто не способно испортить твой имидж – имидж беспощадного бывшего контрактника, готового пойти на все, лишь бы довести задуманное до победного конца?

Бретт сделал глубокий вдох, словно вбирал ноздрями запах ее кожи, а не хлорные испарения бассейна.

– Тогда мне, возможно, в любом случае придется тебя поцеловать.

– Тебе решать.

Клер едва закончила фразу, как губы его прижались к ее губам. Она думала, что вода на ее коже прямо сейчас превратится в пар, так ей стало жарко. Бретт чертовски хорошо целовался. Он пировал над ее ртом, пока она не начала стонать, пытаясь освободить руки, чтобы прикоснуться к нему.

Она услышала свист, и Бретт отпустил ее.

Клер посмотрела в сторону джакузи, где подростки свистели и смеялись и криками ободряли ее и Бретта.

Клер перевела взгляд на Бретта. Он, похоже, был готов продолжить, но Клер оттолкнулась от Бретта и поплыла к ступенькам.

– Удивительно, как ныряние может способствовать охлаждению. Я так замерзла, что теперь, думаю, пора согреться.

Бретт двинулся к Клер, и по выражению его лица было

видно, что он намерен продолжить начатое.

– Я буду счастлив тебя отогреть.

– О, в этом нет необходимости.

Подростки со смехом вылезли из джакузи и отправились в комнату отдыха.

Клер вышла из бассейна и, поправив купальник откровенно провоцирующим жестом, направилась к джакузи. Бретт оказался рядом как раз в тот момент, когда она опустилась в пузырящуюся воду.

Клер вздохнула блаженно:

– Так хорошо...

– Я знаю кое-что получше.

Клер пришлось спрятать ухмылку.

– Правда? Я даже догадаться не могу, о чем ты.

– Ты же не страдаешь склерозом, как старушки в Бельмонт-Мэноре. Неужели ты так быстро забыла о том, что между нами было?

– Ах это? – Клер безразлично махнула рукой. – Здесь куда приятнее – не так изнурительно.

– Ты в этом уверена?

Она не была так уж в этом уверена, но все равно кивнула. Горячая вода в джакузи, казалось, умиротворяла настолько, что даже шевелиться не хотелось.

Бретт взялся за поручни и поднялся на верхнюю ступень.

– Возможно, мне придется убедить тебя в обратном...

– Простите меня, но бассейн через десять минут закрыва-

ется, – послышался голос от двери.

Бретт замер и оглянулся. Из-за двери на них смотрел служащий бассейна.

– Вы хотите сказать, что мы должны уйти?

– Боюсь, что да.

Клер не могла скрыть разочарования. В горячей ванне было так хорошо расслабиться после бассейна. Не хотелось вылезать.

– Сожалею, мэм, – сказал служащий перед тем, как уйти.

Бретт пошел за ним к бассейну и вернулся через пару минут с весьма довольным видом.

– Что, пора выходить? – без особого энтузиазма спросила Клер.

Фонари вокруг бассейна погасли, и свет вокруг джакузи тоже погас. Осталась только световая дорожка на полу.

– Полагаю, это намек. – Клер встала.

– Расслабься, – сказал Бретт и улыбнулся. – Я кое о чем договорился с службой. Мы можем оставаться здесь столько, сколько захотим, если не будем подходить к бассейну, где установлены камеры видеонаблюдения.

Клер не стала спрашивать у Бретта, как ему удалось это сделать. Если честно, ей было все равно. Она была счастлива, что ей дали возможность задержаться здесь подольше.

– Отлично.

Бретт забрался в джакузи и направился прямо к Клер. Он опустился в воду рядом с ней, вторгшись в ее личное про-

странство.

– Итак, что ты там говорила по поводу того, что горячие ванны не так изнурительны, как спальни?

Клер лежала, упершись спиной о край ванны, и деваться ей было некуда.

– М-м... Кажется, мы обсуждали то, чем мы занимались в спальне.

Он обнял ее, одной рукой поддерживая голову, другой обхватив спину.

– Вот и я об этом, сахарок. Клер нервно сглотнула.

– Мы не можем... здесь.

– Ты в этом уверена? – спросил Бретт, и внезапно верх от купальника расстегнулся, и Бретт откинул его в сторону.

– Но мой купальник... – Клер попыталась его поймать, но Бретт ей помешал.

Он поцеловал ее, лишив возможности жаловаться. Он был таким чудным на вкус и так умело действовал губами, что она напрочь забыла о купальнике. Пусть себе плывет. Клер скользнула ладонями по мускулистой груди Бретта. Она была такая твердая и гладкая.

Его руки начали ласкать обнаженную грудь Клер, и она едва не вскрикнула и резко отвернулась.

– Бретт! Мы не можем, не здесь.

– Можем.

– Но дети...

– Они сейчас в игровой комнате, а она отгорожена от зо-

ны бассейна. На самом деле никто из гостей не может войти сюда и через другой вход тоже. Эрни все двери запер.

– Эрни?

– Парень из обслуги.

– Но как мы выйдем?

– Двери запираются с нашей стороны. Мы можем выйти, но сюда никто не войдет.

– О!

Бретт поцеловал ее в уголок губ.

– Да, о...

Теплые пузырьки ласкали ее грудь так же нежно, как и руки Бретта. Клер расхотелось спорить с ним. Желание вспыхнуло в ней с новой силой. Желание, которое всегда оказывало угнетающий эффект на ее способность мыслить рационально.

– Ты уверен, что никто не войдет?

– Абсолютно.

– И Эрни?

– И он тоже.

– О! – вырвалось у Клер в очередной раз, когда обе его ладони накрыли ее скользкую, покрытую пузырьками грудь.

– Ты само совершенство, Клер.

Она покачала головой, словно осуждала его за льстивые речи, но в глубине души упивалась сознанием того, что Бретт действительно восхищается ее телом. Она понимала, что восхищение подогревается удовольствием, которое он

получал не только забирая, но и отдавая. Все это было чертовски приятно.

Она открыла глаза, наблюдая за ним. Лицо его было сведено желанием. И, глядя на свою обнаженную грудь под его ладонями, она чувствовала, как жар между ногами пульсирует все сильнее, и эта пульсация не имела никакого отношения к пузырящейся вокруг них горячей воде.

– Бретт...

Он улыбнулся, довольный ее реакцией.

– Тебе хорошо, сахарок?

– Лучше, чем хорошо.

– Откинь голову и постарайся сконцентрироваться только на моих прикосновениях.

– Я тоже хочу тебя трогать.

– Не в этот раз, сахарок.

Она бы с ним поспорила, но то, чего он от нее просил, так искушало. Итак, она откинула голову на бортик джакузи.

– Подожди секунду.

Он приподнялся и наклонился над ней.

– Опусть голову.

Клер почувствовала, что он что-то подложил ей под голову. Похоже, это было свернутое полотенце. Так было намного приятнее.

– Лучше?

– Гораздо.

– Отлично. А теперь я хочу, чтобы ты расслабилась. Не

важно, насколько хорошо тебе будет, держи мышцы расслабленными. Ты можешь сделать это для меня, любимая?

– Я могу попытаться. – сказала Клер хриплым от желания голосом, который сама едва узнавала.

Бретт снова принялся ласкать ее, и на этот раз не одну лишь грудь. Он трогал ее везде, его пальцы скользили по ее мокрой коже, и эффект был ошеломляющим. Клер старалась изо всех сил не напрягаться, и, всякий раз, когда она все же напрягалась, он менял технику и делал ей массаж до тех пор, пока она не расслаблялась вновь.

Это было похоже на тот первый раз в отеле, но только сейчас Клер знала, какое наслаждение ее ждет, и сейчас она не страдала от головных болей, которые притупляли восприятие.

На этот раз оставаться безучастной к ласкам Бретта было гораздо сложнее, и вскоре Клер обнаружила, что каким-то мистическим образом, заставляя мышцы расслабиться, она усиливала наслаждение.

Трусики ее бикини отправились туда же, куда и верх, и Клер не возразила ни словом, ни жестом. Она доверяла Бретту, зная, что он не стал бы все это начинать, если бы не был абсолютно уверен в том, что им никто не помешает.

Несмотря на то что трусиков на ней не было, Бретт не делал даже попыток прикоснуться к ее лону. Он сосредоточился на стимуляции всего ее тела, кроме самых чувствительных точек. И, когда руки его скользили по ее груди, он ста-

рался не касаться сосков. Но пузырьки ласкали Клер везде. Она поймала себя на том, что раскинула ноги, чтобы острее почувствовать нежную ласку пузырьков, и застонала, когда струйка воды добралась до самого чувствительного места.

– О! Господи! Так хорошо... Бретт тихо засмеялся ей в ухо.

– Давай я тебя переверну, моя сладкая.

Клер не понимала, чего он хочет, но сильные руки повернули ее так, чтобы она легла лицом на руки, под которыми было сложенное в несколько раз полотенце. Бретт еще больше раздвинул ей ноги, так, чтобы струйка, вырывающаяся из отверстия в ванне, была направлена прямо на клитор. Клер закричала от наслаждения.

Руки его снова принялись трудиться над ней, лаская ее бедра, внутреннюю часть ног, икры и даже ступни, затем перешли на живот и грудь. Губами Бретт ласкал ее затылок и чувствительные места за ушами.

Клер ощущала, как возбужденный член упирается ему в шорты. Она прижималась к нему, желая кожей почувствовать его обнаженную плоть.

«Почему плавки все еще на нем?» Она не смогла произнести этот вопрос. Она вообще не могла говорить и думать ясно. Возбуждение достигло почти невыносимой остроты. Клер была на грани, на самой грани оргазма, но струйки воды, лаская, не давали достаточной стимуляции, чтобы перебросить ее через край. Ласки Бретта возбуждали так, что

Клер чувствовала его каждым нервом, но он избегал касаться тех мест, что нуждались в его ласках больше всего.

Клер начала извиваться, то прижимаясь к нему ягодицами, то подаваясь вперед, чтобы усилить давление воды на клитор. Ничто не помогало, и кончилось тем, что она закричала, требуя от Бретта взять ее немедленно.

Глава 17

Но он не повиновался.

Он напомнил ей, чтобы она расслабилась.

– Я не могу!

– Тихо, детка. Да, ты можешь. Ты увидишь, это того стоит.

Доверься мне. Пожалуйста.

Клер отчаянно замотала головой. Она не могла сделать того, что он просил, физически не могла, и расслабляющий массаж больше не помогал.

– Тс-с... – Он гладил ее по бедрам. – Давай же, детка. Ты можешь, я знаю.

И тогда он начал шептать ей на ухо всякие ласковые слова, говорил ей, как ей будет хорошо, если она продержится еще немного, если она еще раз, в последний раз, попытается расслабиться.

Глубоко вздохнув, так что грудь заболела, Клер приказала напряженным мышцам расслабиться.

– Вот так, дорогая. У тебя хорошо получается. – Бретт снова стал ее ласкать, и все продолжалось до тех пор, пока Клер не начала речитативом повторять одно лишь слово: «Прошу».

Теперь он играл с ее сосками, но этого было мало. Деликатное пощипывание и прокатывание между пальцами ее разбухших сосков только усиливало чувственный голод. Ды-

хание Клер стало сбивчивым, она никак не могла набрать в легкие достаточно воздуха, ее голос стал низким, мольбы едва внятными. Она словно разучилась говорить.

Клер закусила ладонь, чтобы не кричать от мучительного наслаждения. Но тут форсунки перестали выпускать острые струйки, и Клер действительно закричала. Ей нужно было, чтобы эти струйки продолжали ласкать клитор.

Клер извивалась, непереносимое желание терзало ее.

– Бретт, пожалуйста, включи их! Пожалуйста, я не вынесу!

Она почувствовала, что ее приподняли и положили на спину, причем так, что ноги свисали в воду, а ягодицы были на самом краю джакузи.

Бретт положил полотенце ей под голову и опустился на колени между ее ногами, раздвинув их пошире. Ладони его лежали на ее бедрах с внутренней стороны, упирались в них, не давая ей свести ноги. От холодного воздуха клитор ее напрягся. Клер захотелось спрятать его, согреть, но Бретт не давал.

И тогда Бретт сомкнул губы вокруг ее набухшей, ноющей от истомы плоти. Язык его дарил влажное тепло. Совсем другое, чем то, что дарила теплая пузырящаяся вода в джакузи. Клер едва не потеряла сознание от того, как ей стало хорошо.

– Да... прошу... прошу... Бретт, еще!

Он лизал ее, как лизут эскимо, его умелый язык еще сильнее стимулировал набухшую плоть, но не дарил ей разрядки,

которую ей так хотелось получить.

Клер прогибалась ему навстречу.

– Сейчас! Бретт, делай это!

И он сделал то, о чем она просила, скользнул двумя пальцами внутрь, нажимая на нервное окончание там, в глубине, заставив Клер снова застонать от наслаждения. Губы его сомкнулись вокруг клитора, и Клер взорвалась. Оргазм ее был такой силы, что в глазах потемнело, а все тело пробила сильнейшая дрожь.

Но Клер не упала в обморок и не уснула, как днем. Оргазм продолжался, накатывал снова и снова, и Бретт не переставал делать то, что делал, своим ртом. Ни на секунду не переставал. Клер яростно извивалась, но спазмы продолжались, внутри у нее все сжималось, и бедра ее вздрагивали под его губами.

Клер потеряла всякое представление о времени и пространстве. Одна волна ощущений сменяла другую. Наконец она больше не могла выдержать ни секунды и, обессиленная, опустилась на твердый бетон. Руки и ноги ее были как ватные. Клер тихонько всхлипывала и даже не замечала этого.

Бретт осторожно опустил ее в горячую воду. Она сидела у него на коленях, раскинув дрожащие ноги, и он массировал ее тело, чтобы вновь привести в чувство и вернуть опасно учатившееся дыхание к нормальному ритму.

– Это было невероятно, – сказала Клер, уткнувшись ему в шею и давась невесть откуда взявшимися слезами.

– Да, – голос его был какой-то чужой и хриплый.

– Ты в порядке?

– Даже лучше.

– Я... Ты не... Ты хочешь... Я могла бы... – Клер не удержалась и зевнула.

Бретт засмеялся.

– Да, определенно ты – невероятная женщина. И я – да. Последний раз я кончал в штаны много лет назад, но, детка, ты действительно чертовски сексуальна.

Она потерлась носом о его шею и прошептала:

– Спасибо.

– Это правда.

– Спасибо за то, что ты сделал.

– Мы оба это сделали, ты не заметила?

Клер заметила, что в его руках она испытала невозможное.

– Если бы ты так не ласкал меня, я никогда бы не... Она замолчала, не зная, как описать словами то, что только что испытала.

– Никогда не получила бы продолжительный мощный оргазм?

Да, пожалуй, это верное определение.

– Да.

– Скоро мы это повторим.

– Не знаю, переживу ли я, – пробормотала Клер.

– Смею тебя уверить, переживешь.

– Откуда такая уверенность? С другими твоими женщинами такое уже бывало?

– Не в моих руках. – Бретт погладил Клер по спине, заставляя расслабиться. – Я знаю это из книг.

– Ты читал об этом? – Должно быть, Бретт шутит.

– Да.

– Я рада, что есть такие книги, – пробормотала Клер и отключилась.

Хотвайер почувствовал, как Клер обмякла в его объятиях. Она и раньше была расслабленной, но сейчас, похоже, уснула. Второй раз она засыпала после сеанса любви. Ну, зато Бретт теперь знал, что делать с ней на тот случай, если ее станет одолевать бессонница.

Он не мог не ощущать некоторой гордости от того, как он заставил ее выложиться. Мужчине нравится сознавать, что он производит впечатление на свою возлюбленную. Если вспомнить реакции Клер в джакузи и возле нее, он производил на Клер впечатление. И еще какое!

Хотвайер улыбнулся и вытащил Клер из воды. Затем он отнес ее на скамью возле джакузи и уложил на нее. Ее нагота, ее сонное забытие являлись достаточно сильными стимуляторами для того, чтобы он почувствовал возбуждение. И это несмотря на то, что он совсем недавно испытал весьма мощный оргазм.

Хотвайер подошел к шезлонгам возле бассейна и взял два махровых халата, которые Эрни оставил там по его просьбе.

Он надел халат и пошел вылавливать из джакузи купальник Клер.

Засунув купальник в карман халата, он стал одевать спящую Клер. Чувствуя себя генералом победоносной захватнической армии, он закутал Клер в халат и завязал на нем пояс. Надо было как следует укрыть Клер, прежде чем вынести ее в вестибюль к лифтам.

К счастью, лифт пришел пустой, и на свой этаж они доехали только вдвоем.

Клер проснулась лишь тогда, когда Хотвайер поставил ее под душ, чтобы смыть хлорку. Она недовольно бормотала все то время, пока он ополаскивал ее и себя и мыл ей голову. Когда он смывал с Клер пену, глаза ее были закрыты, и Хотвайер был почти убежден, что она продолжает спать.

Хотвайер отключил душ и как следует вытер Клер, прежде чем отнести ее на огромную кровать. Клер назвала его по имени (очевидно, во сне) и свернулась калачиком. Хотвайер вытерся сам и лег рядом. Клер не проснулась даже тогда, когда он привлек ее к себе. Она лишь с блаженным вздохом устроилась поудобнее и поплотнее прижалась к нему.

Хотвайеру было хорошо. И даже лучше, чем просто хорошо. У него было ощущение, что все именно так и должно быть. Все идет как надо. И Клер тоже это почувствует. Со временем.

Клер проснулась от прикосновения Хотвайера. Она сонно улыбнулась.

– Привет.

Он лежал на боку, приподнявшись на локте, и смотрел на нее. Его совсем не сонные голубые глаза были полны чувственного обещания и теплоты, о значении которых Клер боялась даже думать. Но сердце ее как-то странно сжалось от сладкой боли.

Не предупреждая, Хотвайер лег на нее сверху. Его тело было теплым и сильным.

– И тебе привет.

Клер раздвинула ноги, давая ему место, где можно устроиться.

– Я могла бы привыкнуть к такому будильнику. Это приятно.

– Продолжай мыслить в этом ключе, и мы поладим, милая, – сказал Хотвайер с южными тягучими нотками, которые в сознании Клер ассоциировались почему-то со вкусом и запахом меда.

Она подалась ему навстречу и застонала от удовольствия одновременно с ним.

– Я бы сказала, что мы уже прекрасно ладим.

– Ты права. Но я никогда не довольствуюсь достигнутым. Всегда ищу возможность усовершенствовать то, что имею.

Образы прошлого вечера пронеслись у нее в голове, и ее обдало жаром.

– Это невозможно.

Хотвайер покачал головой и поцеловал ее. Он не торопил-

ся, действовал с лентой, но не стал уклоняться от секса и, как только почувствовал, что Клер готова, подарил оргазм и ей, и себе. Потом, в отличие от вчерашнего дня, когда секс утомил ее настолько, что она сразу уснула, Клер почувствовала прилив сил и энергии. Она была готова ринуться в бой.

Когда она, сообщив об этом, вскочила с кровати и направилась в ванную, Хотвайер засмеялся и пошел следом. Они играли в душе, как дети, дразнили и ласкали друг друга, и все закончилось тем, что снова занялись любовью.

Как ни странно, в ванной Хотвайер вспомнил о презервативе. Клер и представить не могла, что можно заниматься любовью в таком месте и успеть подготовиться. Это произвело на нее немалое впечатление.

Когда Клер спросила Хотвайера об этом, он подмигнул и сказал:

– Думаю, у меня более богатое воображение, чем у тебя, но я не могу себе представить, чтобы я не захотел заняться с тобой любовью в любом месте, где бы мы не оказались голыми.

Клер покачала головой и вытерлась. Она еще никогда не чувствовала такой легкости во всем теле и такого душевного подъема, как сегодня. Рядом с Хотвайером ей было хорошо.

Они выписались из отеля после великолепного завтрака, который заказали в номер, и отправились назад, в Портленд, в машине Хотвайера.

Клер из окна машины смотрела, как остается вдали ма-

ленький городок на берегу океана.

– Хотела бы я, чтобы мы могли задержаться здесь подольше.

Хотя, может, это и хорошо, что они успели выписаться из отеля до открытия бассейна. Встретаться с парнем по имени Эрни Клер не хотела. Ей было неловко из-за того, что этот паренек в курсе того, что происходило на вверенной ему территории между ней и Бреттом. Хотя он точно не мог догадываться обо всех шокирующих подробностях.

Даже Клер сама не вполне верила в то, что вчера в джакузи действительно была она, а не вселившаяся в ее тело другая женщина. Она знала, что Бретт опытный мужчина, но все равно не была готова к тому, что он заставил ее почувствовать.

Воспоминания вновь захватили ее, и она забылась...

– Клер, – позвал Хотвайер.

– Что? – Клер удивленно посмотрела на него.

– Я говорил, что когда-нибудь привезу тебя сюда. О чем это ты гредишь наяву?

– Не скажу.

– Готов поспорить, что знаю о чем, – сказал Бретт со своей ленивой улыбкой, которая ее всегда сводила с ума.

– И я готова поспорить, что ты знаешь. Мне все равно, что ты скажешь, ко я думаю, никто не может научиться тому, что ты делал вчера со мной по книжке. – Клер завела эту тему произвольно, хотя ей была неприятна сама мысль о том,

что Бретт, по его же выражению, «налетал немало часов» с другой женщиной или женщинами, чтобы так здорово усвоить «технику пилотажа».

– Я тебе уже говорил вчера, что я никогда не делал этого с другими женщинами. – Тон у него был такой серьезный, что Клер вынуждена была поверить. – Хотя я применил менее интенсивную версию в ту ночь, когда ты отказалась принимать обезболивающее.

– Ты и тогда был молодцом.

– Но вчера было лучше, – сказал он с нотками удовлетворения.

– Да. – Вчера было просто невероятно хорошо. – Почему только со мной? Ты не захотел проверить теорию практикой с другими?

– Нет. Только с тобой, Я много времени провел, представляя эту сцену с тобой, но я должен быть с тобой честным, действительность оказалась лучше, чем мечты. А я не знал, что такое возможно.

Что до Клер, то она вообще не представляла, что такое возможно. Ни в мечтах, ни наяву.

– Ты невероятный любовник, Бретт.

– Ты мне льстишь, сахарок. Это в тебе таится столько сексуальной энергии, что хватило бы на нужды целого города.

Бретт думает, что ее страсти хватит на целый город?

– Ты считаешь меня нимфоманкой?

Бретт засмеялся. Клер хмуро посмотрела на него. Она не

находила в этом ничего смешного.

– Ты шутишь? – спросил Бретт с задорным блеском в глазах.

– Нет. Почему я не могу быть нимфоманкой? – спросила Клер, чувствуя себя обиженной.

– А ты хочешь ею быть?

– Нет.

– Тогда не переживай. С этой стороны тебе ничто не угрожает.

– Как ты можешь это утверждать после вчерашнего вечера?

– Тебе двадцать восемь лет, и до вчерашнего дня у тебя было всего два любовника, и те в старших классах школы. Нимфоманки так себя не ведут.

– Возможно, я подобна алкоголику, который не понимает, что он алкоголик, пока не выпьет первую рюмку спиртного. А несколькими годами позже умирает от цирроза печени.

Клер вполне могла представить, что вскоре у нее возникнет зависимость от ласк Бретта и без секса с ним она не сможет жить. Ей такая перспектива не нравилась. Ей не хотелось прожить жизнь, пребывая в сексуальной зависимости от мужчины, который сердцем прикипел к своей погибшей возлюбленной.

Бретт покачал головой и снова захохотал.

– Не бойся, ты не умрешь от того, что тебе нравится заниматься со мной сексом.

– Вчера вечером я подумала, что меня инфаркт хватит.

– Но этого не случилось.

Нет. Наоборот, она уснула. Клер вынуждена была признать, что на поверку все было не так опасно.

– Ну, – недовольно поджав губы, сказала она, – по твоим словам получается, что я не такая, как другие женщины.

– Другие – не такие.

– Разве это не делает меня извращенной?

– Нет. Это делает тебя уникальной. Особенной. У тебя действительно нет ненормальных желаний, но ты так отзывчива, что меня трясет, когда я к тебе прикасаюсь. Честно говоря, сахарок, ты настоящая мечта, героиня фантазий любого парня.

Не может быть, чтобы он действительно так думал.

– Но я не Елена.

Бретт несколько минут молчал, и в выражении его лица не было и следа прежнего озорства. Потом он вздохнул.

– Хочешь – верь, хочешь – нет, но я не ищу другую Елену.

О да, она ему верила. Когда ты знаешь вкус совершенства, ты не ждешь, что тебя во второй раз ударит та же молния.

– Это не важно.

– Нет, важно. Иначе ты бы не поднимала этот вопрос. Мне нужно, чтобы ты меня выслушала, ладно?

– Хорошо. – А разве у нее был выбор? Она имела глупость поднять эту тему, но если Бретт начнет в подробностях объяснять ей, в чем именно она отличается от Елены и насколько

ко хуже ее, она просто расплатится. А это уже совсем никуда не годится.

– Я не трачу время на то, чтобы сравнивать тебя с ней, Клер. Ты – это ты. Я не хочу, чтобы ты стала кем-то другим, и ты можешь вполне верить мне, когда я говорю, что не встречал еще женщину более отзывчивую или более подходящую мне в сексуальном плане.

Она, Клер, была более чувственна, чем его потерянная любовь?

– Никогда?

– Никогда. Ты просто послала меня в нокаут своей страстью.

Теперь настал ее черед рассмеяться.

– Да уж, верю.

Что-то она не помнит, чтобы он лежал в нокауте, когда выворачивал ее наизнанку своими ласками в джакузи.

– Ты мне не веришь? Я ни разу не забывал про кондом, даже когда был глупым подростком. Но ты заставила меня забыть, словно мне снарядом крышу снесло.

Он ни разу не забывал про кондом? Ни разу?

– Елена принимала таблетки?

– Нет.

– Неужели?

Если то, что он говорил, было правдой, а Клер не верила, что он мог сейчас ей лгать, то страсть, что они питали друг к другу, действительно была для него уникальной. Особенной,

как он и сказал. Хотя сколько может продлиться страсть? Не столько, чтобы на ней можно было продержаться всю жизнь, в этом Клер была уверена. Но, с другой стороны, она не могла даже представить, что его прикосновение оставит ее равнодушной.

Была ли это похоть или любовь?

Они определенно составляли пару. Клер не верила в романтическую любовь, но отрицание ее существования не умаляло страха, что именно это чувство в ответе за то смятение, в котором она в настоящий момент пребывала. Бретт верил в любовь. Он не делал тайны из того, как сильно любил Елену, но он сказал Клер, что никогда не полюбит ее.

Итак, она не верила в любовь, но боялась, что все равно любит Бретта, а он верит в любовь, но не отвечает ей взаимностью. Что за кашу они заварили! И куда это их приведет? Куда это приведет ее, Клер?

У нее был выбор, как она полагала, разорвать отношения с Бреттом сейчас, дабы избежать возможной боли в будущем, или жить настоящим и начать переживать тогда, когда это будущее наступит. На самом деле выбирать было не из чего. Здесь и сейчас было слишком хорошо, чтобы отказаться от Бретта.

Не желая распространяться на эту тему, Клер сказала:

– Я слышала, ты говорил по телефону с Этаном. Бретт смерил ее пристальным взглядом и вновь уставился на дорогу.

– Он думает, что может напасть на след тех людей в черном, что были на похоронах. Сейчас этим уже занимаются мои знакомые в ФБР. Но у Этана свои каналы.

– Хорошие новости.

– Да. Буду надеяться, что моему оперативнику, что отвез Куини в Неваду, тоже повезет.

– Что он ищет?

– Коллинз получил инструкции составить список всех тех, кто мог видаться с Лестером за последний месяц до его смерти. Меня убедили в том, что частное лицо не стало бы ждать дольше, чтобы нейтрализовать угрозу, исходящую от Арвана. Он постарался бы избавиться от него как можно быстрее, раз уж старик стал всем выбалтывать свои тайны.

– Я уверена, что ты прав. Но ты действительно думаешь, что Куини помнит всех, кто виделся с Лестером в течение последнего месяца его жизни? Да и все ли она знает?

– Если верить вам обоим, Лестер был не из тех, кто много общался. Список этот не будет таким уж длинным, а мой оперативник умеет вытягивать информацию из самых глубоких тайников памяти.

– Вот даже как.

– Но он не ограничится Куини. Он также поговорит с другими людьми в Бельмонт-Мэноре, как с постояльцами, так и с сотрудниками. Кроме того, просмотрит журнал посещений, в которых оставляют записи и посетители, и медицинский персонал.

– А как насчет меня?

– Что насчет тебя?

– Я провела много времени с Лестером.

– Ты сидела с ним только по ночам. Ты сама говорила, что он редко общался с кем-то еще из твоей смены, даже когда ты не дежурила.

– Это так, но исключения были.

– Составь список, и мы сверим его с тем, что сделает Коллинз.

– Ладно. – Клер откинулась на спинку кресла и взяла с пола рюкзак. – Жаль, что не прихватила с собой ноутбук. Мне печатать нравится больше, чем писать.

– Бедняжка. Тебе нужна суперпортативная модель.

– Да, но она стоит денег, а мой бюджет и так трещит по швам – компьютер постоянно требует обновления. Тот ноутбук, что ты мне дал, на целое поколение новее моего старого. Я все еще не понимаю, как тебе удалось заставить страховую компанию Джозетты за него заплатить.

– Просто радуйся, что они заплатили.

– Я и радуюсь. – Клер сильно подозревала, что Бретт не стал требовать от них стопроцентной оплаты, а просто выплатил разницу.

Клер достала из рюкзака общую тетрадь и открыла ее. Это была тетрадь в черной обложке – для записи лекций по программированию. Бретт, наверное, посмеялся бы над ней, если бы она сказала ему, что покупает тетради в обложках раз-

ного цвета и ставит на них коды, соответствующие их назначению.

Даже Джозетта находила забавным эту привычку Клер все строго классифицировать, но Клер было все равно. Джозетта никогда не вредничала, она просто любила посмеяться, и что тут плохого, если Клер иногда давала ей повод?

Клер начала перелистывать страницы в поисках чистого листа. Ей понадобилось несколько секунд, чтобы мозг осознал то, что она видит. Страницы тетради заполняли не ее записи по программированию, а записи совсем иные – имена, даты, адреса. И записывалось все мелкими печатными буквами – почерк был не ее.

Клер перестала листать тетрадь и принялась ее читать. Она покрылась липким холодным потом.

– Бретт!

– Да, сахарок?

– Ты сказал, что дневник Лестера мог бы помочь расследованию?

– Да.

– Ну, я думаю, он у нас есть.

– Что? – Бретт быстро взглянул на Клер и снова перевел взгляд на дорогу.

– Ты помнишь, как подумал, что Лестер мог спрятать свой дневник, а потом забыть куда?

– Ну.

– Так вот, он спрятал дневник. В моем рюкзаке.

– Это невозможно. Ты бы уже давно заметила.

– Нет, не заметила бы. Тетради в черной обложке – это мои тетради по программированию. Я закончила реферат еще до того, как на меня напали в доме Джозетты. Помнишь, ты по моей просьбе сдал его преподавателю и мне поставили зачет?

– Но ты сто раз после этого заглядывала в рюкзак. Клер объяснила про свою систему классификации тетрадей для занятий.

– Я просто не замечала ее, потому что она мне была не нужна.

– Я не могу в это поверить.

– И я не могу.

– Он был при тебе все это время?

Клер кивнула.

– Тот мужчина в туалете в университете был прав, но откуда он мог об этом узнать?

– Ты сказала, что подумала, будто в той тетради должны были быть твои лекции по программированию. Не значит ли это, что твоя тетрадь с лекциями пропала?

Клер принялась судорожно рыться в рюкзаке. Второй тетради в черной обложке не было.

– Да, лекции пропали.

– Возможно, Лестер подменил тетради.

– Может, моя тетрадь спокойно лежит в отеле? Бретт пожал плечами.

– Все возможно, но тот, кто отправился на поиски дневника Арвана, нашел твою тетрадь вместо того, что искал, и поэтому отправился за тобой.

– Лестер не стал бы нарочно подвергать меня такому риску.

– Сладкая моя, его разум помутился, скорее всего он тут же забыл, что сделал.

– Но мы об этом никогда не узнаем.

– Это точно.

Сердце Клер болезненно сжалось. Получалось, Лестер намеренно использовал ее как прикрытие, чтобы скрыть свои тайны.

Бретт взял мобильник и стал звонить. Клер слушала вполуха. Из того, что она слышала, стало понятно, что Бретт звонил Коллинзу.

Клер принялась читать дневник. Рядом с некоторыми заданиями Лестер ставил коды, и Клер легко смогла их расшифровать. Часть заданий была от правительства, часть – с пометкой от частных лиц. Лестер работал не только в Штатах, но и путешествовал по всему миру.

Чем дальше Клер читала, тем горше ей становилось. Потом она вовсе перестала читать, а лишь пыталась примирить разум с тем, что все записи – не плод больного воображения. За ними стоят действительные события, чьи-то трагедии, чьи-то судьбы. Судьбы людей, существовавших в реальности.

Бретт закрыл телефон и положил его на панель.

– Коллинз сказал, что подготовит отчет к тому времени, как мы приедем в Портленд.

– Как быстро.

– Он работал, пока мы готовились к твоим экзаменам.

– Я отвлекала тебя от дел, да?

– Я доверяю Коллинзу. Он справляется не хуже меня, и потом, – Бретт подмигнул ей, – мне было приятно тебе помогать.

Клер попыталась улыбнуться, но попытка не удалась.

– Я рада, – только и сказала она.

– В чем дело, Клер?

– Ничего. Просто... – она замолчала, собираясь с мыслями и борясь со спазмами в животе, – до этого момента все казалось мне нереальным. Я имею в виду то, что Лестер был наемным убийцей. Но имена людей, которых он убивал, вот они – здесь.

Глава 18

Клер держала в руках дневник киллера. На вид эта тетрадь была такой безобидной, такой будничной, и эта будничная безобидность находилась в таком кричащем противоречии с тем, что было внутри этой тетради, что у Клер кружилась голова.

– Он записывал имена людей, дававших ему работу, и причины, по которым его нанимали. Он был весьма скрупулезным в своих записях. Хотя, кто знает, что он при этом чувствовал? Холодная констатация фактов. Никаких сантиментов. Он был моим другом, и он убил всех тех, чьи имена записаны в эту тетрадь.

Клер терпела невыносимые муки. Как могла Куини спокойно читать этот дневник?

– Тебя колотит, – озабоченно сказал Бретт. – Хочешь, я остановлю машину?

У Клер сводило живот.

– Пожалуй.

Бретт заехал на стоянку и остановил машину в стороне от туалетов, возле столиков в тени деревьев. Клер открыл; дверь и, качаясь, вышла из машины. Ее тошнило, и она с трудом сдерживала позывы рвоты.

Она подошла к деревянному столу и опустилась на скамейку. В это летнее время они с Бреттом оказались не един-

ственными, кто решил заехать сюда. Никто не обращал на них внимания. И Клер была этому только рада. Ей было неловко уже потому, что Бретт стал свидетелем ее слабости.

Клер потирала руки. Несмотря на теплое солнышко, ей знобило. Она никак не могла взять в толк, как человек, которому она так хорошо относилась, мог убивать. Мысль о том, что от его руки погибли все, о ком имелась запись в этой тетради, была невыносима. Клер обхватила себя руками, словно стараясь загнать эмоции внутрь себя, словно боялась, что правда может взорвать ее и она развалится на кусочки.

Однажды Лестер сказал ей, что смотрел на свою работу как смотрит на свое ремесло солдат, только платят за это больше. Он просто вел войну за свою страну. Но воевать на войне и убивать по заказу – не одно и то же. Не может быть чтобы все перечисленные в этой книге люди представляли угрозу безопасности Америки и несли зло всему человечеству. Такого просто не могло быть...

И кто такой Лестер, чтобы решать, кого карать, а кого миловать? И кто такие те люди, что его нанимали, чтобы брать на себя ответственность за то, кому жить, а кому умереть?

Клер не могла смириться с той реальностью, какую открыл для нее дневник, потому что она продолжала любить! того старика, который вел его, продолжала скорбеть о его уходе.

Клер поняла, что плачет, только когда Бретт подошел и сел рядом. Он привлек ее к себе.

– Все в порядке, сахарок. Ты должна выплакаться. Мама всегда говорила, что Бог дает нам слезы, чтобы утолить боль.

Его сочувственные слова открыли шлюзы, и Клер зарыдала в его объятиях. Он обнимал ее, гладил, как маленькую, по волосам. Наконец Клер взяла себя в руки.

Он вытер ей лицо носовым платком.

– Сейчас ты в порядке?

Клер высморкалась и кивнула, хотя и не была уверена в том, что она действительно в порядке.

– Я не могу поверить, что Лестер убил всех этих людей. Мне он действительно был дорог, Бретт. Он был мне как родной человек.

– Девочка моя.

Бретт качал Клер, словно она и вправду была маленькой девочкой, и ей становилось легче, хотя она и понимала, что сама должна была справляться со своими эмоциями. Это – ее горе, и взваливать его на плечи Бретта было нечестно, но он как-то сумел разрушить те границы, за которые она до сих пор никого не пускала, и теперь все ее чувства были у него на виду.

– Как он мог так поступать?

– Его таким сделала война. Куини очень хорошо о нем сказала – война оставила шрамы в его душе и искалечила его совесть. Нельзя судить о жизни другого человека, меряя по себе.

– Я не хочу его судить. – Клер действительно не хотела

судить Лестера, она просто хотела его понять, но едва ли у нее это когда-нибудь получится. – Мне больно от того, что я знаю о том, что он делал. Ему, должно быть, тоже было больно. Тебе лучше знать.

– Вероятно, ты права.

– Тогда почему он это делал? Он несколько десятков лет был киллером!

– Я не знаю, моя сладкая. Но он жил той жизнью, которой считал нужным жить. – Бретт вздохнул и погладил Клер по спине. Он, конечно, все понимал лучше, чем она. – Лестер отказался заводить семью, детей, порвал со своими близкими ради того, чтобы выполнять свою работу. Он должен был верить в свое дело. Иначе не смог бы жить.

– Да.

– Его выбор отличается от нашего, но это не делает его чудовищем. Он не был хладнокровным убийцей, человеком без чести и совести, у него просто были в жизни иные принципы.

– Он был хорошим человеком. Действительно хорошим, – убежденно повторила Клер. Ее симпатия к старику не стала меньше из-за того, что она получила наглядное свидетельство его жизненного выбора.

– Да, он был хорошим человеком, и он любил тебя. Куини так говорила.

– Да.

Бретт усадил Клер в машину, но когда она хотела взять в

руки тетрадь, он, покачав головой, отложил тетрадь на заднее сиденье.

– Составь список тех людей, с кем за последний месяц мог видаться Лестер. Сконцентрируйся на этом.

Клер с радостью принялась за работу. Что угодно, лишь бы перед глазами не стояли эти имена, аккуратно занесенные в тетрадь.

Бретт вел машину и, анализируя реакцию Клер на увиденный воочию дневник киллера, думал о том, каким образом это отразится на их отношениях.

Внезапное осознание того, что Лестер на самом деле был тем самым убийцей Арваном, буквально раздавило Клер. Она не понимала, как он мог стать киллером, почему не бросил эту работу ради другой.

А. как насчет его, Хотвайера, прошлого? Сможет ли Клер принять и понять его выбор? Или, однажды осознав реальность того, кем он был, почувствует такую же опустошенность? Прошлое Хотвайера было далеко не безупречным. Он хотя и не убивал ради денег, но тоже вынужден был применять оружие, защищая себя или других. Сможет ли Клер это понять и принять?

Хотвайер никогда не стыдился того, что был солдатом, и когда работал на правительство, и когда был контрактником. Он верил в то, что совершает правое дело, когда служил рейнджером, и, служа по контракту, оставался верен выработанной в ранней юности системе ценностей. Он использовал

свое мастерство, чтобы защищать, спасать... и разить врага.

Кое-кто, оглядываясь на прошлое Хотвайера, мог обвинить его в жестокости, но он делал лишь то, что должен был делать в данный конкретный момент времени. И он не любил оглядываться назад.

Его путь не был точной копией жизненного пути Лестера, но их дороги проходили рядом, это точно. Хотвайер помнил, как они с Клер спорили по поводу того, является ли насилие адекватным решением в кризисной ситуации или нет. Она сказала, что не считает себя пацифисткой, но если Клер ею и не была, то была чертовски близка пацифистам по духу.

Впервые Хотвайер задумался о том, не является ли ее отказ выйти за него замуж следствием неприятия его прошлого. Тогда у ее отказа было бы логичное объяснение, но Хотвайеру от этого легче не стало. Он был достаточно уверен в себе, чтобы знать, что справится с эмоциональными вспышками Клер, но как он сможет убедить ее в том, что прошлое не сделало из него чудовище?

Его удручала перспектива убеждать ее в том, что и его жизненный выбор имеет право на существование. Он и так чуть ли не всю жизнь безуспешно пытался убедить членов своей семьи в адекватности выбора карьеры, и он всегда чувствовал, что именно его выбор обусловил тот факт, что теперь между ним и его родными стояла стена.

Хотвайер не хотел, чтобы такая стена выросла между ним и Клер.

Бретт был на удивление молчалив и подавлен всю дорогу.

Клер никогда не умела легко заводить друзей. По крайней мере с того времени, как умер ее отец. Она плохо сходилась с людьми, была недоверчивой. Она всегда считала, что, подпуская к себе кого-то слишком близко, рискует потерять такими трудами обретенное душевное равновесие. Она лучше других знала, как легко можно потерять людей, которые, как тебе казалось, будут присутствовать в твоей жизни постоянно.

Она пустила Куини и Лестера в свое сердце, а потом Джозетту, с которой делилась больше, чем с кем бы то ни было еще, не считая Бретта. Она не понимала, как была одинока, пока не подружилась с Джозеттой. Это правда. Время, проведенное с Куини и Лестером, всегда ограничивалось рабочими часами, но дружба с Джозеттой перевернула всю жизнь Клер. Теперь она не могла мириться с одиночеством. Она больше не хотела быть одна.

Клер хотела большего, чем просто физической близости с Бреттом, она хотела дружбы с ним. Хотела пугающе сильно, потому что это желание делало ее беззащитной перед лицом возможного расставания с Бреттом. Если он уйдет от нее, ей будет очень больно. И не важно, как она назовет то чувство, что испытывала к нему. Хотела бы она просто взять и отключить эмоции, как это было во время последних лет жизни мамы, но за последние годы она разучилась это делать.

Бретт вставил карточку в щель замка, и они зашли в но-

мер. Клер задержалась в прихожей: потянулась, разминая затекшие после почти двухчасового пребывания в машине мышцы. Бретт тихо выругался.

– В чем дело?

– Номер обыскивали, пока нас не было. – Он уставился на книгу, лежавшую возле компьютера.

– Что-то пропало?

– Вроде нет. Если только они не лучше меня разбираются в компьютерах, им едва ли удалось взломать пароль.

– Это хорошо. – Клер было неприятно от сознания того, что в ее жизнь кто-то вторгается, и еще неприятнее было думать, что кто-то чужой копался в ее файлах.

Бретт включил компьютер.

– Если сбросить со счетов вероятность того, что частное лицо имеет доступ к программам обучения хакеров, то мы имеем дело с людьми в черном.

– Когда мы их найдем, я все скажу им, что думаю о них.

– И я тоже, черт побери. – От мрачной угрозы Хотвайера Клер передернуло.

– Ты все еще считаешь, что они не имеют отношения к нападению на меня?

– Мне трудно вообразить, чтобы агент нашего правительства стал бы душить тебя подушкой.

– И ты говоришь это после того, как видел книгу Арвана?

Бретт словно надел маску на лицо.

– Да, говорю.

Клер отвернулась. Она восприняла его ответ как отказ продолжить разговор.

– Мой список на последней странице лиловой тетради. Это на случай, если ты захочешь сравнить его с тем, что составил Коллинз.

– Куда ты пошла?

– Пойду в спальню, посмотрю телевизор. – Клер не спешила уходить. Она ждала, что Хотвайер попросит ее помочь ему со списком.

– Хорошо.

Клер кивнула и ушла в соседнюю комнату. Лежа на животе, она смотрела программу о дизайне квартир, когда в спальню вошел мрачный Хотвайер. Клер перекатилась на спину и села.

– Тебе что-нибудь нужно?

– Хочешь поесть?

– А что, уже пришло время обеда? – Клер посмотрела на часы. Она провела в спальне больше часа. – Пожалуй, я бы что-нибудь съела.

– Хочешь сама заказать или доверишь мне сделать заказ?

Клер пожала плечами.

– Я тебе доверяю.

– В самом деле?

Она растерянно наморщила лоб.

– Да.

– Я просматривал дневник Арвана.

Клер заметила, что Хотвайер употребляет кличку Лестера, когда говорит о его работе. Ей показалось, что это правильно. По ее представлениям, Лестер и в самом деле сочетал в себе двух разных людей, вел две разные жизни.

– Нашел что-нибудь?

– Я еще не могу сказать ничего определенного насчет нашего дела. Я просматриваю дневник и заново в базу данных информацию, чтобы потом сверить с отчетом Коллинза. Но я обнаружил кое-что, что может тебя заинтересовать.

– Что именно?

– Арван брался не за всякую работу. На самом деле он был весьма разборчив. Он отказывался убивать, если считал, что нет достаточных доказательств того, что его объект представляет опасность для страны или других людей.

– Как насчет частных заказов? – не удержавшись, спросила Клер.

– Их было не так много, но он брался только за такие дела, когда возмездие представлялось ему справедливым.

– Например?

– Например, в случае с мужчиной, который до смерти забил жену и избивал детей. Отец убитой женщины нанял Арвана, чтобы тот убрал садиста. Знаешь, в пятидесятые годы насилием в семье никто серьезно не занимался, и такие дела редко доходили до суда. Отец этой женщины не увидел иного выхода, чтобы защитить от насилия своих внуков, и Арван согласился.

Клер должна была бы почувствовать облегчение, но она его не чувствовала. Она не принимала концепцию самосуда и все же не хотела осуждать деда, желающего защитить внуков от насильника отца.

Глаза Клер наполнились слезами, и она отвернулась, чтобы Бретт не увидел ее слез.

– Ты прав. Так мне стало намного лучше.

– Если тебе это помогло, почему ты на меня не смотришь?

Клер пожала плечами и торопливо вытерла глаза.

– Так, ничего. Я просто смотрю шоу.

– И то, что показывают по телевизору, кажется тебе более важным, чем то, что я рассказал о Лестере?

– Ты хотел сказать – об Арване.

– Это один и тот же человек. Ее теория трещала по швам.

– Нуда, но...

Бретт присел рядом и повернул Клер к себе.

– Почему ты плачешь?

– Я чувствую облегчение. Я не должна его чувствовать, но чувствую.

Бретт покачал головой.

– Я никогда тебя не пойму. Или пойму? Клер пожала плечами.

– Наверное, не поймешь. Не думаю, что наши мозги работают одинаково.

– Это тебя раздражает? – спросил он с нажимом в голосе.

– Не слишком. Джозетта говорила, что мужчины и жен-

щины в принципе думают по-разному.

– И ты считаешь, что дело только в этом?

– Да. – Она не понимала, к чему он клонит, но интуитивно чувствовала, что Бретт пытается выяснить что-то важное для себя. – Бретт, чего ты хочешь?

Глаза его затуманились. Мгновенно.

– Тебя. Я всегда хочу тебя.

В тот момент, когда он накрыл ее рот своим, Клер успела подумать, что странный взгляд Бретта говорил о другом, не страсть говорила в нем в тот момент, но Клер не замедлила откликнуться на его ласку. Поцелуй горячил ей кровь, и Клер была не прочь превратиться в пламя.

Потом они заказали ленч и в ожидании заказа приняли душ. Бретт то и дело ронял мыло, а потом искал его, и его губы и руки умудрялись ласкать каждый дюйм ее тела в процессе поиска.

Клер стояла, прислонившись к стене душевой, тяжело дыша после оргазма, когда в дверь постучали. Принесли ленч. Бретт наскоро вытерся и, обмотав полотенце вокруг бедер, пошел открывать.

Клер закончила принимать душ, надела топ и шорты и вышла в комнату.

Одобрительный присвист Бретта при ее появлении вызвал у Клер улыбку. И чувственную дрожь по всему телу. Бретт раскладывал еду, завернувшись в полотенце, и Клер тоже присвистнула от восхищения. Они принялись дурачиться, и

потом, когда все же принялись за еду, Клер подумала, что Бретт проявил сообразительность, заказав холодный ленч, потому что горячая еда все равно бы остыла.

После обеда Клер позвонила профессору, который пользовался тем же одеколоном, что и тип, напавший на нее в университете. Как только она выяснила название одеколona, Бретт предложил съездить в центр и купить флакон, чтобы понять, о каком запахе идет речь.

Понюхав одеколон и придя к заключению, что запах слишком женственный, Бретт убрал флакон в сумку.

По возвращении в отель Клер сравнила свой список с тем, что прислал по электронной почте Коллинз, а Бретт закончил вводить имена из дневника Арвана в базу данных.

Телефон зазвонил в тот момент, когда Клер сохраняла последние изменения отчета Коллинза со своим списком. На самом деле добавились только две фамилии, и Клер подумала, что они ничего не дадут. Один был врач, который работал с Лестером с первого дня, как тот попал в Бельмонт-Мэнор, второй – руководитель небольшой политической группы, члены которой приезжали в Бельмонт-Мэнор с неофициальной проверкой за пару недель до печального события. Тогда была не ее смена, но Куини рассказала ей о визите.

– Кто это был? – с улыбкой спросила Клер, когда Бретт повесил трубку.

– Этан. Он выяснил имена тех агентов, что были на по-

хоронах. Оба работают на одно влиятельное лицо с лапой в Вашингтоне.

– И кто эта шишка?

– Раймонд Артур. Этан решил проверить его послужной список. Он бывший военный с сомнительной репутацией.

– Что ты имеешь в виду?

– Он не замечен в излишней щепетильности в делах. Он проповедует принцип Макиавелли о том, что цель оправдывает средства. И я не удивлюсь, если значительная часть заказов для Арвана шла от него.

– Ты думаешь, это он мог заказать Лестера? Бретт был мрачен.

– Возможно. Похоже, Артур имел прямое отношение к секретным операциям периода «холодной войны».

– И что мы будем по этому поводу делать?

– Мы собираемся нанести ему визит, когда прибудем на восточный берег, и еще организуем встречу с этими двумя агентами. Один из них среднего роста с серыми глазами.

– Как тот, что хотел придушить меня подушкой?

– Да. Если они замешаны в деле, то им придется серьезно за это поплатиться на следующих выборах.

Клер увидела перед собой совсем другого Бретта. Перед ней был воин, вышедший на тропу войны. Воин решительный и беспощадный.

Ей почти стало жаль этих правительственных агентов.

Новенький джип отъехал от маленького муниципально-го аэропорта, куда Бретт посадил свой самолет. С каждой оставшейся позади милей Клер волновалась все больше.

Родители Бретта жили примерно в полутора часах езды на юго-запад от Саванны, на окраине маленького городка, названного в честь одного из предков Бретта. Клер даже представить себе не могла, каково это – расти в городе, отцом-основателем которого был твой предок? Бретт не был конформистом, и Клер могла только догадываться о том, как туго ему приходилось. Он не много рассказывал о своей семье. Все, что ей на самом деле было о них известно, это то, что все они добились многого в жизни, и то, что Бретт их любил.

При мысли о скорой предстоящей встрече с его семьей у Клер внутренности сводило от страха. Совершенно неадекватная реакция, и Клер умом понимала, что реагирует неправильно, – незачем ей так волноваться. Она не собиралась входить в эту семью, и даже налаживать с ними хорошие отношения ей было не обязательно. В конце концов, они с Бреттом не могли называться настоящей парой. Поскольку не были парой в общепринятом смысле. С тех пор как они уехали из Линкольн-Сити, Бретт больше ни разу не заговорил с ней о браке.

«Раз эта встреча первая и последняя, – думала Клер, – то

и мнение, которое составят о ней члены его семьи, ей безразлично». Но наделе это было не так. Клер беспрестанно поправляла белую тенниску и джинсы цвета хаки, впервые искренне пожалев о скудости своего гардероба, в котором не нашлось места для настоящих приличных вещей.

Бретт молчал. Куда только делась его обычная непринужденность?

Чем ближе они приближались к дому, тем мрачнее он становился. Может, Бретт стыдится ее?

– Знаешь, я могу остановиться в отеле. Ник чему мне торчать на дне рождения твоей мамы.

Бретт резко мотнул головой, словно Клер отвлекла его от глубоких раздумий.

– Что?

– Преступники не узнают, где я. Я могу остановиться в отеле.

– Ты будешь жить в доме, – сказал Бретт и снова погрузился в себя.

Клер смотрела в окно на зеленые просторы. Проехали еще одну милю.

– Еще далеко?

Как раз в этот момент Бретт свернул с шоссе на дорогу, по обеим сторонам которой росли высокие ухоженные деревья.

– Совсем близко.

Когда он остановил автомобиль перед громадным белым особняком, сердце Клер подскочило и бешено забилося.

– Твои родители живут здесь? – спросила она в ужасе.

– Да.

– Ты здесь вырос?

– Да. – Бретт вышел из джипа и обошел его спереди, чтобы открыть ей дверь, но Клер и не думала выходить. Бретт нахмурился. – Это всего лишь дом, Клер.

– Мне все это напоминает декорации к «Унесенным ветром». – До того как отец потерял работу, Клер с семьей жила в довольно приличном доме в западном Портленде, но с этим особняком тот дом и рядом не стоял.

– Ты не права, Клер. Моя мама и сестры считают, что Скарлетт О'Хара создала женщинам юга плохую репутацию.

– Потому что она была такой эгоисткой?

Бретт приподнял брови, словно не ожидал от Клер такого хода мыслей.

– Да.

– Ладно, ты меня убедил, что этот дом к съемкам «Унесенных ветром» отношения не имеет, но он все равно красивый и громадный. – Клер со вздохом устремила взгляд на особняк и на то, что его окружало. Она не могла представить, как можно жить в таком невероятно прекрасном доме, а потом покинуть его.

Бретт улыбнулся и хитро прищурился.

– Если я пообещаю привозить тебя сюда на каждые праздники и летом на две недели, чтобы нашим детишкам было где побегать, ты выйдешь за меня?

Клер едва не вскрикнула от удивления.

– Я подумала...

– О чем ты подумала?

– Что ты забыл об этой дурацкой идее, – выпалила Клер.

Но та картина, что родили в ее воображении его слова, – не ребенок, а дети, их с Бреттом общие дети, играющие в саду на зеленой траве, карабкающиеся на эти громадные деревья возле особняка, была до боли, до щемящей боли красива.

– Я просто копил резервы.

– Что ты имеешь в виду?

Но Бретт не успел ответить, потому что два мальчика с темными волосами и одинаковыми улыбками уже летели к ним с громкими радостными криками:

– Дядя Бретт! Дядя Бретт!

Маленькая светловолосая девочка бежала следом, короткие ножки не позволяли ей угнаться за мальчишками. Догнав их, она остановилась, засунула в рот палец и принялась его сосредоточенно сосать, наблюдая за происходящим.

Клер вышла из машины и закрыла дверь. Маленькая девочка, заметив Клер, улыбнулась застенчиво, не вынимая пальца изо рта.

Клер присела на корточки, так что они с девочкой оказались вровень.

– Привет, меня зовут Клер. А тебя? Девочка вынула палец изо рта.

– Дженни.

– Красивое имя. А полное – Дженнифер? Дженни кивнула.

– А там мои братья, Дерек и Кайл. Они больше меня, – доверчиво добавила малышка.

– Я вижу. Им нравится бороться с дядей, правда же?

– Ага. – Дженни смотрела на Клер несколько долгих секунд, а потом спросила: – А вы невеста дяди Бретта?

– Нет. – Клер надеялась, что испуг не отразился у нее на лице. – Я... я просто его подруга.

Дженни на это ничего не сказала, лишь с задумчивым видом засунула палец в рот и снова принялась его сосать.

– Привет, конфетка. – Бретт подошел к ним, неся под мышками обоих мальчуганов, словно мешки с овсом. – Где мама?

– Она в доме, – сказала Дженни, посасывая палец.

– Вообще-то я уже здесь.

Клер вскочила на ноги, и Бретт отпустил племянников на землю. Все обернулись на мелодичный голос. Сестра Бретта была красивой женщиной, на ней был элегантный светло-бежевый костюм и туфли на каблуках. Бретт и сестра были очень похожи.

Женщина протянула руку Клер:

– Меня зовут Элеонора Адамс-Стентон, я старшая сестра этого негодника и мама этих трех херувимчиков.

Клер пожала ей руку:

– Клер Шарп, приятно познакомиться.

– Она сказала, что она не невеста дяди Бретта, – сообщила Дженни. – Но она пошутила.

Глава 19

Бретт, нисколько не озаботившись комментарием племянницы, потрепал девочку по золотистой кудрявой голове.

– Клер очень застенчивая, сахарок. Она моя невеста, это правда.

Элеонора подняла брови.

– Может, Клер не столько застенчива, сколько стыдится назвать тебя своим бой-френдом?

Голубые глаза Элеоноры зажглись озорным огоньком. Она хотела поддразнить младшего брата, но Бретт, похоже, принял слова сестры близко к сердцу.

Клер встала на его защиту. И фигурально, и буквально.

– Разумеется, я не стыжусь назвать Бретта своим бой-френдом.

– Но ты сказала, что ты не егоная невеста, – стояла на своем Дженни.

– Надо говорить: «не его», – поправила Дженни мать, слегка похлопав ее по плечу.

– Мы вместе недавно и не вполне официально, – пустилась в объяснения Клер.

– Что это значит? – спросил один из близнецов. – Разве можно завести девушку официально, дядя Бретт?

– Это означает, хулиган ты эдакий, что я все еще работаю

над тем, чтобы убедить ее за меня выйти. Как только мне это удастся, все будет официально, как положено.

Глаза сестры Бретта округлились от удивления, но удивление сменилось лукавым огоньком.

– Мама будет в восторге.

– Тебе непременно надо жениться на девушке, чтобы ты мог назвать ее своей подружкой? – в некотором недоумении поинтересовался второй мальчик, кажется Кайл.

– Нет, не обязательно. Но я собираюсь жениться на Клер, и она действительно моя невеста. Она просто еще к этому не привыкла.

– А, понятно. – Паренек посмотрел на Клер. – У меня есть подружка, но я не хочу на ней жениться.

Клер была готова убить Бретта. Она покажет ему небо в алмазах, но не сейчас, не при детях. Она улыбнулась Кайлу:

– Это к лучшему, наверное. Пройдут годы, прежде чем тебе можно будет всерьез задуматься о браке.

– Папа говорит то же самое, но ему нравится быть женатым на маме, и потому я даже не знаю...

Элеонора рассмеялась, явно польщенная словами сына, и взяла Клер под руку.

– Пойдемте. Мама умирает от желания взглянуть на первую женщину, которую Бретт отважился привести в дом.

– Первую женщину? – Бретт не говорил ей, что никогда никого из своих женщин не знакомил с семьей. Неудивительно, что у его сестры был вид, как у кошки, которая съела ка-

нарейку.

Клер бросила на Бретта испепеляющий взгляд. Он всего лишь пожал плечами, ответив ей сексуальной улыбкой, и одними губами произнес: «Я тебя предупреждал».

И он действительно ее предупреждал. Он только не предупредил Клер о своем намерении сообщить семье о том, что хочет на ней жениться. Уже одно то, что Клер оказалась первой подругой Бретта, которую он отважился представить семье, делало ее положение в доме весьма неловким, а тут еще и это. Кажется, Клер поняла, что он имел в виду, говоря о накоплении ресурсов. Он решил обрушить на нее весь арсенал сразу и в качестве основного удара выбрал женщин своей семьи. Одного взгляда на Элеонору хватило, чтобы понять – противостоять такой ударной силе будет непросто. Нет, определенно она оторвет Бретту уши, когда они останутся с ним наедине.

Дженни протянула Клер тоненькую ручку.

– Вы мне нравитесь. Из вас получится очень милая тетя. У Клер от умиления сжалось сердце. А ведь она не считала себя сентиментальной.

Она улыбнулась Дженни в ответ.

– Ты мне тоже нравишься.

Клер лишилась дара речи, едва оказалась внутри особняка. Резные украшения потолка были выполнены из цельного дерева ценных пород еще в те времена, когда мастера умели работать руками. Если прихожая произвела на нее та-

кое впечатление, то холл просто потряс. На стенах – настоящие фрески, потолки – невозможной высоты, а посреди всего этого великолепия – парадная лестница.

– Господи! – прошептала Клер.

– Красиво, правда? – сказала Элеонора. В тоне ее не было горделивого высокомерия, а всего лишь приглашение разделить удовольствие, которое получаешь, созерцая что-то прекрасное.

– Да.

– Трудно было поверить в то, что Бретт оставил все это ради жизни в армейских бараках и бог знает еще каких местах похуже, когда ему было всего восемнадцать.

– Иногда ради исполнения своей мечты люди жертвуют многим.

Бретт внезапно оказался рядом и обнял Клер за талию. Мальчишки побежали открывать дверь в одну из комнат.

– Прекратите беготню, – строго приказала им мать, но южный тягучий акцент сводил на нет суровость тона. Она и говорила, как Бретт, даже голоса у них были похожи.

– Пусть себе резвятся, Элли. В них слишком много энергии, чтобы ходить степенно, – сказал мужчина, появившийся из комнаты. Он выглядел так, как по представлению Клер через лет двадцать будет выглядеть Бретт, – с припорошенными серебром светлыми волосами и веселыми лучистыми морщинками в уголках глаз.

– Не помню, чтобы ты разрешал мне бегать по дому, –

насмешливо сказала Элеонора.

– Дедушкам положены некоторые привилегии, – сказал мужчина и повернулся к гостье: – Вы, должно быть, Клер?

– Да.

Они пожали друг другу руки. Пожатие у него было крепким, но не слишком жестким.

– Лорен. В таких случаях говорят: мой сын много о вас рассказывал, – продолжал отец Бретта, провожая Клер в гостиную, – но, к сожалению, Бретт всегда скуп на информацию. Так что теперь готовьтесь, вам придется пройти испытание нашим семейным любопытством, а мы удовлетворим ваше.

Они собираются провести проверку и присвоить ей категорию? Например, заклеить как товар третьего сорта? Нет, только не это.

– Я...

– Ты что, собираешься гостье устроить допрос с пристрастием? По крайней мере прозвучало именно так. Я, конечно, понимаю, годы адвокатской практики и работы в суде не проходят бесследно, но все же постарайся вести себя цивилизованно. Разве ты не видишь, Клер вся зажалась от волнения? – спросила мать Бретта. Она сидела на низком диване, а Дерек и Кайл, подбежав к ней, взобрались на диван по обе стороны от нее.

Мать Бретта была так же элегантна и так же красива, как и его сестра, но глаза и волосы у нее были темными, и она

была на добрых три дюйма ниже дочери. Хотя выглядела гораздо моложе, чем должна была выглядеть женщина, имевшая таких взрослых детей.

Она неодобрительно покачала головой, глядя на мужа.

– Иногда я думаю, где же ты прячешь то обаяние, которое тебе в свое время помогло убедить меня выйти за тебя замуж?

– Должно быть, там же, где Бретт прячет свое. Он не смог уговорить Клер выйти за него замуж и обратился к нам за помощью.

– Что? – Мать Бретта в недоумении смотрела на Клер.

– Я этого не говорил, – сказал Бретт.

– Ты сам мне сказал, что не убедил ее. Разве это не мольба о помощи? – Элеонора присела на другой диван, стоящий под углом к тому, на котором сидели ее мать и сыновья.

– Бретт просил вашей руки?

Клер только и могла, что кивнуть. Напоминая им всем, включая того самого человека, за которого она сейчас цеплялась, как за спасательный жилет, что сказать «нет» было бы просто некорректно.

– Ну что же, слава Богу, Бретт хоть что-то хорошее унаследовал от отца. Сообразительность, например. Увы, то остроумие, каким он блистал когда-то, годы работы в суде совсем свели на нет, – добавила женщина, бросив надменный взгляд на мужа.

Как ни удивительно, ее супруг вовсе не выглядел оскорб-

ленным. Он усмехнулся и хлопнул сына по спине.

– Чудесные новости, сын. – Затем он обернулся к Клер: – Что ваши родители думают о Бретте?

– Ее родители умерли. Оба, – тихо констатировал Бретт.
– Простите. – Темные глаза матери Бретта были полны сочувствия. – Тогда мне не стоит обижаться на Бретта за то, что мы встречаемся с вами сегодня первый раз. Когда Бретт сказал мне, что вы общаетесь больше года, я естественно подумала, что он уже познакомился с вашей семьей, а вас от нас прячет. Я не могла понять почему, если только он не вбил себе в голову идиотскую мысль о том, что мы чересчур въедливые. Я знаю, что не должна из-за этого переживать, но я всего лишь человек, и я так долго ждала того момента, когда мой сын наконец остепенится.

– Мы всего лишь друзья, миссис Адамс. Правда.

– Были друзьями до недавних пор, – добавил Бретт. – Хотя, я думаю, что мы оба уже достаточно долго знали, что хотим большего.

– Пожалуйста, зовите меня Фелиция, а отца Бретта можно звать Лорен. К чему церемонии, мы уже почти семья.

– Пожалуйста, Бретт, я хочу сказать, не прикипайте сердцем к этой идее, я имею в виду наш брак с Бреттом, – торопливо пролепетала Клер.

– Почему? – напрямик спросила Элеонора.

Клер проглотила вязкую слюну. Она никак не могла подобрать нужные слова.

– Во-первых, происхождение, прошлый опыт...

– Не так много женщин имеют за плечами опыт военной службы, как, например, Джози. Вы же не хотите сказать, что он должен искать себе жену исключительно из числа женщин-военнослужащих.

Бретт обнял Клер крепче. Она чувствовала, как он напряжен. Он тоже чувствовал себя неудобно.

– Я не это имела в виду.

– Тогда что? – осторожно спросила Фелиция, словно прощупывая Клер своими темными глазами.

Клер обвела рукой окружавшее ее великолепие:

– Я это имею в виду. Ваш стиль жизни, то, как вы растили Бретта. Все это кажется мне сказкой. У него свой самолет, а я в настоящий момент не могу позволить себе даже подержанный автомобиль.

– Вы о деньгах? – спросил Лорен с озадаченным выражением лица.

– Нет. Да. Не совсем.

Отец Бретта засмеялся, и смех у него был сочный, густой.

– Вы выглядите такой же растерянной, как и мать Бретта, когда я за ней ухаживал. Сынок, это хороший знак.

– Надеюсь. – Бретт усадил Клер на диван, где уже сидела его сестра.

Отец Бретта взял Дерека на колени и пересел поближе к Фелиции.

– Мы не королевского рода, Клер. И не принадлежим к

клану Кеннеди. – Он засмеялся собственной шутке. – Мои предки помогли основать этот город и построили этот дом для себя и своих потомков, но мы такие же, как ваши родители.

Клер покачала головой. Он даже не представлял себе, как ошибался, но она не собиралась раскрывать ему глаза.

Вместо этого она сказала то, что могла сказать со всей откровенностью:

– Я всегда считала себя покладистой и не склонной к насилию, но временами мне хочется сварить вашего сына в масле. Я действительно считаю, что вопрос, поженимся мы или нет, мы должны решить между собой.

К счастью, после этой ее фразы беседа потекла в другое русло, и Клер обнаружила, что ей на самом деле нравится эта семья.

* * *

Когда Фелиция объявила, что Клер нужно время, чтобы распаковать вещи и отдохнуть перед ужином, Элеонора предложила проводить ее в комнату. По определенной причине Бретт при этом занервничал.

Элеонора и Клер поднялись по широкой винтовой лестнице.

– Бретт сказал, что вы жили в одном доме с Джозеттой.

– Да.

– Значит, вы там познакомились?

– Да.

– Когда вы стали встречаться?

– М-м... – Их первым свиданием была вылазка на пляж.

Если, конечно, это можно назвать свиданием.

Клер не была уверена в том, что произведет должное впечатление на сестру Бретта, если назовет точную дату. Элеонора может решить, что Бретт сошел с ума, предложив Клер выйти замуж на следующий день после первого свидания. Клер не была также вполне уверена в том, что не придерживается относительно Бретта того же мнения.

– Мы поняли, что нас тянет друг к другу, на свадьбе Джози и Нитро, – сказала Клер после лихорадочных раздумий.

– Свадьбы часто оказывают такое воздействие.

– Наверное.

– Так почему вы еще не сказали ему «да»?

Клер споткнулась на ступеньках и едва не потеряла равновесие.

– Я бы предпочла не говорить на эту тему.

– Ну что же, в этом смысле у вас с Бреттом много общего.

– Что именно?

– Ни вы, ни он не любите отвечать на вопросы, касающиеся ваших чувств. Мы до сих пор не добились от него ответа на вопрос, почему он предпочел пойти в солдаты, вместо того чтобы поступать в медицинский институт, как на то рассчитывали мама и папа.

Они полагали, что Бретту следует стать врачом? При всей их сообразительности, как они могли не видеть того, что карьера врача совершенно не его призвание?

– Для меня это очевидно.

Элеонора остановилась у закрытой двери и пристально посмотрела на Клер.

– В каком смысле?

– Он воин в душе. Достаточно провести с ним всего пару часов, чтобы это понять. – И Клер не могла представить, чтобы Бретт так сильно изменился с годами, чтобы эта воинственность не проявлялась в нем еще в детстве. Она легко могла представить Бретта мальчишкой, мечтавшим отдать жизнь служению родине. – Он даже змея запускает так, словно командует новобранцами.

– Вы запускали воздушных змеев? – изумленно спросила Элеонора.

– Да.

– Но Бретт никогда не занимался подобными вещами. Конечно, он играет с детьми, когда приезжает сюда, но пока они не появились, он вообще не играл. Люди ошибочно принимают все это наше семейное обаяние за безмятежное отношение к жизни, но мой брат никогда не был ни безмятежным, ни праздным. Он практически никогда не расслабляется. Даже когда был мальчишкой, он не признавал игры ради игры. Он практиковался в боевых искусствах, разных видах борьбы, ездил верхом, стрелял по тарелочкам, но все это с

дальним прицелом стать лучшим. Ничто из перечисленного он не воспринимал как игру.

Клер подумала об их прогулке в парке, о том, как они проводили время на пляже, как им весело было в бассейне и потом в той горячей ванне позапрошлой ночью.

– Он расслабляется со мной.

– Вы, должно быть, совсем особенная женщина. Клер покачала головой:

– Нет, я совсем обычная. Я только пару дней назад получила степень магистра, и работаю я в интернате для пожилых людей сиделкой. Может, Бретт расслабляется и с другими своими друзьями, но только вы об этом не знаете.

– Вы для него больше, чем его друзья, раз он хочет на вас жениться.

Клер почувствовала, как кровь приливает к щекам. Она понимала, на что намекает сестра Бретта.

– Да.

Элеонора мило улыбнулась и открыла дверь, что была слева от них.

– Вот, пожалуйста. Комната Бретта рядом с вашей, и ванная у вас общая. Дженни напротив, но насчет того, что она что-то услышит, не беспокойтесь. Дом старый, и стены в нем толстые.

– М-м...

– Бретт смотрит на вас, как голодный барс. Он бы все равно залез к вам через балкон или через ванную комнату с на-

ступлением ночи. В противном случае я не могу считать себя знатоком психологии и меня напрасно выбрали судьей.

Клер покачала головой. Южане оказались куда более прямолинейными, чем ей это представлялось, и она сказала об этом Элеоноре.

– Только в семейном кругу, – со смехом уточнила Элеонора.

– Да, но я не...

– Скоро вы тоже станете частью нашей семьи. Может, Бретт еще не успел убедить вас в том, что на него можно положиться, но он это сделает. У Бретта крепкая хватка. Ему в жизни много приходилось бороться за то, чтобы утвердить себя в роли, отличной от той, что на него возлагали в семье. И это упрямство вошло в его плоть и кровь.

– Я и сама достаточно упряма.

– Я в этом не сомневаюсь. Бретт не был бы счастлив в браке с оранжерейным цветком, на который дунь – и он завянет.

– Я не думаю, что он будет счастлив и в браке со мной.

– Он придерживается иного мнения, и мне сдается, вы оба недооцениваете друг друга.

Клер покачала головой.

– Вы выносите поспешные суждения.

– Работа такая. Иногда я всех в семье довожу до ручки, но они со мной мирятся.

– Где ваш муж?

– По делам в Рели. Однако к завтрашнему празднику он

должен прилететь.

– Я с нетерпением жду встречи с ним.

– Ему тоже не терпится вас увидеть. Он всегда говорил, что если Бретт надумает жениться, то выберет женщину из совсем другой семьи, не такой, как наша. И он был прав. Я должна вам сказать, что завтра тут будет не одна красотка ронять слезы в шампанское при виде вас с Бреттом.

–Я...

Элеонора замахала руками, не принимая возражений.

– Бретт не был бы счастлив, женившись на местной девушке. Он хотел увидеть мир, и он много путешествовал. Ему и в Монтане нравится жить, хотя я не понимаю, что хорошего он там нашел. Народу там почти нет и зимы холодные.

– Там красиво, и, я думаю, ему нравится уединение. Кроме того, он говорил, что обожает кататься на лыжах.

– Да, но несколько недель зимой на лыжном курорте нельзя сравнить с каждодневной ездой по сугробам.

– Едва ли он проводит дома столько времени, чтобы ему успел надоесть снег.

– Да, пожалуй. – Элеонора жестом указала на чемодан Клер, который уже принесли в комнату. – Что вы собираетесь надеть на завтрашнюю вечеринку?

– А какие требования к наряду? – Если женщины должны быть в вечерних платьях, она, пожалуй, наденет платье, в котором была на свадьбе Джози. Если требования менее

жесткие, она наденет наряд, что купил ей Бретт.

– Мама любит, чтобы все было по высшему разряду. Клер подошла к чемодану и достала оттуда единственное вечернее платье:

– Это подойдет?

Элеонора кивнула с очевидным одобрением:

– Да, отличное платье. Пожалуйста, не подумайте, что я сую нос в чужие дела, но я знаю, как важны для нас, женщин, подобные мелочи.

Клер вздохнула с облегчением, но при этом она не могла не дивиться странностям южного этикета. Сестра Бретта не видела ничего зазорного в том, чтобы потребовать от Клер объяснений по поводу ее нежелания выходить замуж за Бретта, и при этом сочла нужным извиниться за то, что полюбопытствовала насчет платья. Удивительно и совсем непонятно.

– Я оставлю вас, чтобы вы могли отдохнуть перед ужином.

– Спасибо.

Клер как раз закончила развешивать одежду в шкафу, когда в комнату явился Бретт. Через балкон.

Он молча подошел к Клер и, заключив в объятия, наградил жарким поцелуем. Он мял ее губы с отчаянием, которого она не понимала, но с радостью сдалась под его напором.

Прошло немало времени, прежде чем Бретт прервал поцелуй.

– Господи, как мне этого не хватало.

– Соскучился по мне? – шутливым изумлением спросила Клер.

– Да, – сказал он с искренним чувством. Клер засмеялась.

– Да уж! Мы не виделись примерно три четверти часа.

– Это были самые долгие сорок пять минут моей жизни.

– Так я тебе и поверила! – В его жизни наверняка были ситуации, когда время тянулось нестерпимо медленно. С его-то военным опытом!

– Я серьезно. – Бретт не шутил. С таким лицом не шутят.

– Я представлял себе, что тебе говорит моя сестра, и очень нервничал.

– Зря. – Клер закинула ему руки за шею и улыбнулась. –

Она всего лишь спросила, почему я отказываюсь выходить за тебя замуж, проинформировала меня о том, что ты не сможешь удержаться от того, чтобы тайно не проникнуть ко мне в комнату с наступлением темноты, но успокоила меня, сказав, что Дженни, хотя и спит в комнате напротив, нас не услышит. И еще она захотела 5'знать, что я планирую надеть на завтрашний праздник в честь дня рождения твоей мамы.

Бретт застонал. Он выглядел всерьез расстроенным.

– Вот этого я и боялся. Но у всего есть и хорошая сторона. Элеонора и мама явно решили принять тебя в наш клан. Иначе сестра никогда бы так открыто с тобой не общалась.

– Скорее всего они понимают, что тебя не сломить никакими силами, и раз уж ты что-то надумал, то так тому и быть. А раз ты все равно уломаешь меня стать твоей женой, то луч-

ше смириться с неизбежным.

– А ты готова смириться с неизбежным?

– А ты как думаешь?

– Что ты еще не сдалась. – Бретт вздохнул. – Но не надо обманываться насчет мамы и Элеоноры. Если бы ты им не понравилась, они бы не стали ни с чем мириться.

– Они общались со мной от силы часа два. Как они могли так быстро составить обо мне мнение?

– Иногда хватает и часа, чтобы понять, с кем имеешь дело. И хотя маме нравится делать вид, что я никогда о тебе не говорил, на самом деле я говорил. И еще я много им рассказал о тебе, когда позвонил предупредить, что приеду не один.

– Ты хочешь сказать, что говорил им обо мне раньше?

– Ты была мне другом, Клер. Да, я говорил о тебе.

– Не могу представить, о чем ты мог говорить.

– Что ты в компьютерах разбираешься не хуже меня. О чем еще?

– Ах это. – Почему-то Клер испытала разочарование. Он не говорил о ней как о женщине, но что он мог о ней рассказать? «Мама, у меня есть подружка с рыжими лохмами и абсолютно безвкусная в плане одежды, и ей нравится проводить свободное время, навещая стариков». Вряд ли бы он считал нужным рассказывать об этом.

– Я говорил, что ты чертовски сексуальна, и удивлялся, что ты ни с кем не встречаешься.

– Я была слишком занята.

– Тебе просто никто не нравился. Кроме меня, – ехидно заметил Бретт.

– Ну и что с того? Это не значит, что я не смогу прожить жизнь без тебя.

– Ты в этом так уверена?

Честный ответ привел бы к более глубоким выводам, и поэтому Клер упрямо поджала губы.

Бретта это нисколько не смутило. Он просто довольно усмехнулся. Клер стало не по себе.

– Именно так я и думал, – заключил Бретт.

– Не задирай нос. Ты еще не на коне. И твоих родных удар хватит, если они узнают, что ты собрался жениться на женщине, отец которой совершил самоубийство, чтобы уйти от проблем, а мать спилась примерно по той же причине.

– Они уже об этом знают, и ничего.

Глава 20

У Клер перестало биться сердце.

– Ты рассказал им о моих родителях?

– Нет. И я никогда не расскажу, если ты этого не захочешь, но они знают, что я хочу жениться на тебе и ты – моя женщина. Они увидели тебя, и ты им понравилась – это все, что имеет значение. А совсем не то, кем были твои родители.

Все обстояло совсем не так просто. И Клер это знала, даже если этого не понимал Бретт.

– Твоя сестра – общественная фигура. Можно сказать, политическая. Когда приходит время выборов, журналисты порой накапывают такое, о чем лучше вообще никому не знать. Что, если они вынесут на суд общественности мое происхождение и заставят ее краснеть?

– Не забывай, что она не сенатор штата. У нас тут не принято вести такого рода грязные кампании. Но, даже если нечто подобное произойдет, она просто скажет, что восхищена тем, как ты распорядилась своей жизнью и чего добились вопреки всем преградам. Потому что это правда, Клер. Ты необыкновенная женщина. Ты рушишь все стереотипы, и я тобой восхищаюсь.

Глаза защипали непрошеные слезы.

– Спасибо.

Бретт поцеловал ее. Быстро и крепко.

– А теперь скажи мне, что ты думаешь о моей семье?

– Мне они нравятся, но я понимаю, почему ты живешь в Монтане.

Бретт кивнул.

– Они всюду суют свой нос, а мне это не нравится.

– Именно.

Клер отступила от него, ей вдруг захотелось, чтобы ее личное пространство никто не нарушал.

Слова Бретта тронули ее, но она не была уверена в том, что он прав. Она охотно верила, что для него ее биография не представляет проблем, но она не была уверена – что бы он ни говорил, – что его сестра воспримет правду о том, кем были родители Клер, столь же оптимистично.

Клер остановилась возле картины, изображавшей маленькую девочку, копавшуюся в грязи. Белое платье в оборочках было безнадежно заляпано грязью, но девочка с самозабвенным счастливым лицом «пекла пирожки» из мокрого песка, используя в виде формочки не игрушечную, а, пожалуй, самую настоящую форму для пирога. Что-то знакомое было в этом ребенке.

– Похожа на Дженни.

– Это она и есть.

– Художник очень талантлив.

– Спасибо.

Клер посмотрела на подпись. «Г.Б. Адамс».

– Это твой родственник?

– Можно и так сказать. Г.Б. Адамс – это я.

Клер остолбенела.

– Что?

– Я стал заниматься живописью несколько лет назад. Я видел в этом занятии способ уйти от мучительных воспоминаний, связанных с пребыванием на войне.

– Что означает первая буква?

– Гамильтон.

– Твое первое имя – Гамильтон?

– Эй, это не так уж плохо. Брату пришлось еще хуже, чем мне. Представь, каково жить с именем Лорен Куинси Адамс Четвертый.

– Так его зовут Лорен или Куинси?

– Родители пытались закрепить за ним имя Куинси, затем младший, но он отвоевал право зваться Лорен. Они сошлись на компромиссе в виде Л.К., но если есть на свете мужчина, который может жить с именем Куинси и надеяться на серьезное к себе отношение, то это мой брат. Он судья по призванию. Мастер компромиссов. Превосходный судейский сын.

– А ты считаешь себя таковым?

– Они хотели, чтобы я стал врачом. Сестра тебе разве не говорила?

– Говорила.

Несмотря на то что Бретт сам задал этот вопрос, ответ Клер удивил его.

– Да уж, ее и впрямь понесло. В любом случае я сильно их

разочаровал, когда решил пойти в армию сразу после школы. Я даже не стал поступать в колледж. Мы с отцом воевали несколько недель подряд, и кончилось тем, что я в один прекрасный день вышел из дома, а вернулся уже рекрутом.

– Но ты сделал то, что должен был сделать. И ты преуспел.

– Ты действительно считаешь, что уход из диверсионно-разведывательного подразделения в контрактники можно назвать успехом?

– В твоем случае – да, это успех. Ты сохранил свои идеалы, свою целостность и свою честь. Ты настоящий мужчина. Я рада, что такие, как ты, защищают нашу страну, Бретт.

– Значит, мое прошлое тебя не беспокоит? Клер удивленно округлила глаза.

– Конечно, нет. С чего бы?

– Ты очень близка к тому, чтобы называться пацифисткой, сахарок. Я думал, что насилие, которое присутствовало в моем прошлом, может тебя от меня оттолкнуть.

– Ты же не бывший гангстер. Ты делал то, что должен был делать, ты же воин.

– Но ты так переживала, когда столкнулась с неопровержимым доказательством того, кем на самом деле был Лестер.

– Он был наемным убийцей, а не солдатом. А это не одно и то же. Кроме того, ты помог мне как-то смириться с тем, что у него была другая жизнь.

– Тогда почему ты не хочешь выходить за меня?

– Потому что ты меня не любишь.

Клер знала, что это правда – Бретт ее не любит. Наверное, для кого-то это не так важно, но не для нее. Она больше не могла лгать себе. Она хотела бы выйти за Бретта, она не могла представить ничего более желанного, чем провести остаток жизни с этим мужчиной, только она не могла прожить свою жизнь, постоянно осознавая то, что замужем за мужчиной, который любит мертвую женщину.

– Ты ведь все еще любишь Елену.

– Елены больше нет.

– Нет в живых, но она живет в твоём сердце.

– Нам хорошо вместе, Клер.

– Этого мало.

– Возможно, ты носишь моего ребенка.

– А возможно, и нет.

– Я не уверен, что для меня это так важно. Я устал от одиночества, Клер. Ты можешь это понять?

– Да. – Она даже слишком хорошо это понимала.

– Тыходишь мне, как никто другой, и я хочу тебя так, что чертям в аду жарко.

– Это всего лишь похоть.

– Кто знает?

– Ты не можешь прожить всю жизнь с человеком, к которому испытываешь только вожделение, – упрямо повторяла Клер.

– Ерунда. У нас больше шансов на сохранение брака, чем у тех, кто любит друг друга, но спать предпочитает порознь.

Возьми и спроси у Лиз. Ее первый брак был из серии тех, когда людям всюду хорошо вместе, кроме спальни. Но как только ее муж проникся страстью к другой женщине, он ушел из семьи.

– Это ужасно.

– Такова жизнь. Мы друзья. У нас много общего. Клер рассмеялась над этими его словами.

– Ладно, пусть мы не похожи на двух клонов, но зато нам не скучно вместе.

– Не дай Бог тебе познать скуку.

– Если в моей жизни будешь ты, то скука мне не грозит.

– Ты знаешь, я встретила одного мужчину на свадьбе Джозетты.

Бретт нахмурился, и вдруг его перекосило от ярости.

– Кого? Я не помню, чтобы ты там с кем-то знакомилась.

– Да. Встретила. Он был закоренелым холостяком и как от огня бежал от брака. Вначале он поцеловал меня так, что я едва не потеряла рассудок, а потом сообщил, что я не могу рассчитывать на серьезные отношения с ним.

Пусть не сразу, но Бретт понял, о ком говорит Клер.

– Ты знаешь, почему я это сказал.

– Да. Ты любил Елену и никогда не полюбишь другую женщину так, как любил ее. Но почему-то ты решил, что, когда дело касается меня, нас с тобой, это больше не важно.

– Не надо преподносить это так, словно я пренебрежительно к тебе отношусь. Я буду тебе хорошим мужем.

– И хорошим отцом.

– И мои родные так считают. – Во взгляде Бретта было столько тоски, что у Клер сжалось сердце.

Любовь к нему душила ее. Да, сказки не врут – любовь существует. Клер так хотела, чтобы желания Бретта осуществились. Он будет прекрасным отцом и завидным мужем, если не считать того, что он ее не любит.

Да и самой Клер был нужен Бретт. Она не могла отрицать очевидного. Но как быть, если он однажды проснется и возненавидит ее за сделанный когда-то выбор? Что, если она нарожает ему детей, а он захочет уйти? От этой мысли сердце Клер болезненно сжалось.

Отец ушел от них навсегда, невозвратно. Бретт так не поступит. Он не слабак. И Клер не была такой, как ее мать, но любовь к Бретту делала ее гораздо ранимее, чем ей того хотелось. Бретт мог причинить ей боль. Брак с ним мог причинить ей боль. Сильную боль.

Бретт не предлагал ей открытый брак, удобный для обоих партнеров. Нет, он вообще не предлагал ей «брак по расчету». Он сказал, что она нужна ему. И дело было не в забытом кондоме или в сексе, если не считать того, что Бретт хотел, чтобы секс между ними продолжался. Она ему нравилась, он заботливо к ней относился как друг. Он хотел быть Клер...

Но ее потребность в нем была подобна живому источнику. Однако их брак все равно стал бы неравным. Поэтому... Она будет его любовницей, но возлюбленной – никогда. От

любовницы уйти легче, чем от возлюбленной.

Бретт оказался рядом. Он взял ее за плечи. Нежно, но твердо.

– В чем дело, сахарок?

– Ничего нового.

– Так скажи мне, в чем старое дело.

– Не могу.

– Почему?

– Мне будет слишком больно, – честно призналась Клер.

– Ты в этом уверена?

– Да.

– Ты уверена, что это не из-за того, что я – солдат?

– Нет. – Клер кусала губы. – Я восхищаюсь тобой, Бретт, больше, чем ты представляешь. Я... Мне нравится в тебе все.

Очень.

– Тогда выходи за меня.

Она медленно покачала головой. Она была вся во власти эмоций.

– Я не могу!

– Почему ты не можешь? – Он повернул ее к себе лицом, выражение его лица было таким трогательно-нежным, что у нее заныло в груди. – Объясни мне, родная. Пожалуйста.

Горячие слезы полились по ее щекам.

– Я люблю тебя, Бретт.

– Тогда будь моей женой.

– Но ты-то меня не любишь. Моя любовь будет к тебе рас-

ти, а ты станешь уставать от меня. Вскоре я тебе надоем, и ты найдешь другую и уйдешь к ней. Тогда мне будет очень больно...

– Итак, ты отказываешься от шанса быть счастливой, потому что боишься, что я в один прекрасный день тебя брошу?

– Что удержит тебя рядом со мной?

– Ты, – с ожесточением сказал Бретт. – Ты и я. Я умею держать слово, Клер. Я не нарушу тех обещаний, что дам тебе в день свадьбы. Я – не твой отец, – сказал он, давая ей понять, что знает все ее страхи.

Сердце Клер хотело надеяться, но разум, усвоивший горькие уроки прошлого, подсказывал, что и ее отец, вероятно, давал те же обещания матери. В Клер боролись столь противоречивые чувства, что она почти физически ощущала, что разрывается.

– Я больше не хочу об этом говорить.

– Отлично. Мы не будем разговаривать. – С этими словами Бретт приник к ее губам.

Он целовал ее до тех пор, пока Клер не обмякла в его руках, потом оторвался от ее губ и посмотрел ей в глаза.

– Не думаю, что это хорошая мысль, – прошептала Клер.

Он взял в ладони ее лицо. В его взгляде было нечто большее, чем просто страсть.

– Хватит разговоров, сахарок. Нам хорошо вместе – и это ответ на все вопросы.

Клер не смогла устоять против синего пламени его взгляда и поцеловала Бретта со всей страстью. Пусть наслаждение заглушит голос рассудка. Пусть в душе наступит мир, хотя бы на время.

Они только-только успели к ужину. Бретт был в костюме, а Клер надела ту самую юбку и белый джемпер без рукавов, которые купил ей Бретт в Линкольн-Сити. Она мысленно поблагодарила его за это полезное приобретение, когда увидела, в каких нарядах сидели за столом сестра и мама Бретта. Клер с удивлением отметила в себе проснувшийся интерес к нарядам. Ведь сколько себя помнила, она была равнодушной к моде. И как ни странно, Клер не почувствовала досады из-за того, что поддается «девчачьим глупостям».

Вечер выдался на редкость приятным. Беседа текла непринужденно. И еще Клер неожиданно для себя без всякого нажима со стороны женской половины семьи Адамс пообещала маме и сестре Бретта, что поедет с ними за покупками в Саванну.

Бретт весь вечер вел себя так, словно всем, включая Клер, хотел показать, что она для него что-то значит. Что он видит в ней не просто предмет вождления, досадным следствием которого стал забытый кондом, повлекший за собой предложение руки и сердца.

Клер пыталась противостоять иллюзиям, рожденным обходительностью Бретта, но к тому времени, как он явился к ней в комнату поздно ночью, она уже почти верила в то, что

действительно стала для него чем-то большим, чем просто любовницей.

Клер не впервой было чувствовать себя кому-то нужной, но еще никто никогда не делал ее центральной фигурой своей жизни, как делал это Бретт.

Он не торопился ее отпустить, они лежали, тесно прижавшись, и Бретт смахивал с ее щек слезы, к которым Клер уже начала привыкать.

– Что такое, сахарок?

– Мы так красиво любим друг друга.

– Да, это верно.

– Но все это не на самом деле. Все это иллюзия, – сказала Клер, чтобы напомнить об этом не столько ему, сколько себе.

– И что тут иллюзорного?

– Это просто секс. Это не любовь.

– Ты любишь меня.

– Но ты не любишь меня.

– И ты думаешь, что от этого страсть становится меньше?

– А разве нет?

– Не забивай себе голову. Это все по-настоящему. То, что мы чувствуем вместе, настоящее. – Это... – он обнял Клер и снова с силой вошел в нее, – это не иллюзия.

– Но...

– К черту! – Он брал ее сильными, уверенными толчками, и наслаждение, резкое, пронизывающее, охватывало ее всякий раз, как он входил в нее. – Елена сказала, что любит

меня, но она отказалась уехать из своей страны, хотя и знала, что находится в смертельной опасности. Она умерла за безнадежно проигранное дело, но она отказалась жить для меня. То, что имеем мы, лучше, чем такая любовь. Разве ты не понимаешь? У нас все честно и все взаимно.

Бретт ускорил темп, вознося Клер к тем вершинам, где уже нет места рациональному мышлению. Но одна мысль все же устояла, не хотела уходить. Если он верил, что то, что было у них, лучше любви, так может быть... возможно... он любил ее, но не хотел произносить заветное слово.

Возможно, ему была невыносима сама мысль о том, что он нарушит обещание, данное погибшей невесте. Или... признание в любви сделало бы его слишком ранимым?

Наслаждение закрутило Клер, подбросило, и в тот момент, когда она достигла вершины, слова сами выплеснулись из нее:

– Я люблю тебя, Бретт! Я так тебя люблю.

– Ты такая красивая. Ты для меня – само совершенство, – хрипло прошептал он и тоже кончил. Потом он уже ничего не говорил, но крепко держал ее в объятиях, пока Клер не уснула.

Когда она проснулась, Бретта уже не было с ней, но она не могла забыть того, что он сказал.

Возможно ли, чтобы Гамильтон Бретт Адамс полюбил Клер Шарп? При мысли об этом Клер захлестывала радость, но страх оказаться у разбитого корыта не позволял слишком

надеяться на такую возможность.

Спустившись к завтраку, Клер увидела, что в доме целая компания гостей. Вулф, Лиз, Нитро и Джозетта сидели за столом с родственниками Бретта.

Джозетта при виде Клер вскочила из-за стола и помчалась обниматься с подругой.

– Клер! Я так рада тебя видеть. Говорят, за эти две недели у тебя много чего произошло.

– Ну, в общем, да. А вы-то оба что тут делаете? Я думала, вы еще несколько дней пробудете на отдыхе.

– Мы не могли пропустить день рождения миссис Адамс, – сказал Нитро, и Фелиция с серьезным видом кивнула, словно ничего иного и не ожидала.

Клер с удивлением отметила, что родители Бретта относятся к Вулфу и Нитро, и соответственно к их женам тоже, как к добрым друзьям семьи. Никто из Адамсов не видел ничего странного, а уж тем более зазорного для себя в том, чтобы запросто принимать в гостях бывших контрактников. Впрочем, Бретт и сам был из их числа.

После завтрака Бретт собрал своих гостей в небольшой комнате. Нужно было поговорить о деле.

– Вы нашли какие-нибудь соответствия между именами в дневнике Арвана и теми, с кем Лестер встречался за последний месяц? – спросил Нитро.

– Да, но прямых связей нет, есть только косвенные. Некоторые посетители имеют те же фамилии, что и люди в днев-

нике Арвана, как из числа убитых, так и из числа тех, кто давал ему работу. Однако, чтобы можно было с уверенностью утверждать, что кто-то из этих людей замешан в убийстве Лестера и нападении на Клер, надо серьезно покопаться. Мы также хотели узнать, нет ли иных, менее очевидных связей между фамилиями в дневнике и в списке, но тогда копать придется еще глубже. Однако есть хорошие новости – у нас появился помощник.

– Кто? – спросила Джозетта.

– Племянник Лестера. Он приезжал на похороны, и мы с ним встречались, – сказала Клер.

– А ему можно доверять? – спросил Вулф.

– Я его проверил. – Бретт протянул папку Вулфу. – Он работает на правительство, никаких подозрительных моментов в его биографии замечено не было.

– Что тебе говорит чутье?

– Никогда никому не доверяй, пока тот, другой, сам не докажет, что ему можно доверять, – без колебаний сказал Бретт.

– Именно, – кивнул Нитро.

– Значит, никто из вас не может мне доверять, потому что вы не проверили меня в деле, – запальчиво сказала Клер.

– Напротив, – возразил Бретт. – Ты могла бы сдать Джозетту с головой журналистам после того, как подложили бомбу на тренировочную военную базу, но ты вместо этого ее защищала. У тебя хватало своих проблем и без Куини, но ты

настояла на том, чтобы помочь ей. У тебя не слишком много друзей, но те, кто есть, вполне могут на тебя положиться.

Лиз улыбнулась и погладила свой круглый животик.

– Я обычно применяю исследовательские таланты при написании книг, но если вы укажете направление поиска, я могу помочь найти связь между двумя списками.

Клер знала, что Лиз должна родить уже через несколько недель. Она с трудом верила в то, что беременная женщина прилетела с мужем, чтобы помочь в расследовании.

– Ребята – вы просто класс!

И они делом доказали, какие они классные ребята. Несколько часов кряду каждый из них делал все, что мог, для выполнения общей задачи. Они работали до самого обеда. А после него Вулф настоял, чтобы Лиз немного поспала.

Лиз недовольно пробурчала, что совсем не хочет спать, но выглядела она уставшей. Ей ничего не оставалось, как отправиться отдыхать.

Потом до вечера все еще какое-то время занимались списками, и когда дело немного сдвинулось, Бретт предложил оставить все до завтра.

– Скоро ужин. Пойдем к тебе в комнату наряжаться, – предложила Джозетта Клер.

– Пойдем, – согласилась Клер.

Обе девушки уже успели принять душ и надеть платья, когда в дверь постучали. Вошла Элеонора, безупречно одетая и причесанная. В руках у нее была большая коробка с

косметикой.

Элеонора улыбалась, и глаза ее светились от радостного возбуждения.

– Я, кажется, знаю, что надо сделать с волосами Клер. И еще я хотела оценить степень вашей готовности.

Волосы Клер были еще влажными.

– Как видишь, до готовности далеко.

– Мне нравятся твои натуральные кудряшки, но их надо немного приручить. Я думаю, тебе надо втереть в них немного специального средства и просто дать высохнуть, не укладывая. Уверяю тебя, ты останешься довольна результатом.

– А что за средство?

– Легкий гель. Когда волосы высохнут, они будут блестеть, но не будут жесткими.

– Вы считаете, мне это нужно? – с сомнением «-просила Клер.

Волосы у нее были очень кудрявые и торчали дыбом, словно она только что сунула пальцы в розетку.

– Надо подчеркнуть естественность завитков, а это совсем не то же самое, что сделать себе перманент.

– Ну, если ты так считаешь...

– Готова рискнуть?

– Определенно. – Клер присела на край кровати, позволив Элеоноре втирать в свои волосы все, что она сочтет нужным.

– Ну, пусть себе сохнут, а мы пока займемся макияжем. Глаза Джозетты радостно заблестели, и следующие сорок

пять минут пролетели как одно мгновение.

Бывшая военнослужащая засыпала Элеонору вопросами о содержимом многочисленных тубиков и баночек. Несколько средств были испробованы на месте.

Когда дошло дело до макияжа, Элеонора сказала Клер, что ей нужно подчеркнуть естественность. Клер не очень хорошо понимала, что это значит, но слово «естественный» ей понравилось. Ей не хотелось выходить к ужину размалеванной, как кукла.

Когда Клер посмотрела на себя в зеркало, она поразилась, насколько женственно выглядел теперь ее нимб из рыжих кудряшек вокруг головы. Прическа смотрелась вполне естественно, и в то же время... не совсем. А карие глаза казались темнее и загадочнее, подчеркнутые еле заметными тенями и подводкой.

– Вау! – прошептала Клер.

Элеонора подошла к ней со спины и тоже заглянула в зеркало.

– Мой братец останется доволен. Джозетта засмеялась.

– Я думаю, ты права.

Элеонора с улыбкой повернулась к Джозетте:

– А твой муж просто подхватит тебя и унесет в спальню.

Джозетта покрутилась возле зеркала, и пышная юбка хлестнула ее по загорелым ногам.

– Пусть он меня сначала поймает, а это не так просто сделать.

Глава 21

У Хотвайера перехватило дыхание, когда Клер вошла в зал. Справа от нее была Джозетта, слева – Элеонора, но последних двух Хотвайер видел смутно, все его внимание было приковано к той единственной женщине, которая стала для него как наркотик для наркомана. Видит Бог, она была красивой.

Ему нравились ее волосы, они выглядели более естественно, чем тогда, на свадьбе, а что касается косметики – если она и была, то Хотвайер ее не замечал. Ему это нравилось: Клер не нуждалась в усовершенствовании.

Она сама по себе была потрясающей.

Тело ее сексуально облегалось то самое платье, что было на ней на свадьбе Джозетты, на ногах – высоченные шпильки. Она шла медленно, соблазнительно покачивая бедрами. Взгляды многих мужчин были прикованы к ней, но Клер видела только его, Хотвайера. И этот ее взгляд, устремленный на него одного, вызывал у него желание схватить ее на руки и отнести назад: наверх, в спальню. В глазах Клер было столько нежности и столько восхищения тем, что она видела.

Она сказала ему, что любит, и он начинал верить в то, что так оно и есть.

Вначале Хотвайер подумал, что Клер мешает понятия и принимает за любовь любовный экстаз. Потому что если бы

она его действительно любила, не отказывалась бы выйти за него.

Но может, она действительно полюбила его? Может, она действительно смертельно боялась того, что однажды он может потерять к ней интерес и уйти? Этот страх можно было понять, принимая во внимание то, что сделали с Клер родители. Как объяснить ей, что с ним этого не произойдет? Каждый раз, занимаясь с ней любовью, Хотвайер хотел ее еще больше, а не меньше. И желание это не сводилось лишь к желанию обладать ею.

Он хотел ее внимания, ее заботы, ее присутствия. Он уже говорил Клер: это было бы лучше любви.

Хотвайер почувствовал толчок под ребра и с недовольным видом оглянулся на Вулфа:

– Ты что, спятил?

– Лиз уже третий раз тебя спрашивает, планируете ли вы с Клер встречаться после завершения расследования. Но, кажется, я уже знаю твой ответ.

Нитро хитро ухмылялся. Хотвайер пожал плечами.

– Можно сказать и так. Я сделал Клер предложение.

У обоих друзей Хотвайера рты синхронно открылись и закрылись. Никто так и не смог издать ни звука.

– Что... что ты сделал? – придя в себя, переспросил Вулф. Одной рукой он обнимал беременную жену.

Хотвайер закатил глаза. Разве он не сказал это достаточно внятно?

– Я попросил ее выйти за меня замуж.

– А ты, оказывается, быстрый парень, – сказал Нитро. – Я прекрасно помню, как ты утверждал, будто вы с Клер всего лишь друзья.

– Я ошибался.

– Ты, часом, не заболел?

– В моем влечении к Клер нет ничего болезненного.

– Конечно, нет, но... – Нитро замолчал и поморщился. – Но, Хотвайер, я сегодня впервые услышал, что ты признал свою неправоту. Это надо отметить.

– Можно представить, вы ведете учет всему, что я говорю.

Вулф засмеялся, но Нитро покачал головой. К этому времени женщины подошли к ним, и Хотвайер забыл о друзьях и о том, как они отреагировали на его слова. Клер стояла прямо перед ним. Он мог дотянуться до ее нежной, шелковистой кожи, и тонкий аромат, присущий только ей, щекотал ему ноздри.

– Привет, – сказал он несколько нервно.

– Привет, – ответила она и быстро чмокнула его в щеку. Хотвайер не удержался и, хотя и знал, что потом получит нагоняй от мамы за такое вызывающее поведение, обнял ее и, не отпуская, шепнул на ухо:

– Ты такая красивая, что я готов тобой завтракать, обедать и ужинать.

Клер мгновенно порозовела от смущения.

– Бретт!

– Не волнуйся, сахарок. Друзья поймут нас. Клер скосила глаза на Нитро и Джози.

Джози положила руку на предплечье Нитро, а он посмотрел на нее с нежностью и сказал:

– Ты такая красивая, родная.

Хотвайер узнал этот тон. Этот голос, вне зависимости от произносимых слов, говорил: «Я хочу утащить тебя отсюда, раздеть донага и...»

Джози купалась во внимании мужа. В ней трудно было узнать бывшую суровую военную служащую.

– Спасибо, дорогой. Потанцуем? – Джози обернулась к остальной группе и сообщила: – Он научил меня танцевать во время медового месяца.

Чувствовалось, что она очень собой гордится.

Нитро не стал ждать дальнейшего поощрения, он просто повел жену в центр зала, на танцевальную площадку, и обнял ее, не особенно заботясь о том, выглядят ли эти объятия как танцевальная фигура или по-другому. Не надо было приглашать ученого ракетчика, чтобы определить, какие танцы лучше всего получались у этой пары.

– А ты, Лизи? Ты не хочешь потанцевать?

– Может, разок, – с улыбкой согласилась Лиз, но, вместо того чтобы пойти танцевать, обратилась к Хотвайеру: – Я получила огромное удовольствие от общения с твоими родителями. Твой отец знает столько интересных историй.

Вулф рассмеялся.

– Осторожно, Бретт, а то все кончится тем, что он узнает себя в одной из ее книжек.

Хотвайер подмигнул Лизи.

– Не переживай, дорогая. Мой отец не будет иметь ничего против такой известности.

Вулф скривился при этом протяжном «дорогая», а Лизи сказала:

– Он так похож на тебя, что, мне кажется, я уже хорошо его знаю.

– Иллюзия сходства исчезает, когда мы открываем рты, – мрачно усмехнулся Хотвайер.

– Ты так считаешь? А я с тобой не согласна. Разговаривая с Лорен, я ловила себя на мысли, что это я уже слышала несколько раз – от тебя, – заметила Лиз.

– Я знаю, что ты имеешь в виду, – сказала Клер, обернувшись к Лиз. – Если бы не разница в возрасте, их можно было бы принять за близнецов.

Хотвайер покачал головой.

Вулф повел Лизи на танцевальную площадку, не дав ей ответить.

Хотвайер вновь повернул Клер к себе лицом. У него голова кружилась от близости Клер, он просто пожирал ее взглядом.

Но Клер на него не смотрела. Ее внимание привлекло что-то в дальнем конце зала. Его родители?

– Ты хочешь пойти поздравить маму с Днем рождения?

– Нет. То есть да, конечно, но не сейчас. Мне нужно с тобой кое о чем поговорить. – Клер продолжала смотреть на родителей Бретта.

– Ты сегодня исключительно выглядишь.

Он знал, чем ее отвлечь. Клер улыбнулась, но как-то рассеянно.

– Мне кажется, ты уже говорил мне, что тебе нравится, как сидит на мне это платье. Это было на свадьбе Джозетты.

– Поэтому ты его надела? Для меня?

– А ты как думаешь? – низко, с придыханием спросила Клер.

– Не знаю, доживу ли я до конца сегодняшнего вечера. Я уже сейчас хочу с тобой уединиться.

Клер похлопала его по груди, видимо желая успокоить, но эффект получился прямо противоположный.

– Тебе хватило сил выдержать засаду в джунглях. А сейчас все, что от тебя требуется, всего лишь на несколько часов усмирить свою похоть.

– Ты уверена, что у меня получится?

– Абсолютно. А если труды лишат тебя сил, я знаю, как их восстановить.

– Не доводи меня до грани, женщина.

Клер засмеялась, и ее смех подействовал на Бретта как мощный афродизиак. Однако Клер вдруг снова стала серьезной.

– То, что говорила Лизи, напомнило мне кое о чем, что я

считаю важным.

– Ты о деле Лестера?

– Да.

– Что же это?

– За пару дней до того, как умер Лестер, в Бельмонт-Мэнор приезжала группа политиков. То были члены комиссии, отвечающей за состояние дел с социальным обеспечением пожилых людей в штате Орегон.

– И что с того?

– Ну вот, Лестер отвел в сторону одного из этих политиков и стал с ним разговаривать. Он называл его чужим именем и выглядел полным дураком, если верить Куини. Пришлось даже пригласить врача, и тот буквально оттащил Лестера от гостя и отвел старика в его комнату. Это было странно, потому что Лестер вообще-то неохотно общался даже с теми, кого знал, а с незнакомцами и подавно.

– Но он вел себя так, словно знал того парня?

– Да. Это и взволновало Куини. Она сказала, что тот политик ничего о Лестере не знал и никогда с ним не встречался. И не только это. Тому политику было от силы лет сорок, а Лестер говорил с ним, будто он был его клиентом с тех времен, когда Лестер еще был Арваном. Куини была уверена, что это явный признак того, что Лестер окончательно теряет рассудок.

– А ты так не считаешь? – Хотвайер в этом случае готов был полностью согласиться с Куини.

– Нет. Подумай об этом, Бретт. Если бы кто-то, кто знал твоего отца в молодости, но ни разу не встречался с ним с тех пор, случайно увидел тебя, он бы вначале точно принял тебя за него. Рассудок часто играет с людьми подобные шутки. Вот и Лестер мог так же обознаться. И именно потому, что разум у него помутился, он не сообразил, что человеку из его прошлого не может быть сорок лет.

– Но, по нашим сведениям, никто из тех политиков не имеет отношения к лицам, указанным в дневнике Арвана.

– Нет. Но ты сам говорил, что у одного из тех политиков такая же фамилия, как у клиента Арвана, которому он, кстати, отказал. Запись эта относится к концу восьмидесятых, незадолго до того времени, как Лестер оставил свое ремесло. Я не знаю, каким образом тот человек вошел с ним в контакт, но Арван отказался выполнять для него работу.

Хотвайер выругался. Он понял, о каком человеке говорила Клер.

– Ты права. Мы не стали дальше копать в том направлении, потому что решили, что этот след не наведет нас на преступника.

– Потому что Арван отказался на него работать?

– Но в дневник он заносил все заказы, и даже если бы тот политик ничего о дневнике не знал, он увидел в Лестере угрозу, потому что последний помнил его отца и у него бы хватило ума рассказать кое-что нежелательное заинтересованному лицу.

Клер разом погрузилась.

– Выходит, Лестер подписал себе приговор, потому что бездумно поприветствовал человека из своего прошлого.

– Мало кому было бы приятно, если б наружу вылез тот факт, что его отец нанимал киллера. Но если речь идет об отце политика, то такое разоблачение делает его вдвойне уязвимым. Черт, ты даже из-за моей сестры переживала, как бы ей не навредили факты твоей биографии.

– Именно. А что, если его отец не остановился на Арване и довел дело до конца?

– Ты о фермере, который мешал развернуться строительной компании в маленьком городке восточного Орегона? К Арвану обратились, чтобы он убрал упрямого фермера.

– Тот городок нынче совсем не такой маленький, и, я думаю, строительная компания, о которой идет речь, имеет к этому факту прямое отношение. Политик из штата Орегон, вполне вероятно, построил свою политическую карьеру, базируясь на успешном проекте отца по развитию города.

– Это всего лишь наши предположения.

– Но проверить, насколько они верны, не составит труда.

– Возможно. Но с этим придется подождать до конца праздника. – Бретт не мог позволить себе исчезнуть с праздника прямо сейчас – семья ему этого не простит, а политик все равно никуда не денется. – А теперь, сахарок, я хочу потанцевать.

– Я не умею.

– Просто держись за меня и качайся под музыку.

– Можно попробовать.

И Клер попробовала. И у нее получалось даже красиво. Обнимая ее, Хотвайер сильно рисковал, ибо искушение могло оказаться сильнее благих намерений, и ему потребовалось собрать всю волю в кулак, чтобы оторваться от нее, когда заиграли быстрый танец.

Потребовался всего час, чтобы проверить подозрения Клер, и они оправдались.

Тот самый фермер, как оказалось, умер от сердечного приступа, хотя до этого никогда не страдал сердцем. Хозяин строительной компании стал чем-то вроде отца-основателя города, и когда его сын выбрал политическое поприще, никого это не удивило. Кроме того, у него были серьезные стремления занять губернаторский пост. Так что для человека не слишком совестливого возникала серьезная мотивация, чтобы убрать Лестера или кого другого, кто мог бы случайным вздохом опрокинуть карточный домик, построенный отцом. Оставался один вопрос: действительно ли у того политика не было совести и он устранил фермера?

Но у Хотвайера был еще один подозреваемый – директор агентства из Вашингтона. Если верить Этану, у того тоже были серьезные проблемы с совестью.

Хотвайер закрыл ноутбук.

– Ну вот, теперь все.

– Этот парень – самый серьезный след, – сказал Вулф. Ли-

зи дремала у него на коленях.

– Я хочу поговорить с федералами прежде, чем мы пойдем по его следу.

– Я все еще считаю, что тот директор может иметь отношение к нападению на Клер, – сказал Нитро, озвучив мысли Хотвайера.

– Я получил голосовое сообщение от Этана. Он сказал, что Раймонд Артур готов встретиться с нами в Вашингтоне, – сказал Хотвайер.

– Когда? – спросила Клер.

– Завтра.

Клер тут же сникла.

– Я обещала твоей маме и сестре поехать с ними за покупками. Придется перед ними извиниться.

– Тебе со мной ехать незачем. На самом деле я бы предпочел, чтобы ты осталась здесь и прогулялась с мамой и Элеонорой по магазинам.

– Почему?

– Здесь ты будешь в безопасности. Не хочу вести тебя ко льву в пасть, пока не удостоверюсь, что он не голоден.

– Правильно, – одобрительно заметил Нитро.

– А почему бы мне не поехать за покупками с Клер и всеми прочими? – предложила Джози. – Я могла бы поработать ее телохранителем, пока вы будете в Вашингтоне.

– Почему Вулф, Лизи и Нитро могут поехать, а я нет? – спросила Клер.

– Я сказал тебе, что ты мне нужна живая и здоровая, – сообщил Хотвайер.

– Лиз тоже никуда не полетит, – тут же добавил Вулф. Лиз округлила глаза и мстительно прищурилась, но спорить с мужем не стала.

Клер нахмурилась.

– Я буду скучать, – сказала она, однако лицо ее тут же прояснилось. – А вообще, честно говоря, я с удовольствием помотаюсь по магазинам, я уверена что завтра будет весело. Сегодня перед вечеринкой мы отлично провели время с Джози и Элеонорой.

Хотвайер усадил Клер к себе на колени.

– Я рад, что вы с Элеонорой поладили, сахарок. – И еще он был рад тому, что она будет по нему скучать.

– Вечеринка продолжается? Потому что если вы тут дальше намерены развлекаться, я пойду уложу Лизи в кровать.

– Кровать – очень верное слово, – сказал Нитро с убийственно серьезным видом, и все рассмеялись.

– Хочешь сказать, что и мне следует отправиться туда же? – спросила Джози с кокетливой улыбкой, которая потрясла Хотвайера.

С этой женщиной они ползли по грязи в джунглях, вооруженные до зубов и злые как черти, а сейчас она была совсем другой. Перед Хотвайером была сама женственность, соблазнительная и сексуальная. Джози нравилось поддразнивать мужчину, за которым она была замужем.

Хотвайер с трудом сдержал ухмылку.

Нитро легко поднял жену на руки и понес прочь. Джози счастливо засмеялась.

Вулф последовал примеру Нитро. Лизи пыталась вразумить его, говорила, что она слишком тяжелая, но Вулф ее не слушал.

Теперь, когда Клер и Хотвайер остались вдвоем, Клер, согревая и искушая его лучистым взглядом карих глаз, спросила:

– Ты тоже собираешься вынести меня из комнаты на руках?

– Все зависит от того, куда я тебя понесу.

– А куда тебе хочется меня унести?

– Куда? Ты разве не знаешь? Клер захлопала ресницами.

– В кровать?

– Ты произнесла магическое слово! – Хотвайер поднялся, подхватил Клер на руки и понес ее в спальню.

Хотвайер, Вулф и Нитро с утра отправились в Вашингтон. Лизи осталась работать над книгой, а Джози, верная своему обещанию, поехала с Клер, Элеонорой и Фелицией за покупками.

Хотвайер не удивился тому, что Вулф сумел настоять на своем. Он уже видел, как Вулф умеет управляться с женой накануне днем, когда без лишних усилий уговорил Лизи прилечь отдохнуть. Хотвайер принял к сведению технику, которой успел овладеть Вулф в браке, и решил, что ему

доставит удовольствие испытать те же методы на Клер.

Может, стоит купить ей тест на беременность и настоять на том, чтобы она его прошла? Некоторые тесты с высокой точностью определяют беременность уже спустя несколько часов после зачатия. Хотвайер представил себе Клер с округлившимся животом и испытал странную смесь возбуждения и душевного подъема.

Господи, вот будет приятно!

Они прилетели в небольшой аэропорт за городом и на арендованной машине направились из аэропорта прямо в парк, где должны были встретиться с Этаном.

Он ждал их у фонтана. Трое его помощников также были с ним. Тот, что стоял посредине, с седыми волосами и серыми глазами, мог бы одним взглядом превратить водопад в глыбу льда – Раймонд Артур. Двое других были теми самыми агентами, что крутились на похоронах Лестера. Хотвайер по достоинству оценил возможности Этана, который смог собрать всех троих и заставил их прийти на встречу. Несомненно, у Этана были серьезные связи в Вашингтоне.

– Здравствуйте, Хотвайер, – сказал Этан, протягивая руку. – Рад видеть вас вновь.

Хотвайер пожал протянутую руку.

– Клер шлет вам привет.

Этан едва заметно улыбнулся.

– Уверен, что вам дорогого стоило передать этот привет мне.

– Я не так плох, как вы думаете.

Справа послышался сдерживаемый смешок. Хотвайер взглянул на Вулфа. Вид у него был подозрительно невинный. Как бы там ни было, начались взаимные представления.

Раймонд Артур хмуро посмотрел на Хотвайера и нетерпеливо заявил:

– У вас есть кое-что, что принадлежит нам. Хотвайер скрестил руки на груди.

– Да?

Раймонда Артура вся эта ситуация раздражала, но он этого и не скрывал.

– Давайте перестанем играть в игры. У вас есть дневник киллера, и он нам нужен.

– Сожалею, потому что мы вам его не отдадим. Раймонд обернулся к Этану:

– Что за черт? Вы сказали, что они готовы сотрудничать.

Этан пожал плечами.

– Возможно, Хотвайер вкладывает иной смысл в слово «сотрудничать», а может, он передумал, когда увидел вас воочию и ощутил на себе ваш непередаваемый шарм.

– Дерьмо.

У Этана был скучающий вид. Раймонд вновь обратился к Хотвайеру:

– Что вы хотите в обмен на дневник?

– Я же сказал: я не собираюсь отдавать вам дневник ни при каких условиях. Этан – дело другое, но к вам это не имеет

никакого отношения.

– Тогда какого черта я здесь делаю?

– рассчитываю получить от вас кое-какую информацию.

Выражение лица директора не обещало ничего хорошего, но Хотвайера это не смущало.

– На Клер Шарп дважды было совершено нападение. Я хочу знать, имеете ли вы к этому отношение? Вы или ваши люди.

– Мои люди тут ни при чем. Я читал их отчеты, и, хотя они обыскали ее дом и номер в отеле, на нее никто не нападал, – сказал Этан.

– И даже четыре дня назад в колледже после последнего экзамена? – не унимался Хотвайер.

Этан словно не замечал мрачных взглядов, что бросал на него Раймонд.

– Нет, если только они не сочли нужным оставить этот факт без внимания и не стали отражать его в отчете.

Хотвайер обратился к агентам:

– Кто-нибудь из вас вел за ней наблюдение в то время, как было совершено нападение?

Один из агентов кивнул.

– Вы видели, кто вошел за ней в туалет? Агенту явно было не по себе.

– Нет.

– Почему?

Агент взглянул на своего босса, и тот ответил ему взгля-

дом, полным мрачной ярости. Агент потянул за воротник рубашки и сглотнул.

– Я думал, она сдает тест. Тест должен был продлиться более часа. Я решил перекусить. Когда вернулся, ее уже не было, и ни она, ни вы в тот день в отель не вернулись.

– Она закончила тест раньше времени, – сказал Хотвайер не без гордости. Его Клер была чертовски умна.

– Да? Ну что же, я не знал, что на нее напали в туалете. Хотвайер кивнул и перевел взгляд на Раймонда:

– Отпустите своих людей.

Раймонд кивком отослал всех, а сам остался стоять на месте.

Хотвайер успел отметить, что никто из его собеседников не пользовался тем одеколоном, запах которого запомнила Клер. Но Хотвайер кое-что знал о дорогом парфюме, в котором используются натуральные масла. Запах таких духов не исчезает совсем, он долго держится на одежде, на коже человека, даже если тот ими не пользуется какое-то время. Даже следов этого запаха сейчас не ощущалось. Кроме того, ни один из отпущенных агентов не стал бы покрываться потом от страха, если бы пришлось напасть на женщину, чтобы выудить у нее информацию.

Хотвайер все внимание сосредоточил на Раймонде Артуре.

– Я хочу, чтобы вы оставили Клер и Куини в покое. Раймонд только выругался в ответ. Хотвайер усмехнулся:

– Если ФБР дает мне работу, то на это есть причины. Не стоит вам путаться у меня под ногами.

Нитро и Вулф взирали на Раймонда с равной мерой ледяного презрения, но оба кивнули, соглашаясь со словами Хотвайера.

– Угрожать федеральному чиновнику – преступление, – заметил Раймонд.

– И нанимать убийцу, чтобы убрать того, до кого не может дотянуться ваше агентство, – тоже преступление.

– Вы работаете на правительство в качестве «свободного художника», а не как должностное лицо.

– Но я не убиваю по заказу. Так что почувствуйте разницу. В моем прошлом нет ничего, что могло бы меня запятнать. Мы оба знаем, что вы не можете сказать того же о себе.

– Вы собираетесь опубликовать дневник? – спросил Раймонд без всякого выражения. Играй он в покер, снял бы банк.

– Не сейчас.

– Что это значит?

– Это значит, что я хочу прижать к ногтю того, кто напал на Клер. Если дневник понадобится в качестве улики, я вытащу его на свет.

– Тогда мне больше незачем здесь оставаться.

– Разумеется, но вначале вы дадите мне слово оставить Клер в покое.

– И вы примете мое слово на веру?

На этот раз Вулф громко презрительно фыркнул.

– Нет.

– Тогда зачем брать с меня обещание?

– Потому что тогда между нами будет полное понимание.

Если вы станете меня донимать, я обрушу на вас все, что имею против вас.

– Хорошо, я даю слово, – сказал Раймонд и, развернувшись на каблуках, пошел прочь.

Хотвайер достал из кармана флешку и передал Этану.

– Что там?

– База данных по записям Лестера с перекрестными ссылками на имена тех людей, с которыми ваш дядя встречался в последний месяц жизни.

– И вы вычислили имя того, кто совершил нападение на Клер?

– Да. – Хотвайер вкратце пересказал историю с тем политиком и не забыл про одеколон, которым душился нападавший. – Я хочу, чтобы его взяли.

– Я позабочусь об этом, но, возможно, было бы неплохо подержать Клер вдали от чужих глаз еще какое-то время.

– Я так и сделаю.

– С тем, что вы накопили, я думаю, будет нетрудно набрать достаточно улик и нейтрализовать нападавшего.

– Я тоже так думаю.

– Я позвоню вам, когда мы его арестуем. Хотвайер протянул Этану визитку:

– Тут моя контактная информация в Монтане.

– Вас там можно найти?

– Да. – Он собирался увезти Клер в Монтану и убедить ее выйти за него. Этот вопрос для него стал вопросом первостепенной важности.

В машине, на обратном пути в аэропорт, Нитро вдруг спросил:

– Что там у вас с Клер не срастается?

– Она еще не сказала «да».

– Почему?

– Она говорит, что я хочу жениться на ней не по тем причинам.

– И что это за причины? – спросил Вулф. Хотвайер никогда никому не признался бы в том, что побудило его просить руки Клер, но Вулфу и Нитро он доверял больше, чем себе.

– Я забыл про кондом в первый раз, когда мы занимались сексом.

– Она не принимает таблетки?

– Нет. Последний раз она была с мужчиной в старших классах школы.

– Ты шутишь! – Вулф присвистнул. – Ей же двадцать восемь.

– Ну.

– Получается, у нее не было секса по меньшей мере десять лет?

– Она не считала секс чем-то особенным и была слишком

занята заботой о матери, чтобы интересоваться парнями. А потом, когда мать умерла, наверстывала упущенное с образованием – за три года окончила университетский курс, рассчитанный на четыре года.

– Понятно.

– Итак, тот факт, что ты забыл про презерватив, и то, что ты стал ее первым любовником за десять лет, заставили тебя сделать ей предложение? – спросил Нитро, оставив без комментариев очевидные провалы в сексуальном опыте Клер.

– Я хочу на ней жениться.

– Она об этом знает?

– Конечно! Я сделал ей предложение.

– Но она думает, что ты хочешь жениться только потому, что забыл про кондом?

Хотвайер размышлял над этим все последние дни.

– Полагаю, она знает, что я хочу ее вне зависимости от того, беременная она или нет...

– Подожди, а ты сказал ей, что любишь ее? – спросил Вулф.

Глава 22

– То, что у нас с Клер, – лучше, чем любовь.

– О чем, черт возьми, ты говоришь? Что это – лучше, чем любовь? – в недоумении спросил Нитро.

– Я не могу ее любить.

– Почему? – спросил Нитро.

– Если ты ее не любишь, нечего жениться, – сказал Вулф.

– Я обещал Елене, что никогда не буду любить ни одну женщину так, как любил ее.

Нитро покачал головой.

– Каких только идиотских обещаний мы не даем друг другу в пору первой любви. Я уверен, что ты сказал ей то, что думал в тот момент, но ведь ни ты, ни она не знали, что она умрет первой, а тебе придется всю оставшуюся жизнь провести в одиночестве.

– Я ничего такого не обещал ей, пока она была жива.

– Так о чем ты толкуешь? О клятве у гроба? – спросил Вулф.

– Можно и так сказать.

– Но это же глупо! Чем ты провинился перед ней, чтобы обречь себя на жизнь без любви лишь потому, что она умерла, а ты остался жить?

– Она умерла по моей вине.

– Ерунда, – сказал как отрезал Нитро. – Елена предпочла

остаться в своей стране, сознавая, что подвергает себя смертельной опасности во имя веры в правоту своего дела.

– Я должен был вернуться за ней, но меня отправили на другое задание, и я не успел. Поэтому ее и убили.

– У тебя не было выбора, а у нее он был, – уверенно сказал Вулф. – У нее были связи. Она могла бы выехать из страны гораздо раньше. Но она этого не сделала. Она поставила свое дело выше тебя, а не наоборот.

Клер говорила то же самое. По крайней мере общий смысл был тот же.

Хотвайер вздохнул. Пора было посмотреть правде в глаза. Правде, от которой он старался укрыться все это время, потому что она слишком больно ранила. На первом месте у Елены был долг, а лишь потом он, Хотвайер. И это означало одно – она любила его не так сильно, как он любил ее. Тем более что он умолял ее уехать из страны вместе с ним, несмотря на приказ командования, запретившего ему вывести Елену.

– Но все это не меняет того факта, что я не испытываю к Клер тех чувств, что питал к Елене.

– И в чем разница? – спросил Вулф.

– Во-первых, в том, что касается секса. С Клер я полностью теряю над собой контроль. Я хочу ее постоянно, и я не могу справиться с собой даже тогда, когда мы заняты делом.

– Это неплохо. У меня с Джозеттой то же самое.

– Я и не говорю, что это плохо. Я даже сказал Клер, что

это лучше.

– Опять ты за свое. Что ты имеешь в виду, когда говоришь, что это чувство лучше, чем любовь? – спросил Вулф.

– Лучше, и ты знаешь, о чем я говорю. Когда я с ней, то у меня мир в душе, я в ладу с самим собой, и я не пытаюсь все время доказать, что я достоин ее чувства ко мне. И мне хорошо.

Нитро и Вулф переглянулись со странными выражениями лиц. Нитро спросил:

– Что еще?

– То, что она может носить моего ребенка, страшно меня заводит. Когда я был с Еленой, я хотел всю ее только для себя. Никто из нас не думал заводить детей. По крайней мере в ближайшее время.

– Ты считаешь, что не любишь Клер, потому что хочешь от нее ребенка?

– Не так, как я любил Елену. В том, что я чувствую к Клер, нет ничего эгоистичного. Я хочу, чтобы она была моей, но больше всего я хочу, чтобы она была счастлива.

– И еще... дай-ка угадаю... – сказал Вулф. – Клер не совершенна, но ты и не хочешь, чтобы она стала совершенством, потому что она нравится тебе такая, как есть.

– Да. Откуда ты знаешь?

– Я то же чувствую в отношении Лиз.

– А ты скучаешь по ней уже сейчас, хотя ты виделся с ней всего несколько часов назад и довольно скоро увидишь

вновь? – спросил Нитро.

– Да, черт возьми, – сказал Хотвайер.

Оба друга уставились на него так, словно ждали, что он вот-вот что-то скажет.

– Что? – в конечном итоге спросил у них Хотвайер.

– Так как ты назовешь чувство, которое испытываешь к Клер? – спросил Вулф.

– А у этого чувства должно быть название?

– Может, и не должно, но оно есть, – сказал Нитро.

– И какое же это чувство? Это не просто похоть, потому что я не только хочу ее, она мне в той же мере нравится как человек.

– Ты и в самом деле такой тупой? – нахмурившись, поинтересовался Нитро.

– Нет большего слепца, чем тот, кто не желает видеть, – с ухмылкой сказал Вулф. Хотвайер с удовольствием заехал бы ему по физиономии, но руки были заняты – он вел машину.

– Вы оба начинаете действовать мне на нервы. Я попросил у вас помощи, чтобы вы помогли мне убедить Клер выйти за меня замуж, а вы тут надо мной потешаетесь.

– Почему бы тебе не попытаться сказать ей, что ты ее любишь? – спросил Вулф.

– Я уже говорил...

– Больше, чем ты когда-либо в жизни любил другую женщину, – добавил Нитро, перебивая Хотвайера.

И вдруг Хотвайер в превосходном цветном изображении

увидел свою слепую тупость. Черт, какой же он дубина! Он любил Клер и давно бы мог это понять, если бы не прятался от правды с тем же достойным лучшего применения упорством, что прятался в свое время от горькой правды, составляющей суть их с Еленой отношений. Но осознание собственного идиотизма вместо боли принесло ему огромное облегчение.

– Я по уши влюблен в Клер Шарп! Вулф засмеялся.

– Догадливый ты наш.

– Ну вот, наконец компьютер у тебя в голове нашел верное решение, – сказал Нитро и тепло улыбнулся.

– Черт! Теперь мне придется убедить в этом Клер.

– Долго мучиться не придется. Она тоже тебя любит.

– Она мне об этом говорила, но я сказал ей, что не люблю ее. Не думаю, что в этот раз ее будет так уж легко убедить в обратном.

– Но ты справишься.

В этом Хотвайер теперь не сомневался.

Устав донельзя от походов по магазинам, Клер плюхнулась на диван в гостиной.

– Я не знала, что покупка одежды сродни изнурительному марафону.

Элеонора засмеялась. Она сидела на кушетке напротив.

– Мы с мамой опустошили больше торговых центров, чем ты видела за всю жизнь.

– Нет смысла ехать в Саванну, если ты не планируешь там

потратить время с пользой, – сказала Фелиция.

Джозетта засмеялась.

– Я думаю, нам с Клер повезло уже в том, что вы решили сегодня не опустошать торговые центры.

– Мы с Элеонорой не хотели подвергать риску ваше здоровье. Видно, вы совсем новички в марафоне, называемом шопингом.

Клер засмеялась. Она была в весьма неплохой физической форме, а уж Джозетта и тем более. Только Фелиция оказалась права – их нельзя было назвать корифеями спортивного шопинга.

– Скажу вам так: двадцатимильный марш-бросок через джунгли дался мне легче, чем этот поход по магазинам, – сказала Джозетта.

– Что у вас тут за шум? – поинтересовалась Лизи, появившись в дверях.

Появление Лиз было встречено с большой теплотой.

– Обсуждаем сегодняшний шопинг. А ты на сегодня закончила свои писательские труды? – спросила Клер.

Лиз кивнула и сладко зевнула, прикрыв рот рукой.

– Да уж. Еще минута за клавиатурой, и у меня мозги начнут плавиться.

– Ну что же, ты как раз успела к чаю.

В этот момент молодая женщина, помощница по дому, принесла в гостиную поднос с большим кувшином холодного чая и стаканами. Все взяли по стакану с прохладительным

напитком, и женщина вышла, унеся с собой поднос.

Лиз с блаженным видом потягивала вкусный напиток.

– Мне нравится чай со льдом. Именно такой, как его делают здесь, на юге. Нигде так не умеют его готовить.

– Конечно, – не без самодовольства согласилась Фелиция.

– Да, очень вкусно, но я все же продолжаю надеяться, что мне предложат мятный джулеп⁵, – с улыбкой сказала Джозетта.

– После ужина будет джулеп, если хотите, – сказала Фелиция.

Джозетта улыбнулась, но Элеонора не стала продолжать тему прохладительных и прочих напитков. Она пристально посмотрела на Клер и сказала:

– Чем больше времени я с вами провожу, тем больше укрепляюсь в мысли, что вы с моим братом созданы друг для друга.

– Присоединяюсь, – сказала Фелиция.

– А что до меня, я уже давно так думаю, – заметила Джози.

Клер хмуро взглянула на подругу:

– Тебе ли, Джозетта, не знать, что это не так. Джозетта, конечно, слышала о Елене. И хотя Клер не рассказывала ей подробности о своей семье, но и того, что она ей поведала, хватило, чтобы понять, что Клер никак не вписывается в семейство Адамс.

– А почему? – спросила Лизи и покраснела. – Извините,

⁵ Американский напиток из коньяка или виски с водой, льдом, сахаром и мятой

я вечно сначала скажу что-нибудь, а потом подумаю, стоило ли это говорить.

– Ничего, – сказала Клер. – Вы знаете, что Бретт все еще любит свою погибшую невесту. И еще – мое происхождение не позволяет мне стать членом семьи Бретта.

– Что вы этим хотите сказать? – поинтересовалась Фелиция.

– Мой отец совершил самоубийство, потеряв работу, и мы оказались банкротами.

– Бедная твоя мама, – вздохнула Фелиция.

– Да, она не смогла справиться с ситуацией. Она стала алкоголичкой и умерла от рака печени четыре года назад. У нас было много проблем с полицией, когда я росла. Мама не была из числа тихих пьяниц.

Фелиция покачала головой.

– У тебя было трудное детство, но Бретт едва ли дал тебе повод полагать, что ему есть дело до того, из какой ты семьи.

– Я больше переживаю из-за вас – как вы на это отреагируете. Элеонора работает на выборной должности.

– Ах, пустяки. Вы – живое воплощение американской мечты, Клер. Ты сама себя сделала – смогла подняться над тяжелыми обстоятельствами и построила для себя другую, лучшую жизнь. Лично меня впечатлила твоя история, а кого она не впечатлит, пусть голосуют за конкурентов.

Джозетта засмеялась.

– Мне это нравится. Я всего этого не знала, но зато теперь

понимаю то, что раньше ставило меня в тупик. Только одного я понять не могу: как ты столько лет заботилась о матери и совершенно не научилась готовить?

Клер улыбнулась.

– Хочешь верь, хочешь нет, но мама была адептом вегетарианства, причем в самой жесткой форме – ела в основном сырые овощи и фрукты. Мы никогда не готовили мясо. Варили лишь рис и картофель. Я не знаю, как она для себя оправдывала употребление алкоголя, да еще в таких дозах, но к еде она относилась с фанатизмом. Я научилась печь картофель в микроволновке, и у нас еще была пароварка для приготовления риса.

– Ну, теперь понятно, – сказала Джозетта.

Клер обвела взглядом всех присутствующих и улыбнулась.

– Бретт сказал, что вы именно так отреагируете на мой рассказ о своем прошлом, – сказала она, обращаясь к Элеоноре.

– Он хорошо меня знает, – ответила она, явно польщенная.

– Он не понимает, что вы все им гордитесь. Бретт временами чувствует себя аутсайдером, мне так кажется.

– Ты могла бы помочь ему увидеть все в правильном свете, – сказала Фелиция. – Он сделал свой выбор и построил для себя хорошую жизнь, которой можно гордиться, но иногда нужен кто-то со стороны, чтобы пробиться сквозь барьеры,

возведенные в прошлом.

– Вы думаете, у меня хватит влияния?

– Я в этом уверена.

– И еще... Насчет Елены, мне кажется, ты заблуждаешься.

Бретт не может любить призрак, он любит женщину из плоти и крови – тебя, – сказала Элеонора, бросив на Клер многозначительный взгляд.

Мужчины вернулись после ужина. Клер обрадовалась, узнав о том, что Бретт передал Этану информацию о подозрительном политике и теперь делом займутся официальные инстанции. Но что Клер не понравилось, так это намерение Бретта держать ее подальше от людских глаз до тех пор, пока преступник не будет арестован.

– Мне надо возвращаться к работе. На мое место просто возьмут другого!

– Теперь, когда ты получила высшее образование, ты можешь заняться другой работой, которая больше соответствует твоей квалификации, моя сладкая.

– Ну вот. Теперь мне придется искать работу... – Клер совсем не улыбалась мысль отправиться за границу или исчезнуть в другом штате прямо сейчас. Свобода, о которой она мечтала, ее привлекала меньше, чем перспектива наладить отношения с Бреттом.

– Тебе не надо ее искать, она у тебя уже есть.

Клер опасливо подняла на него глаза. Интересно, что он имеет в виду под работой? Работу жены?

– Я говорю о нашей компании.

– Но ты уже дал работу Джозетте. Зачем тебе еще и я?

– Ты нужна мне, это точно. Но ты нужна и компании. Джозетта отлично владеет компьютером, но ты – просто ас.

– Он прав, Клер, ты в этом деле гений, – отозвалась Джозетта. Она сидела в кресле на веранде. Судя по голосу, она совсем не обиделась на Бретта за то, что он так превозносил Клер в ее присутствии. – Кроме того, мне еще надо закончить учебу, и я не хотела бы одновременно и работать, и учиться. Да и потом, когда я закончу учебу, я скорее всего предпочту работать на Даниэля. Меня больше привлекает архитектурный дизайн, чем работа у Хотвайера и Вулфа.

– Мы уже все обсудили и пришли к обоюдному согласию, – сказал Вулф.

– Ноя...

– По-моему, у вас открывается блестящая возможность, – сказал отец Бретта. – Все, за что берется мой сын, просто обречено на успех, и это означает, что вы в самом начале блестящей карьеры.

– Спасибо за доверие, папа.

– Всегда пожалуйста, сын. Я думаю, ни для кого не секрет, как я горжусь тобой. Из тебя вырос настоящий мужчина.

Бретт смотрел на отца во все глаза, беззвучно, как рыба, открывая и закрывая рот.

– Ты в самом деле так думаешь?

– Конечно.

– Спасибо.

Клер почувствовала, что слезы счастья подступили к глазам. Она сморгнула их, не дав пролиться. Лиз не была столь щепетильна. Она вытерла мокрые щеки.

– Это так славно. Вулф рассмеялся.

– Ох уж эти беременные женщины и их гормонально зависимая сентиментальность.

Лиз шлепнула его по руке, но тут же была усажена на колени. Вулф искупил свою вину быстрым поцелуем.

Элеонора с мужем и детьми отправились по спальням, и на веранде остались только бывшие контрактники, их жены, Клер, Бретт и его родители. Они просидели на веранде допоздна. А наболтавшись вдоволь, отправились спать.

На следующее утро Клер, проснувшись, увидела над собой склоненного Бретта, размахивающего перед ее носом тонкой белой полоской.

– Я узнал из заслуживающих доверие источников, что если ты пописаешь на эту полоску, то с вероятностью девяносто девять целых девяносто восемь сотых процента мы можем узнать, беременна ты или нет.

Клер уставилась на полоску, потом на Бретта.

– А если я беременна?

– Скорее всего я наброшусь на тебя, как сарацин. При мысли, что ты носишь моего ребенка, мой младший брат так твердеет, что я боюсь кончить прямо на мои «ливайсы».

– На тебе нет джинсов.

– Вот это и хорошо, правда же?

Клер сделала то, что он попросил, и осталась сидеть, уставившись на белый индикатор. Прошло несколько долгих минут, пока полоска в окошечке не стала менять цвет.

Бретт постучал в дверь ванной, и Клер вышла. Она и сама не вполне понимала, что испытывает.

Он выжидающе посмотрел на нее:

– Ну?

– М-м...

– Розовый – если ты беременна. Голубой – если нет. Какой там цвет?

– Ты действительно хочешь, чтобы я оказалась беременной?

– Да, но если это не так, я с удовольствием исправлю это положение, с твоего, разумеется, разрешения.

Господи, она верила, что он не лукавит, но означает ли это, что он любит ее или просто ему хочется стать отцом?

– Полоска розовая.

Бретт поднял Клер и закружил.

– Отличные новости, детка!

Она уткнулась лицом в его шею, прижалась к нему, возбужденная и испуганная.

– Ты правда думаешь, что из меня получится хорошая мать?

Бретт перестал кружить Клер, взял ее лицо в ладони и заставил посмотреть ему в глаза.

– Ты будешь самой лучшей мамой.

– Ты уверен? – Это больше всего ее смущало и запутывало.

Клер никогда не думала иметь своих детей. Она давно внушила себе, что сыта по горло заботой о матери и ей не нужна своя семья. И еще она боялась своего счастья – боялась, зная, каким зыбким может оно оказаться. Поэтому-то никогда и не задумывалась о таких вещах, как выбор подгузников или польза грудного вскармливания. Но сейчас она только и могла думать о том, что скоро даст жизнь новому человеку, который навсегда войдет в ее жизнь и жизнь Бретта, даже если они не поженятся.

– Я люблю тебя, Клер, – выдохнул он ей в губы и поцеловал.

Когда он поднял голову, Клер смотрела на него серьезно и без улыбки.

– Если я от тебя беременна, то это не значит, что ты обязан говорить мне то, что я хочу услышать.

Во взгляде Бретта не было удивления. Похоже, он именно этих слов от нее и ждал. А чему, собственно, удивляться?

– Я говорю тебе, что люблю, потому что я действительно тебя люблю.

– Тогда зачем было ждать до сегодняшнего дня, чтобы об этом сказать?

– Потому что я был настоящим идиотом. Но я понимаю, что мне будет непросто убедить тебя в том, что я действи-

тельно тебя люблю. В конце концов, ты женщина, а я вел себя как последняя скотина. Но я все равно сумею тебя убедить, моя сладкая. Ты смело можешь на меня ставить.

Бретт не дал ей возможности ответить, он подхватил Клер и понес на кровать, и там он любил ее с такой страстью, что оба едва не лишились чувств.

Бретт и Клер вылетали в тот же день. Джозетта и Нитро, а также Вулф и Лиз отправлялись домой коммерческим рейсом. Вулф должен был доставить всю компанию в ближайший аэропорт. Когда Клер спросила у Бретта, почему они не могут лететь все вместе, он объяснил, что хочет отвезти ее к себе домой, в Монтану.

Они мало разговаривали, и Клер поймала себя на том, что задремала еще до того, как самолет набрал высоту. Бретт не давал ей спать почти всю ночь, и Клер здорово утомилась.

Бретт тронул ее за плечо:

– Клер, сахарок мой...

Она с трудом разомкнула глаза.

– Что?

– Почему бы тебе не пройти в салон и не лечь? На кушетке тебе будет удобнее, чем рядом со мной в кресле.

– И мой храп не будет мешать тебе вести самолет, – шутливо добавила она и зевнула.

– Ты не храпишь, но ты меня отвлекаешь. Клер засмеялась.

– Ладно. Уже ушла.

Она отстегнула ремень и отправилась в конец салона, где была устроена маленькая спальня.

Когда она открыла дверь, знакомый запах ударил ей в ноздри. Она только сразу не сообразила, с чем у нее ассоциируется этот аромат. Кровать так и манила к себе. Она шагнула к кушетке.

– Придется вам подождать с отдыхом, мисс Шарп.

Клер повернула голову влево – туда, откуда донесся голос, и вскрикнула от ужаса. Мужчина, которого она прежде никогда не видела, стоял у дальнего края кровати и держал направленный на нее пистолет с глушителем.

Если ее пристрелят, Бретт даже ни о чем не узнает. Тогда и Бретт может погибнуть. И тут Клер стало по-настоящему страшно. Незнакомец мог убить их обоих. Надо было как-то предупредить Бретта.

Она открыла рот, но и крикнуть не успела, как мужчина, подняв пистолет, рявкнул:

– Не смей!

И Клер не стала кричать. Не потому, что ее напугала угроза, а потому, что он до сих пор ее не убил. У него был какой-то план, и ей захотелось узнать, какой именно.

– Полагаю, вы и есть Уильям Кили?

Серые глаза незнакомца удивленно округлились, но затем он прищурился.

– Вы знаете, кто я.

– Да. Чего я не знаю, так это того, что вы делаете на этом

самолете.

– Возникло несколько вопросов, которые я должен решить. – Глаза его были холодны как лед. – Как вы меня вычислили?

– Мы нашли дневник.

– Выходит, он вел запись всех заказов, а не только тех, за которые брался.

– Да.

– Это меня и беспокоило.

– Значит, это вы убили Лестера? – спросила Клер, испытывая одновременно отвращение и возмущение тем, что в этом человеке не было ни капли раскаяния.

– Не скажу.

– Принимая во внимание то, что в ваши планы входит убить меня и Бретта, какая вам от этого разница?

– Кто сказал, что я хочу вас убить?

– Вы наставили на меня пушку.

– Это мера предосторожности.

– Чего я не могу понять, так это того, почему вы ее еще не пустили в ход, – сказала Клер, словно не слышала его последней реплики.

– Я не хочу пускать ее в ход, но если вы не оставите мне иного выбора, то придется. Так что даже не думайте кричать. Хотя ваш любовник едва ли сможет услышать вас из кабины.

– Но вы и так ничем не рискуете.

– Не рискую. У вас редкостное самообладание. Клер по-

жала плечами.

– Привычка. Вы и ваши люди в черном успели меня закалить. Теперь я не способна ни паниковать, ни закатывать истерики.

– Не помню, чтобы вы когда-либо закатывали истерики.

– Вы имеете в виду ту ночь, когда пытались придушить меня подушкой?

Ответ на свой вопрос Клер нашла в его глазах. Там она увидела быструю вспышку – верный знак того, что она попала в точку.

– Ваш одеколон вас выдает. Очень запоминающийся запах.

Он нахмурился.

– Одеколон – не отпечатки пальцев. Многие мужчины им пользуются.

– Возможно, но мне встречались только двое любителей этого парфюма. Вы и один из моих преподавателей.

– Понимаю.

Клер обвела взглядом спальный закуток и увидела за спиной непрошеного гостя нечто, похожее на рюкзак. Парашют. Почему он прихватил с собой парашют? Ответ лежал на поверхности.

Глава 23

Хотвайер набрал нужную высоту и включил автопилот. Взгляд его лихорадочно шарил по приборной доске. Ему было не по себе. Что-то не так. Перед взлетом он все проверил и не нашел никаких нарушений. Система охранной сигнализации ничего не выявила. И все же он чувствовал: что-то не так.

Бретт мысленно прокручивал события, начиная с прибытия в аэропорт. Он проводил друзей и поднялся с Клер на борт. Клер уговорила его вернуться в Портленд, и он ожидал, что она затеет ожесточенный спор. Однако Клер на удивление легко согласилась полететь с ним в Монтану. Теперь Бретт понял причину своей легкой победы – она просто хотела спать. По логике вещей, он правильно сделал, отослав Клер в хвост самолета, но интуиция подсказывала ему другое. Почему?

Бретт взглянул на показания радара и увидел, что впереди по курсу зона повышенного давления. Самолет может слегка поболтать, но ведь можно и обойти зону турбулентности. Нет, дело не в этом...

Он мысленно вернулся к тому моменту, когда они поднялись на борт. У него уже тогда было такое чувство, словно в кабине кто-то побывал, но система безопасности указывала, что посторонних не было с тех самых пор, как они с Клер три

дня назад покинули самолет. Бретт обвел взглядом кабину, но все было на месте. Так почему он решил, что кто-то был на борту?

И тут до него дошло. Он уловил очень слабый аромат. Этот запах был настолько слабым, что Бретт даже не дал себе отчета в том, что его чувствует, тем более что в тот момент он направил все свои силы на то, чтобы убедить Клер в необходимости доставить ее в Монтану.

Бретт напряженно стал вспоминать, с чем у него ассоциировался этот запах. Дорогой одеколон, но не вполне мужественный. Сладкий запах. Бретт вскочил с кресла и в два бесшумных прыжка оказался перед дверью в спальный отсек. Это одеколон того, кто напал на Клер.

Дверь в спальный отсек была приоткрыта.

– Вы посещали Лестера за неделю до его смерти. Он принял вас за вашего отца, верно?

– Да. Вначале я не понял, что происходит. И только когда он начал балаболить о том, почему он отказался от предложенной работы, до меня дошло, с кем я имею дело. У моего отца был несчастливый талант нанимать на нужную работу тех, кого не стоит нанимать ни при каких обстоятельствах.

– Полагаю, вы этим недостатком не страдаете? – спросила Клер ровным голосом. По тому, как она говорила, никто бы не догадался, что она испугана и нервничает.

Бретт был чертовски горд за нее, но он был готов убить того сукина сына, с которым она сейчас разговаривала. Ско-

рее всего этот тип держал ее на мушке. Иначе Клер давно прибежала бы в кабину.

– Нет, я этой болезнью не страдаю.

– Так кого же вы наняли помочь вам в вашей работе?

– А кто сказал, что я кого-то нанимал?

– Вам удалось обмануть охранную систему. А Бретт специалист в этой области. Я не думаю, что вы разбираетесь в компьютерах.

– Вы правильно думаете.

– Тогда... – Клер выуживала у него нужную информацию, и Бретт был восхищен тем, как мастерски она это делала. Если она подержит его на крючке еще немного, самолет войдет в зону турбулентности и их начнет болтать. Скорей бы уж. Тогда Хотвайер сделает свой ход.

– Скажите мне, кто еще считает, что я приложил руку к смерти старика, и я скажу вам, кого я нанял.

– Ваш ход – первый.

– Уступаю его вам. Клер тяжело вздохнула.

– Вам это не понравится, но, возможно, мое признание вас огорчит и заставит пересмотреть ваши планы относительно меня и Бретта. Те люди в черном в Вашингтоне знают о вас, и одного из них вы сильно раздосадовали.

Кили выругался.

– У них нет ничего против меня.

– Вы забываете про дневник.

– Дневник, конечно, сильно мешает делу, но там нет ни-

каких доказательств, что я убил престарелого киллера.

– И еще ваш одеколон. Я запомнила запах.

– Вы не можете быть уверены, что это был я.

– Вы оставили отпечатки возле моего дома.

– Туфли мои, кстати, тоже не ручной работы. Клер пожалала плечами.

– Скажите, кто продал нас с Бреттом?

– Вы так уверены, что это сделал тот, кто с ним знаком?

– Мои знакомые в основном старые люди. И, кстати, никто из них не знает про Бретта.

– Я тоже его не знал. До тех пор, пока он не явился с вами на похороны. Но после этого мне не составило труда нанять детектива, который вас обоих выследил.

– И кто этот шпион? – повторила Клер с упрямой настойчивостью, которая была так знакома Хотвайеру и которая сейчас, похоже, могла сослужить им обоим добрую службу.

Кили назвал фамилию, заставившую Бретта нахмуриться. Это был еще один бывший контрактник, отлично разбиравшийся в компьютерах. Бретт подозревал, что он не слишком совестлив. Он сдал бы и собственную семью, если бы ему хорошо заплатили. Бретт пару раз бывал вместе с ним на задании, но потом отказался работать с этим человеком в команде.

Бретт несколько не удивился тому, что его бывший сослуживец согласился оказать услугу слизняку Кили, но его страшно разозлило, что тот, другой, смог обезвредить со-

зданную им, Хотвайером, охранную систему.

Самолет дернулся и провалился в воздушную яму.

Клер закричала и упала, и Кили успел выругаться за мгновение до того, как на другом конце спального отсека послышался глухой удар.

Клер выползла из спального отсека на рекордной скорости, вскочив на ноги возле кабины пилота. Хотвайер сгреб ее и сунул в какую-то нишу. Кили бросился следом с оружием наготове. Хотвайер выбил пистолет из рук Кили и одним ударом кулака уложил его в нокаут.

– Свяжи его, – крикнул он Клер, а сам бросился в кабину пилота. Самолет сильно трясло. Надо было вывести его из этой турбулентной зоны.

Выровняв самолет, Хотвайер помчался назад, к Клер, которая уже успела связать Кили и тащила его к туалету.

Хотвайер нежно, но твердо отодвинул Клер в сторону, и прежде чем запихнуть беспомощного Кили в туалет, стал обыскивать его карманы, так, чтобы у него не осталось никаких острых предметов, с помощью которых тот мог бы перерезать веревку.

– Я уже это сделала. Все, что я нашла, положила там, – сказала Клер, указав на столик между двумя рядами кресел.

Хотвайер даже не взглянул в ту сторону до тех пор, пока не закрыл дверь туалета снаружи так, чтобы ее нельзя было открыть изнутри.

– Пусть побудет там, пока мы не сядем.

– И я того же мнения.

Бретт обнял Клер и сильно прижал к себе.

– Сладкая моя, эти несколько минут нагнали на нас страху.

– Я до смерти боялась, что ему надоест вести со мной беседы и он решит пристрелить сначала меня, потом тебя.

– Я чертовски рад, что он этого не сделал, но не могу понять, почему он на это не пошел.

– Он хотел, чтобы все выглядело так, словно произошла авария. У него с собой было два шприца. Готова поспорить, что в них та же дрянь, что он ввел Лестеру. Он взял с собой парашют – думаю, собирался нас отравить и оставить самолет без пилота, чтобы все выглядело так, словно на борту произошла авария.

– Похоже, ты это быстро поняла, моя сладкая.

– Только не успела придумать, как от него избавиться и как предупредить тебя.

– Турбулентность пришлась кстати.

– Это верно. Но я удивилась, что ты не пустил самолет в обход этой зоны. Я заметила, когда мы летели в Джорджию, что ты отлично выполняешь такие маневры.

Бретт рассказал Клер, как почувствовал, что что-то не так, и что он решил использовать воздушную яму как прикрытие для того, чтобы сделать свой ход. Затем он привел ее назад, в кабину, усадил на сиденье рядом с собой и сменил курс на Вашингтон, туда, где он уже позавчера побывал.

Приземлив самолет, он тут же позвонил Этану и договорился о передаче пленника властям. Им с Клер пришлось давать показания, так что только на следующий день он смог отправиться с ней в Монтану, как и планировал.

Клер с облегчением вздохнула, увидев дом Бретта. К счастью, он несколько не походил на роскошный особняк его родителей. Ей понравился этот простой одноэтажный фермерский дом, просторный и удобный.

Однако внутри дом оказался совсем не таким, как снаружи. Ничего патриархального не было в его оформлении. Оказалось, что у Хотвайера весьма оригинальный вкус и чувство стиля. Он предпочитал четкие геометрические линии, яркие цветовые пятна оттенялись теплыми обертонами. На стенах висели картины: как его собственные, так и других художников.

– Где ты рисуешь? – спросила она Бретта, когда он показывал ей гостиную.

– У меня студия в пристройке. Хочешь посмотреть? – В его интонации было нечто такое, чего Клер не поняла.

Она вопросительно на него посмотрела, но сказала «да».

Бретт кивнул, и выражение его лица в тот момент было таким решительным и напряженным, что оно могло бы ее испугать, если бы все страхи не улетучились, как дым, днем ранее, во время полета, который никто не посмел бы назвать рядовым и нормальным.

Клер проследовала за Бреттом в громадную комнату. Этот

мужчина относился к своему хобби всерьез. Сквозь застекленные люки в потолке в комнату щедро лился яркий солнечный свет. Все стены были завешаны картинами на разных стадиях готовности.

Некоторые полотна маслом оставались незавершенными. Были там и работы акварелью, и акриловыми красками. Но у всех у них имелось нечто общее. Тема. И этой темой была она – Клер.

На всех без исключения картинах была изображена она, Клер. Некоторые работы запечатлели ее спящей. Когда он мог видеть ее такой?

Клер, затаив дыхание, ходила по студии, переводя взгляд с одной картины на другую. Но везде она была разная. С разным выражением лица, в разном настроении.

Клер остановилась возле картины, которая была еще не закончена.

– Ты никогда раньше не видел меня обнаженной. Как ты смог это нарисовать?

– Я сотни раз видел тебя такой во сне. Ты не находишь сходство ошеломляющим?

Клер не могла ответить. Язык не слушался. Но Бретт был прав. Для человека, вдохновленного одним лишь воображением, он потрясающе точно запечатлел ее нагое тело.

– Одна галерея в Нью-Йорке пыталась уговорить меня выставить это полотно на несколько месяцев, но эта работа – лучшая, что у меня есть, и я не могу делиться ею с обще-

ственностью, не признав публично, что ты для меня так много значишь.

Клер протянула руку к полотну и пробежала пальцами по контурам груди, по соску, восставшему от желания.

– Я выгляжу так, словно не могу дождаться, когда ты вернешься в мою постель.

На картине Клер лежала посреди огромной кровати на простыне цвета заката. Край простыни закрывал лишь одно бедро, все остальное тело было открыто взгляду.

– Мысленно я был там с тобой.

– Я просто не могу поверить, что ты все это написал. И везде я.

– Творчество было для меня единственным способом сохранить рассудок, пока я так старательно скрывался от чувства, что ты во мне родила. Я говорил себе, что ты – просто интересный объект для творчества.

Клер опустила руку и повернулась к Бретту:

– О каких чувствах речь?

– Я говорил тебе, но ты мне не поверила. Но я люблю тебя, Клер. Давно люблю. Я был слеп, потому что... – Он замолчал, не договорив.

– Ты не хотел нарушать клятву, данную Елене. Хотвайер вздохнул:

– Это еще не все.

– Что еще?

– Я любил Елену, но долг для нее значил больше, чем я. Я

боялся того чувства, что испытывал к тебе. Оно было слишком сильным.

– Ты боялся, что я причиню тебе боль?

Бретт нахмурился. Ему совсем не нравилось говорить о своих чувствах, но тем не менее он кивнул.

– Я с самого начала чувствовал, что ты способна ранить меня сильнее, чем даже она, и это мне чертовски досаждало. Я был таким идиотом, Клер! Я сказал себе, что не люблю тебя, что я не могу тебя любить, что то, что я чувствую к тебе, – лучше, чем любовь.

– Возможно...

– Да, и это чувство лучше любви, по крайней мере той любви, что я испытывал к Елене. То, что я чувствую к тебе, гораздо больше, гораздо крепче, гораздо сильнее того, что было у меня к Елене. Ты – мое все. Ты – та женщина, которая может сделать полной мою жизнь. Ты можешь это понять? Ты нужна мне.

У Клер слезы наворачивались на глаза, но она не боялась расплакаться. Она даже представить не могла, что ее суровый солдат может так поэтично изъясняться.

– Я – несовершенна, – сдавленно проговорила она.

– И я рад, потому что ты как раз такая женщина, какая мне нужна. Я так тебя люблю, что мне страшно.

– И мне страшно. Я люблю тебя, Бретт. Так сильно люблю!

– Я знаю, моя сладкая. И я буду благодарить Бога каждый день и до конца дней, что ты меня любишь. Ты это знаешь?

Клер не могла ответить, да ему и не нужен был ее ответ.

Бретт поцеловал ее, а потом поднял на руки, отнес в спальню и положил на кровать. Клер увидела, что это та же кровать, что была на картине.

– Ты про это говорил «жить фантазиями»? – спросила она, глядя на то, как Бретт торопливо раздевается.

Он стал раздевать ее. Но тут уж он никуда не торопился. Сначала Бретт снял с нее обувь и носки, потом брюки и топ. Он оставил ее в бюстгальтере и трусиках, и у нее было чувство, что она обнажена больше, чем если бы он раздел ее донага.

Бретт отступил на шаг и окинул Клер взглядом, полным нежности и желания.

– Каждый миг с тобой – это ожившая фантазия, Клер. Самая лучшая фантазия. А теперь закинь руки за голову, родная.

– Зачем?

– Потому что мне нравится смотреть на тебя такую. Она засмеялась, сделав то, что он просил, и почувствовала, как соски скользнули по ткани бюстгальтера.

– Мне тоже это нравится.

– А теперь держи руки за головой, пока я буду снимать с тебя штанишки. Ты сделаешь это для меня, сладкая?

– Да...

Он не снял ее трусики сразу, а сначала провел по краю, потом вниз по лобку, и Клер выгнулась ему навстречу, томи-

мая желанием.

– Хорошо, – задыхаясь, сказала она.

– Да, милая, хорошо. – Бретт долго играл с крохотным лоскутом шелка, пока Клер не начала извиваться под его руками, изнывая от желания.

– Бретт, прошу...

Хотвайер вдохнул аромат возбуждения, исходящий от Клер, и просунул пальцы за резинку трусиков. Он хотел прикоснуться к ее шелковистой влажной плоти не меньше, чем того хотела она. Он столько мечтал о том, чтобы ласкать ее здесь, в своей постели, но никогда не думал, что его мечте суждено сбыться.

Но теперь Клер принадлежала ему, и он ни за что не отпустит ее от себя.

Он стал медленно стаскивать с нее трусики так, чтобы шелк ласкал ее бедра.

– Ты выйдешь за меня замуж, сахарок?

Клер, словно в беспамятстве, металась по подушке. Трусики упали на пол, и она благодарно раздвинула ноги.

Бретт провел ладонью по завиткам лона и сунул палец в медовый жар.

– Я о браке. Про то, что мы с тобой станем мужем и женой. Ты выйдешь за меня замуж?

– Я люблю тебя, – простонала Клер.

– И я тебя люблю. – Бретт сунул в нее два пальца. Клер вскрикнула.

– Скажи «да», Клер. Я хочу услышать слова. – Он не знал, откуда брались у него силы разговаривать, но он должен был знать, что пал последний из ее оборонительных рубежей.

– Да. Все, что ни попросишь, Бретт. Все, что угодно. Только ласкай меня.

Он лег на нее сверху и продолжил ласкать пальцами, но не прикасался ни к клитору, ни к той особой точке внутри.

– Это интригующее предложение, сахарок, но мне от тебя сейчас нужно внятное согласие принять мое предложение руки и сердца.

Клер опустила руки и, схватив его пенис, подвела его к входу.

– Да, я выйду за тебя замуж, но вначале я могу убить тебя, если ты немедленно меня не полюбишь.

Бретт глубоко вошел в нее, одновременно целуя в губы. Они почти сразу кончили – оба, ловя губами крики друг друга.

Потом Бретт перекатился на спину, и Клер сказалась сверху.

Она водила ладонью по его груди.

– Интересно, кто у нас будет: мальчик или девочка?

– Мне все равно. Я не строю династий. Я просто хочу иметь здоровых детей.

– И я тоже. – Клер приподняла голову Бретта, чтобы заглянуть в его глаза. – Я не хочу играть пышную свадьбу, как у Джозетты. Я бы предпочла отпраздновать наш брак на пля-

же только с близкими друзьями. И с твоей семьей. Ладно?
Сердце Бретта замерло в груди.

– Отличная мысль, сахарок. Превосходная, можно сказать.

– Мы можем куда-нибудь поехать на медовый месяц?

– Да. Куда скажешь.

Клер вздохнула и закрыла глаза, положив голову ему на грудь.

– Мне все равно куда. Мне просто хочется быть с тобой и знать, что мы там, потому что мы любим друг друга и хотим быть вместе до конца дней.

– Хорошо сказано, дорогая, в самом деле хорошо.

– Это верно. – Клер крепко обняла Бретта, и он сомкнул руки вокруг нее, признав для себя раз и навсегда, что лучше любви может быть только любовь, такая любовь, как у них.

Они поженились на пляже Мехико. Приехали Куини, семья Бретта и их друзья. После свадьбы Бретт и Клер отправились на курорт, работающий по формуле «все включено», и Бретт там учил Клер нырять, а она его – запускать воздушных змеев.

Уильям Кили умер в камере предварительного заключения при загадочных обстоятельствах как раз накануне суда. Ходили слухи, что он имел связи, которые не подлежали разглашению, и потому влиятельные люди решили избавиться от него.

Клер была рада уже тощ, что если не правосудие, то хоть

справедливость восторжествовала, и убийца Лестера был наказан. Когда она сказала об этом Бретту, он заметил, что она чертовски кровожадна для пацифистки.

Но Клер была женщиной, которая если любит, то всем сердцем. И она готова была любить Гамильтона Бретта Адамса всем сердцем и всей душой до скончания дней.